

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт философии

О.В. Попова

**ЧЕЛОВЕК
как
АРТЕФАКТ
БИОТЕХНОЛОГИЙ**

МОСКВА
«КАН H+»
2017

УДК 1/14
ББК 87.2
П58

Монография издана при финансовой поддержке РФФИ,
грант № 15-03-00818

Рецензенты:

Доктор философских наук *В.И. Аршинов*,
доктор философских наук *Е.Г. Гребенщикова*

Попова О.В.

П58 **Человек как артефакт биотехнологий / О.В. Попова.** – М.:
Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 336 с.

ISBN 978-5-88373-092-3

В монографии представлено исследование этико-философских и социокультурных проблем распространения практик биотехнологического конструирования человека и дана оценка возникающим моральным парадоксам в свете распространения технологий улучшения человека и превращения телесности человека в артефакт биотехнологий.

Книга адресована широкому кругу лиц, интересующихся вопросами философии, этики, биологии, биотехнологии.

ББК 87.2

Охраняется законодательством об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается, в том числе и в Интернете, без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения законодательства будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-88373-092-3

© Попова О.В., 2017

© Издательство «Канон+»

РООИ «Реабилитация»,

оригинал-макет, оформление, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Современная историческая ситуация характеризуется мощным прогрессом в развитии биотехнологий, которые, помимо решения традиционных задач в медицине (разработка средств борьбы с заболеваниями), промышленности (использование микроорганизмов для производства полезных продуктов) и сельском хозяйстве, все чаще выступают в качестве фактора преобразования самого человека. Технологии «обволакивают человека» (Б.Г. Юдин¹), вторгаются в интимные механизмы его жизнедеятельности, опосредуя отношения между людьми и осуществляя социальный контроль, при этом они сами гуманизируются, постепенно приобретая человеческие черты, становясь искусственными «партнерами» человека в различных сферах жизни².

Одновременно происходит технологическое улучшение самого человека: он получает все больше возможностей не только исправлять ошибки природы (принимать терапевтические меры в случае болезни), но и улучшать (усиливать) свои интеллектуальные и физические способности. Активно реализующиеся в настоящее время проекты биотехнологического улучшения человека (human bioenhancement) многими исследователями рассматриваются как первые многообещающие шаги на пути реализации транс-

¹ Юдин Б.Г. Место антропологических проблем в биоэтике // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 1: Биоэтика: антропологические проблемы: сб. науч. статей / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 32 с.

² См. доклад Института Патенау: *Est R., van. Intimate technology: The battle for our body and behavior / With assistance of Rerimassie V., Keulen I., van, Dorren G. The Hague: Rathenau Instituut, 2014. 86 p.*

гуманистических проектов конструирования совершенного в моральном, физическом и интеллектуальном смысле пост-человека. Трансгуманистическая мечта о биотехнологически завоеванном бессмертии, конечно же, представляет горизонт развития биотехнологий, который имеет тенденцию отдаляться по мере приближения к нему. Однако это то будущее, которое уже сейчас существенно влияет на человеческое самопонимание и в такой регулятивной форме участвует в подготовке и осуществлении реальных биотехнологических проектов.

Современная эпоха, с характерным для нее интенсивным развитием биотехнологий, проблематизировала возможность демаркации границы между технологическими артефактами и естественными объектами. Объектом проблематизации стал человек и его тело. Человек все в большей степени начинают рассматривать себя как предмет дизайна и конструирования, как артефакт научно-технологической и экономической деятельности, лишенный гуманистической ценности товар на биотехнологическом рынке (представленный в форме клеток, органов или тканей, наполняющих биобанки и «черные» рынки человеческой плоти).

Резко расширяющиеся возможности искусственного вмешательства в биологию человека (биотехнологические манипуляции на клеточном уровне, трансплантация органов и тканей, интенсивная терапия и т.д.) определили появление новых представлений об антропологической границе, критериях жизни и смерти человека и одновременно вызвали кризис самопонимания, обусловленный разрушением естественных соматических основ идентичности человека и осознанием опасности стать объектом манипуляции в контексте воплощения биотехнологических утопических замыслов. Это, безусловно, спровоцировало взрыв этической рефлексии во многих странах мира.

В определенном смысле, формирование современной традиции этико-философского анализа проектов конструирования человека происходило в тени негативного опыта немецких и американских евгеников. Лишь к концу XX в. евгенические проекты получают новый стимул для своего развития уже в рамках либеральной идеологии благодаря успехам молекулярной биологии, генетической инженерии и терапии, технологий клонирования, редактирования генома и т.д.

Особенностью евгенических и других биоконструктивистских подходов к улучшению биологической телесности стало радикальное изменение в самосознании науки как на уровне философской рефлексии, так и на уровне реализации конкретных биотехнологических исследований.

Ядерные технологии, экологическая угроза, разоблачения нюрнбергского трибунала над немецкими учеными, проводившими варварские эксперименты на людях, преступные евгенические практики – все эти и многие другие феномены фальсифицировали представления о науке как ценностно нейтральной области человеческой деятельности, лишили представления о научном прогрессе статуса блага самого по себе.

В результате мы видим почти синхронное формирование в философии науки мощного движения STS³, в сфере междисциплинарных взаимодействий возникновение биоэтики как формы междисциплинарной организации критической ценностной рефлексии на инновационные процессы в науке, а в сфере науки включение практик ценностной рефлексии в контекст самих научных проектов современ-

³ Science and Technology Studies (исследования науки и технологии) – междисциплинарная область исследований, рассматривающая социальные проблемы развития науки и техники.

ного типа рациональности (формирование постнеклассического типа рационализма).

Таким образом, взрыв тенденций битехнологического конструирования сопровождался выстраиванием мощного этико-аксиологического каркаса, позволяющего осуществить процесс гуманизации технологического развития, придать ему человекообразный характер.

Предлагаемая читателю книга призвана оказать информационную и аналитическую поддержку в отношении исследования этических аспектов развития практик биотехнологического конструирования человека и обратить внимание на ряд актуальных проблем, остро нуждающихся в обсуждении и, возможно, разрешении.

Как современные биотехнологии повлияли на понимание человеком самого себя? Где проходят границы природы и культуры в отдельно взятом человеческом существе? Можем ли мы сформировать пространство должного в ситуации экспоненциального технологического роста и всепроникающего влияния биополитики? – все эти вопросы провоцировали рождение книги и стали предметом философского анализа.

ГЛАВА 1

БАЗОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДУСЫ: БЫТЬ, ОБЛАДАТЬ, КОНСТРУИРОВАТЬ

1.1. Биоэтический и медико-антропологический тезаурус проблемы конструирования человека

Прежде чем приступить к исследованию поднятой проблематики, следует уточнить семантику используемых в дальнейшем релевантных терминов, понятий и некоторых концептуальных преставлений. Буду при этом опираться на понятие тезауруса, близкое к той трактовке, которую оно получило в концепции Вал. А. и Вл. А. Луковых¹. Тезаурус – это специфический для гуманитарных наук способ организации знаний, который характеризуется представлением понятийного словаря не в иерархическом, а в сетевом виде. Его главная задача состоит в обеспечении проблемоцентричной ориентации исследования в семантически сложной, междисциплинарной и даже трансдисциплинарной среде. Применительно к проблемам биоэтики представление о тезаурусной организации междисциплинарного гуманитарного знания было обсуждено в работах П.Д. Тищенко².

¹ См.: *Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусный подход: исходные положения // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 9.

² См., например: *Тищенко П.Д.* Биоэтика как форма социально распределенного знания // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2.

Во-первых, что касается понятия «биотехнологии», то за основу можно взять определение, данное в докладе Президентского совета по биоэтике США «За пределами терапии» (2003 г.). Под «биотехнологиями» в докладе понимаются процессы и продукты, обладающие потенциалом изменения и контроля феномена жизни в различных ее проявлениях³. В этом определении исходно выносятся за рамки осмысления все те аспекты, которые касаются медицинского использования технологий. Это исключение концептуально нетривиальное, и его проблемы мы обсудим в четвертой главе. Во-вторых, из семантического поля «за пределами терапии» исключаются многочисленные аспекты использования биотехнологий в военных целях, целях обеспечения национальной безопасности, а также террористических целях. Безусловно, все это важнейшие и актуальнейшие проблемы, но в нашей работе они обсуждаться не будут.

Близким по содержанию к этому определению является определение, данное в словаре Биотехнологической промышленной организации (the Biotechnology Industry Organization – BIO)⁴. Здесь речь идет о биотехнологиях как «использовании биологических процессов для решения проблем или создания полезных продуктов»⁵.

Отличительной чертой определения, используемого мною, является акцент на процессуальной стороне биотехнологий. Под биотехнологиями, в частности, начинают

³ Я опираюсь на определение, данное в докладе Президентского совета по биоэтике США «За пределами терапии» (2003 г.) см.: Beyond Therapy. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. The President's Council on Bioethics, Washington, 2003. <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/beyondtherapy/>

⁴ Biotechnology Innovation Organization // www.bio.org

⁵ Там же.

пониматься процессы, которые исправляют генетические дефекты на основе использования знаний о геномике или процессы, позволяющие улучшить биологические свойства путем использования биотехнологий. К биотехнологиям также относятся продукты, полученные благодаря этим процессам, такие как генетически модифицированные клетки или биомеханические устройства или ткани, полученные из стволовых клеток, то есть произведенные промышленным путем, обладающие способностью изменить функционирование сознания и тела, полезные агенты⁶.

Рассуждая о биотехнологическом конструировании, буду также опираться на предельно широкое истолкование понятия биотехнологий, данное немецким философом J.C. Heilinger⁷. Рассматривая различные виды биотехнологических вмешательств, он делит их на три вида:

- технические вмешательства или расширения («киборгизация»);
- генетическая инженерия с целью улучшения человеческой наследственности;
- биологическая оптимизация процессов в организме, в частности в мозге.

Данные виды вмешательств (биотехнологии) подразумевают применение научно обоснованного знания в отношении живых организмов (человека).

Эту точку зрения целесообразно дополнить и конкретизировать пониманием биотехнологий, которого придерживается П.Д. Тищенко: биотехнологии являются разновидностями технологий, «в которых живые объекты выступают либо как технические средства технологий (например,

⁶ *Beyond Therapy*. Biotechnology and the Pursuit of Happiness. The President's Council on Bioethics, Washington, 2003. P. 1. <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/beyondtherapy/>

⁷ *Heilinger, Jan-Christoph*. Anthropologie und Ethik des Enhancements. De Gruyter. Berlin/New York, 2010. S. 25.

технологий производства биотоплива), либо как объект преобразования, т.е. “материя” для производства полезного артефакта»⁸. К биомедицинским технологиям, следуя его точке зрения, следует отнести «классические методы врачевания (в том числе и психоанализ), его новейшие формы – генодиагностики и генотерапии, клонирования, трансплантологии, экстракорпорального оплодотворения, суррогатного материнства, в психофармакологии»⁹.

Развитие биотехнологий сопровождается созданием своеобразной идейной «надстройки» – биоэтики – комплекса взглядов, ценностей, целей, отражающих рефлексию над социальными аспектами развития биотехнологий, их антропологическими рисками. Само появление биоэтики может рассматриваться как следствие «вторжения “конструирования” в человеческую природу»¹⁰. Это связано с переориентацией метода современной науки – с открытия на конструирование. По мнению А.Н. Павленко, данная тенденция проявила себя в трех ключевых аспектах:

«1) Техника становится господствующей формой отношения человека к миру. 2) Главным методом такого отношения становится конструирование новой природы или просто – переконструирование существующей природы (redesigning of nature) – и дальнейшее ее использование во благо человека. 3) Главным следствием произошедших изменений становится максима: (III) “Все, что не соответ-

⁸ Тищенко П.Д. Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 40.

⁹ Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/tichenko_bio/00.aspx

¹⁰ Павленко А.Н. Искусственное и естественное // Новая философская энциклопедия. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1295.html>

ствуется требованиям техники, – является не техничным (не эффективным) и должно быть отвергнуто”¹¹.

В свете этих процессов биотехнологии рассматриваются как «выражение технологического духа, желание и диспозиция рационального понимания, упорядочивания, предсказания и, в конце концов... контроля событий и творений природы»¹².

Таким образом, широкое понимание биотехнологий связано с их трансформативным потенциалом, они являются средством, формой усиления человека, улучшения его природы и усовершенствования его качеств. Диапазон применения биотехнологических продуктов и техник необычайно широк. Развитие и пищевой промышленности, и медицины, и многих других сфер жизни сегодня невозможно без активного применения биотехнологий. Меня же преимущественно будет интересовать возможность применения биотехнологий в целях конструирования, дизайна человека.

Сразу же обращу внимание на особую семантическую сложность понятия конструирования, которая лишь отчасти, очень приблизительно обозначена в современных словарях.

Глагол «конструировать», производным которого является существительное «конструирование», образован от латинского слова *constructio* – построение. Словарные статьи фиксируют такие значения данного глагола, как «составлять, располагать, представлять в той или иной форме»¹³; «органи-

¹¹ Павленко А.Н. Новый шанс для философии (От научной рациональности к рациональности технической). Режим доступа: <http://iph.gas.ru/uplfile/onsc/NSh.pdf>

¹² Там же. Р. 7.

¹³ Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: 1907. Режим доступа: <http://www.inslov.ru/html-komlev/k/konstruirovat5.html>

зовать (организовывать), учредить (учреждать)¹⁴; проектировать, строить»¹⁵; «разрабатывать конструкцию. Придумывать, изобретать, создавать»¹⁶. В английском языке эквивалентом «конструирования человека» выступают, на мой взгляд, понятия «Human Design» и «Human engineering».

В современной философии конструктивизм выделился в особое направление, разросся во множество конкурирующих друг с другом направлений (социального, эпистемологического, радикального и других видов конструктивизма). В работе Е.Н. Князевой «Эпистемологический конструктивизм»¹⁷ упоминается тенденция проникновения конструктивистских интенций в футурологические исследования (futures studies), важной составляющей которых является интенция на создание желаемого будущего. В этой связи уместно упомянуть об особом направлении современного конструктивизма, которое я условно назову биотехнологическим конструктивизмом. Этим понятием я буду обозначать идеи и концепции, исследующие социальные перспективы конструирования человека и отдельных аспектов его существования, связанных с развитием современных биотехнологий.

¹⁴ Толковый словарь русского языка» / под ред. Д.Н. Ушакова) // <http://ushakovdictionary.ru/>

¹⁵ Словарь синонимов русского языка: практ. справ. М.: Русский язык. З. Е. Александрова, 2011. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/251133.

¹⁶ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <http://www.efremova.info/>

¹⁷ Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page50344579.htm>

1.2. Основные представления об артефакте как продукте конструирования в современной философии

Сразу же следует обратить внимание на то, что экспликация этико-философских проблем, связанных с феноменом биотехнологического конструирования, всегда предполагает обращение к проблеме искусственного/естественного, к раскрытию различных коннотаций, скрывающихся за словом «артефакт». Основание конфликта, провоцирующего напряжение современной биоэтической мысли, связано с расширением и усилением артефактичности в различных локусах человеческого существования (рождении, болезни, смерти), которые хотя и не были полностью подвластны воздействию естественных процессов, все же, как будет показано ниже, не превращались в искусственный продукт в такой степени.

В узком смысле среди однокоренных близких по значению понятий понятие артефакта отсылает к искусству, мастерству, науке.

Собственно, слова «ars», «artis» имеют именно эти значения, а в дополнение еще и такие как: правила искусства и наук, теория, ловкость, опытность (то есть искусство на практике), кроме того, в переносном значении вследствие влияния занятий на характер – хорошее или дурное качество, привычка, образ действия, поступки, стремления, добродетель, порок.

Осмыслению соотношения понятий «искусственное» и «естественное» отводилась значительная роль в истории философии. Принципиально важной для меня здесь является позиция Аристотеля, по-своему задавшая основания для дальнейшей этической и биоэтической проблематизации этих понятий. Для Аристотеля естественное существует по природе, а искусственное – в силу иных причин.

Вещи, существующие по природе, обладают своего рода автономией в том смысле, что являются источником движения и покоя, проявления активности, в то время как образованные искусственным путем предметы, даже если они состоят из природных тел, производны от активности первых, в отличие от первых не обладают душой и тем самым онтологически менее значимы, онтологически ущербны.

Однако также стоит обратить внимание на то, что «естественность» природы подвергается проблематизации в философско-теологической мысли. Представление о ней как о творении Бога, его изделия, доминировавшее в Средние века, с одной стороны, подчеркивает ее онтологическую недостаточность, с другой – закладывает фундамент дальнейшего конструирующе-преобразовательного отношения к природе в целом и природе человека (его телесности) в частности.

Коннотации, связанные с понятием «артефакт» в современной философии науки и техники необычайно широки. С одной стороны, артефакт – это искусственный объект, нечто произведенное, то, что сотворено человеком. Онтологическое основание артефакта связано с естественными предпосылками: человек использует законы природы и особенности их протекания в тех или иных процессах и явлениях, ее представленность в различных объектах мира. И когда само различие между естественным и искусственным в процессе человеческого вмешательства ставится под вопрос (например, в результате манипуляций с человеческими клетками на генетическом уровне), то мы имеем дело с реальностью, с одной стороны, появление которой детерминировано самим актом вмешательства, но с другой, имеющей естественные предпосылки своего развития, как если бы она обрела их исключительно от природы.

С другой стороны, артефактом можно считать любую социальную конструкцию, дихотомия «естественное – искусственное» должна быть спроецирована на существование самого человека. Тем самым подразумевается, что человек есть не только нечто данное, но еще и заданное: культурой, обществом, технической средой, которые и являются продолжениями его существа, и социальными константами, детерминирующими его существование. Человек находится в процессе непрерывного самопреобразования, «заботы о себе» и одновременно включен в бесконечный процесс социальных интеракций, коммуникативных взаимодействий, затрагивающих его физическое и психическое существование. Являясь своего рода социальной конструкцией, человек определен (задан) целями и ценностями своего сообщества, предопределяющими его к исполнению той или иной социальной роли, подобно тому как вещь предназначена к выполнению той или иной функции.

Артефактами являются объекты, являющиеся результатом преобразования со стороны субъекта. Как правило, это преобразование носит преднамеренный характер, хотя стоит отметить, что, например, в медицине (в частности, речь идет о диагностике) артефактом могут называть погрешность, которая имела место в результате исследования, нечто неумышленное, но все же то, что было привнесено самим исследователем или аппаратурой.

Дилемма искусственного–естественного, попытки определения этих понятиях возникают на разных уровнях обсуждения, затрагивая дихотомии природы и культуры, тела и духа, организма и механизма и др.

На мой взгляд, целесообразно выделить две базовые позиции в отношении понимания онтологического статуса артефакта: эссенциализм и элиминативизм. Эссенциализм наделяет артефакты онтологической значимостью, невзи-

рая на то что существование артефактов зависит от намерения изготовителей, в то время как элиминативизм отказывает артефактам в онтологической значимости ввиду обусловленности их появления чьей-либо волей¹⁸.

В статье Л. Бейкер «Онтологическая значимость артефактов» построение онтологии артефакта осуществляется путем опоры на три основных признака, отличающие артефакт от естественного объекта:

«1) Существование артефактов (но не естественных объектов) онтологически – а не только каузально – зависит от целей человека.

2) Соответственно, артефакты – это “интенциональные” зависимые (ИЗ) объекты...

3) Артефакты (но не естественные объекты) обязательно имеют собственные функции, специально заложенные в них существами с убеждениями, желаниями и намерениями...»¹⁹.

Л. Бейкер полагает, что артефакты имеют такой же онтологический статус, как и естественные объекты, а отсутствие у них интенциональности не указывает на их онтологическую неполноценность. Онтологическая значимость артефактов связана с их функциональностью. И создатели, и пользователи, обращаясь с артефактом, используя его в повседневной жизни, как бы демонстрируют значимость артефакта. Онтологическая значимость объекта (артефакта) в этой связи не должна определяться его независимостью.

¹⁸ Драгалина-Черная Е. Добавленная реальность: от интенций к интуициям // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 35.

¹⁹ Бейкер Л. Онтологическая значимость артефактов // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 18.

Идентичность артефактов связана с их зависимостью от намеренной деятельности, с их функциональными свойствами. Артефакты отражают убеждения и ценности человека, его представления о мире и о месте самого человека в этом мире. Они как бы являют лицо самого человека, его визитную карточку в конкретных исторических условиях.

Артефакты – это не только окружающие нас объекты, но и наши тела, собранные, сконструированные нами особым образом, развиваемые нами в соответствии с той или иной нормативной моделью. Гендерные каноны телесности, подчеркивающие в теле прекрасное и мужественное, эксплицируют тело как культурную схему, абстракцию, артефакт.

Поиск артефактов в нашем теле релятивизирует утверждение, что существование артефактов зависит не от природы, а от нас, фактически артикулируя то обстоятельство, что существование артефактов зависит от нас, но мы являемся частью природы²⁰, или же, если предпочесть более радикальный вариант, – сама природа становится частью мира вещей и может быть собрана, сконструирована как вещь.

Позиция Л. Бейкер, представляя собой пример эссенциалистского подхода к исследованию артефактов, находится в майнстриме с мнениями таких ведущих представителей философии и социологии науки, как Д. Харавей²¹ и Б. Латур²².

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ *Haraway Donna Jeanne* (1991). «A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century». *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. Routledge.

²² См.: *Латур, Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.; *Латур, Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / пер. с англ. О. Столяровой // *Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия*. 2003. № 3. С. 20–39.

Они являются основоположниками точки зрения о том, что вещи и люди обладают равным онтологическим статусом, являясь агентами, вызывающими трансформации окружающей действительности. Поворот к вещи как к агенту действия можно кратко охарактеризовать метафорой «мгновенной фотографии», предложенной С. Фуллером: «Важно то, что присутствует на “снимке”, а все вещи обладают равной степенью присутствия»²³.

1.3. Онтологические особенности биотехнологических артефактов. Человек как артефакт

В отношении биотехнологических артефактов человек имеет дело, с одной стороны, с природой, а с другой – с такой представленностью природы, которая стала возможна исключительно благодаря интенциям и целеполаганию ученого. Он представляет человечеству «технически организованные экспериментальные ситуации, не встречающиеся в природе в таком виде»²⁴. Если ранее ученый своими исследованиями способствовал развитию искусственной среды, состоящей из артефактов, то в последние годы речь идет о становлении нового гибридного мира, построенного на основании естественно-искусственных систем, полученных в результате применения НБИКС тех-

²³ Фуллер С. Природа как артефакт – и что значит быть человеческим существом // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 80.

²⁴ Горохов В.Г. Новая жизнь «искусственного интеллекта» в проблеме технического усовершенствования человека // Естественно-искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2011.

нологий, действие которых распространяется как на макроуровне, так и в микромире (например, размещение чипов внутри наших тел или нанороботов, доставляющих лекарства и т.д.).

Проблема дифференциации искусственных и естественных объектов отчетливо обозначается в процессе исследования объектов нано-масштаба, например молекулярных компонентов клетки. Нанобиотехнология часто пытается заменить органическое (естественное) механическими (искусственными) имплантатами, усовершенствовав тем самым человеческое существо. Развитие генетических технологий, способных модифицировать геном человека на самых ранних стадиях его развития, делающих различие между искусственным и естественным предельно минимальным, проблематизирует онтологический статус артефакта в новых реалиях научно-технического прогресса.

Что же происходит с онтологическим статусом артефакта в мире развитых биотехнологий? Давайте представим себе историка-археолога, прилагающего значительные усилия для поиска определенных культурных объектов. Мир вещей, с которым имеет дело такой историк, вполне осязаем, каждый его артефакт может быть представлен в качестве музейного экспоната. Если бы историк далекого будущего попытался классифицировать значимые артефакты нашего времени (нашего ближайшего будущего), он вынужден был бы иметь в виду, что их следует искать не только в местах захоронений или на свалках, где самым очевидным образом явлена культура потребления (самый очевидный признак нашего времени), но прежде всего в останках наших тел. Именно они – тела подступающего к нам будущего – предоставляют место для реализации истории технологических артефактов – истории инкорпорированной технологии (наполняющей наши тела чипами,

различными электронными устройствами, а также различными усилителями наших телесных качеств и свойств сознания). Тот факт, что современная инженерия «размывает границу между естественными объектами и артефактами»²⁵, поставил бы под сомнение возможность традиционной работы археолога в пространстве миниатюрных артефактов либо вызвал бы необходимость появления профессионалов, специализирующихся на археологии тела, с его бесчисленными миниатюрными артефактами.

В связи с развитием биотехнологий понятие артефакта все чаще начинает упоминаться в контексте анализа происходящих процессов на молекулярном уровне. В биологии распространенным становится понятие орудия или машины: «Молекулярные компоненты клетки описываются как орудия или машины, функционирующие на микромолекулярном уровне: рибосомы являются сборочными конвейерами, миозины – моторами, полимеразы копирувальными устройствами, протеазы... бульдозерами, мембраны – электрическим экранирующим ограждением и т.д. Хотя биологи в принципе и согласны с тем, что живые системы являются продуктом эволюции, а не проектирования, они описывают их как устройства, созданные для выполнения специфических задач»²⁶.

Конечно, попытки дать механистическую трактовку природы предпринимаются очень давно и имеется множество исследований в этом направлении. Сама жизнь (как

²⁵ Там же.

²⁶ *Bensaude-Vincent B. and Guchet X. Nanomachine: One Word for Three Different Paradigms // Techné. 2007. Vol. 11, No. 1. Цит. по: Горохов В.Г. Новая жизнь «искусственного интеллекта» в проблеме технического усовершенствования человека // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2011.*

биологическая, так и социальная) может характеризоваться в этой линии рассуждений и как поли-супер-мета-машина (Э. Морен²⁷), и как мегамашина (Л. Мамфорд²⁸) или схватываться подобными метафорами, подчеркивающими факт преступления жизнью положенных границ любого понятия, ее открытость интерпретации, равно как и открытость биологии человека и его социальной организации. Вместе с тем при подчеркивании всех этих качеств жизнь и природу все же «смешивают» с машиной. Какие эпистемологические основания обращения человека к себе как к машине?

Поставив таким образом вопрос, я бы хотела обратить внимание на ряд факторов, обусловивших понимание природы как артефакта, которые обозначил С. Фуллер в статье «Природа как артефакт – и что значит быть человеческим существом»²⁹. Основываясь на предпосылках, выявленных С. Фуллером, перейду к описанию особой онтологии человека как биотехнологического артефакта.

С. Фуллер отмечает, что механистическое мировоззрение, доминировавшее в Европе в XVII в., отголоски которого слышны в современности, оказывается близко набирающему популярность на Западе направлению интеллектуального дизайна. Что такое механизм для обоих направлений? В Новое время «механизм понимался как нечто целесообразно устроенное и подразумевавшее в

²⁷ Морен Э. Метод. Природа Природы / пер. с фр. Е.Н. Князевой. М.: Канон, 2013.

²⁸ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115>

²⁹ Фуллер С. Природа как артефакт – и что значит быть человеческим существом // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012.

данном случае божественного механика»³⁰. Идея природы как артефакта кроется в идее сотворения людей «по образу и подобию» Божьему. Люди стремятся к воссоединению с Богом, созерцая его, а научный прогресс, с точки зрения сторонников Интеллектуального дизайна, – не что иное, как «стремление к предельной теории действительности (к “проникновению в ум Бога”, как говорят физики)»³¹. Стремление к совершенству, заложенное в человеке, выражается, таким образом, в наиболее полном описании реальности, в намерении охватить все ее аспекты. Другая немаловажная составляющая данной перфекционистской установки состоит в том, что человек не только описывает мир и объясняет его, но и коренным образом изменяет его, наполняя его всевозможными артефактами.

Кроме того, особое значение для становления техногенной цивилизации (которое, однако, прошло мимо историков науки), имело распространенное в религиозной среде положение о достижении целей малыми средствами, то есть способность получать многое, распоряжаясь малым. «В первую очередь это относится к обучению как упражнению, позволяющему обогащать за счет самообеднения: человек облегчает друзьям усвоение того, чему он сам научился с немалым трудом. Но таков же и современный критерий эффективности технологического прогресса», – пишет С. Фуллер. – В обоих случаях “бедность” ассоциируется с дематериализацией переданных интеллектуальных данных, а цель последней – максимально прозрачное представление процессов, происходящих в мире»³².

Свою причастность к божественному человек также зафиксировал в своей способности видеть мир всеобъем-

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ Там же. С. 84.

³² Там же. С. 85.

лющим образом, предвидеть последствия своих действий и преодолевать различие между человеком и Богом с помощью «максимально эффективных артефактов».

По мнению С. Фуллера, представляя собой артефакт, человек существенным образом отличается от тех артефактов, которые стали плодами и инструментами его жизнедеятельности. В этой связи С. Фуллер эвристически вводит различие надежных и ремонтпригодных систем³³. Если «надежная система» обладает широким спектром возможностей, которые могут применяться в самых разных ситуациях, то ремонтпригодная система ««деконструирована»: ее создатель счел, что проще будет починить орудие в случае отказа или доделать его так, чтобы оно соответствовало своим задачам»³⁴. Данное различие, спроецированное на человеческое существование, артикулирует проблему артефактивности человека. В этой связи люди являются и организмами (то есть ремонтпригодными системами) и механизмами (то есть надежными системами).

Человек как ремонтпригодная система – это организм, открытый эволюционным измерениям. Он делит с другими организмами единую природную среду обитания. Однако человек как надежная система неизменно играет роль повелителя природы, символизирующую богоподобие человека, его неизменную тягу к совершенству, выражаемому в обладании некоторой устойчивостью.

Сложносоставность человека и многообразие его установок определяют и его открытость ситуации (способность к изменениям), и его устойчивость, консервативность.

³³ См.: *Bleed M. The optimal design of hunting weapons: Maintainability or reliability?* // *American Antiquity*. 1986. № 51. P. 737–747.

³⁴ Фуллер С. Природа как артефакт – и что значит быть человеческим существом // *Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 87.

Именно это парадоксальное сочетание оказывает влияние на эффективность человеческой деятельности, ее творческий и одновременно стабильный характер.

Артефактичность человека, имманентно присущая его способу бытия в мире, многолика. Возможно, анализируя различные смыслы артефактичности, целесообразно выделить различные формы артефактичности человеческой природы. Одну из них, о которой речь шла выше, я обозначаю как исходную, естественную артефактичность. В основе ее лежит идея человека как творения высшего замысла (интеллектуального дизайнера), которое настойчиво проводит перфекционистскую линию в своем образе жизни, совершенствуя самого себя и наполняя мир результатами своей деятельности – артефактами. Другой вид артефактичности связан с тем, что человек, не удовлетворяясь естественными предпосылками своего существования, заложенными в его телесности, обращает свою перфекционистскую установку на биологические основы собственного существования. Фактически человек пытается осуществить замысел управления собой как гибридом ремонтпригодной и надежной систем.

Эти две основополагающие позиции человека в мире могут дополняться промежуточными вариантами. И еще важно подчеркнуть, что, когда речь идет о моральных проблемах в связи с влиянием биотехнологических артефактов на человеческую жизнь, суть этих дебатов можно свести к двум векторам, обозначенным мною выше для характеристики особенностей построения той или иной онтологии: эссенциалистскому и элиминативистскому.

В рамках первого подхода проблематизируется онтологическая значимость человека как артефакта и подчеркивается, что будущее человека является не чем иным, как будущим артефакта. Человек значим только как технологический артефакт, его естественные предпосылки суще-

ствования слишком бедны и недостаточны для полноценной жизнедеятельности. Представителями эссенциализма являются современные трансгуманисты. Я обращаюсь к более подробному анализу их точки зрения ниже.

Элиминативисты в этике отказываются проводить знак равенства между человеком как артефактом (например, таким, у которого проведено вмешательство в генетический аппарат и созданы предпосылки для появления тех или иных желательных черт) и человеком с естественными предпосылками своего развития. Классическим примером, выражающим сущность данной позиции, является позиция Ю. Хабермаса, жестко отстаивающего технологическое невмешательство в физическое основание личности с интенциями конструирования. Более подробно его позиция будет рассмотрена ниже.

1.4. Биотехнологическое конструирование как современный культурный проект³⁵

Определение границы между артефактами и естественными объектами невозможно без учета социокультурной составляющей. Кроме того, этот процесс зачастую связан с выполнением прагматических задач. Артефакт в своей онтологической роли может быть рассмотрен в качестве объекта, который компенсирует дефицит человеческой сущности³⁶. Этот дефицит может проявляться на разных уровнях: человек испытывает дефицит физических, позна-

³⁵ Результаты исследования отражены в статье: *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование искусственного – естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.

³⁶ Следуя идеям А. Гелена: *Гелен А.* О систематике антропологии / пер. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 152–201.

вательных возможностей, дефицит эстетических, моральных качеств. Такого рода дефицит имманентен человеческому существованию, которое обладает функциональной недостаточностью, бедностью. Попытки компенсировать собственную недостаточность полезными вещами (фактически усилителями человеческой природы) не в полной мере удовлетворяют потребности человека. Возможно, это связано с тем, что внешние артефакты, выполняющие в жизни человека прагматические функции, как бы они ни были умело подстроены под хабитус человека, все же являются для него чем-то чуждым, мешающим, отвлекающим от собственной субъектности, в то время как идеальный артефакт должен не осознаваться в качестве инструментализируемой вещи, он должен обладать собственной активностью, исходящей при этом из глубины самого субъекта, ощущаться как его собственное, с легкостью инструментализируемое собственное тело. Выполнение этого парадоксального требования оказывается возможным только в случае, если артефакт окажется глубоко укоренен в человеческой телесности, то есть онтологически будет находиться на грани превращения в естественную вещь. В современных технических и, в частности, биомедицинских артефактах заложена именно эта тенденция, они должны быть максимально удобны как в плане своего функционирования, так и дизайна и, если нужно, быть и вовсе незаметны (достаточно вспомнить о кардиостимуляторах, искусственном сердце, переносных диализных аппаратах и т.д.).

Современный культурный проект направлен на миниатюризацию артефакта. Речь идет не только о его миниатюризации (как, например, в случае с нанотехнологическими артефактами), но, если можно так выразиться, онтологической миниатюризации, то есть размывании свойств артефакта, слиянии его с естественными объектами. Молекулярные нано-роботы, переносящие лекарство, биочипы,

контролирующие процессы человеческого тела, могут стать искусственными спутниками естественных процессов на протяжении всей человеческой жизни.

Эта тенденция определяет своеобразие конструктивистского тренда современности: необходимо не просто конструировать, но конструировать самого субъекта, элиминируя дистанцию между организмами и вещами, между живым и технологичным, человеком и машиной.

Современное проектирование будущего, человека будущего и его ценностей ограничено воображением, чутко реагирующим на технологический зов эпохи. Современный человек зачастую оказывается заложником форм воображаемого. Историческая роль воображения и воображаемого состоит прежде всего в осуществлении непрерывающегося процесса самоопределения человека. Образ играет конституирующую роль в процессе формирования идеи человека и обуславливает идентификацию человека как человека. Исторические формы человеческого воображения носят совершенно различный характер.

Ф. Ницше предложил в качестве модели, конституирующей человеческую идентичность, образ сверхчеловека, человека-творца. Современная свехчеловеческая идентичность оказалась отлита в форму машины. Образ «человека-машины», столь популярный сегодня в связи с развитием кибернетики, явил собой пример не только действия силы воображения, но и направленного на реализацию чаяния человека, выражения коллективной воли, стремящейся замкнуть его онтологию в пределах постчеловеческого (машинного) способа существования. Об этом свидетельствует, как будет показано ниже, набирающее мощь трансгуманистическое движение.

В начале XX в. образ человека-машины становится трафаретным для идеологов футуристического движения. Так, вождь футуризма итальянский поэт Ф.Т. Маринетти

ратовал за воплощение технической утопии на основе синтеза человека и машины. Человек на мотоцикле и аэроплане – это сверхлюди современной эпохи, образы, созданные Маринетти.

Образ человека, слитого с мотоциклом, появился в рамках выдвинутой Маринетти программы создания «механического человека в комплекте с запчастями». В нее оказалось заложено представление о функционально выгодном теле. В итоге эта идея обрела форму истолкования человека как «винтика» социальной системы, подхваченную идеологами итальянского фашизма.

Следует отметить, что продуктивная сила воображения в биотехнологическую эпоху прежде всего обращена на человеческое тело. Человеческое тело, представленное в видимом образе, дает возможность самоидентификации и пробуждает процесс понимания себя в контексте того или иного проекта культуры. К. Вульф четко обозначил невозможность отделения представлений человека о самом себе от представлений о собственном теле. «Человек таков, каким он предстает в теле. Само тело есть образ еще до того, как оно воспроизводится в образах. Изображение – это не то, чем оно полагает быть, а именно *репродукцией* тела. На самом деле оно есть *производство* образа тела, который уже дан в самопредставлении тела. *Треугольник человек–тело–образ* неразрешим, если не учитывать все три величины»³⁷.

Воображение проявляет мир. Проявление мира – это его проектирование и создание с помощью ментальных образов. Действие продуктивной способности воображения в проектах по созданию будущего в нашу эпоху подчиняется действию законов отчуждения. Оно характеризу-

³⁷ Вульф, К. Homo pictor, или Возникновение человека из воображения // Антология медиафилософии / ред.-сост. В.В. Савчук. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 270–284.

ется отдалением человека от жизненного мира, то есть от естественных, органичных его физической природе модулов бытия. Отчуждение подразумевает формирование определенной дистанции по отношению к собственному телу: тело подвергается манипуляциям со стороны новых технологий и становится существенно иным, приобретает характеристики артефакта. У В. Флюссера³⁸ процесс отчуждения охарактеризован через смену определенных фаз развития человеческой культуры, включающих становление человека как разработчика (производство инструментов как первая стадия), наблюдателя (производство образов как вторая стадия), скриптора (изготовление текстов как третья стадия), калькулирующего существа (производство техники – четвертая стадия). Все эти этапы являются последовательной реализацией абстрагирующей способности человека. При достижении высшей точки абстрагирования наблюдается переход к конкретному жизненному миру, от практики компьютерного моделирования и проектирования – к конструированию тела человека.

Человек выражает стремление действовать от лица жизненного мира, действовать так, как если бы он и был природой, способным породить различные формы естественного. Претендуя на роль природы, рационально-технологическим путем создавая и порождая новые формы жизни, «второй природы», он становится обладателем той привилегии, которая ранее принадлежала природному стихийному процессу естественного отбора.

Процесс утраты жизненного мира и живого тела как его выражения можно рассматривать в качестве культурной предопределенности. Апофеоз бестелесной самости (вы-

³⁸ *Flusser V. Vom Projizieren // Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung / Schriften von Vilém Flusser. Hrsg. von Stefan Bollmann; Bd. 3. Mannheim: Bollmann, 1998.*

теснение на периферию, замалчивание темы смерти, вектор на телесную безвременность – культ вечной молодости) фундирует современные трансгуманистические проекты. Бестелесная самость с точки зрения живого человека – нечто странное, по сути дела, мертвое. Она формируется за пределами естественно данного способа бытия и укоренена в производстве артефактного как возможности расширения телесного и замещения его.

Бестелесная самость как модель мертвого тела позволяет проследить процесс маргинализации живого (как, например, в отношении различных биомедицинских практик, в контексте которых с различными видами тел могут обращаться как с абстракциями, как если бы они были мертвыми или в отношении проблемы совершенствования телесности (создание киборгов, аватаров, где естественное и живое нагружается коннотациями лишенности, болезни, недостаточности, как если бы для человека органичным было рассматривать себя в качестве функции технологических артефактов, сложно соотносимых с классическими представлениями о живом и мертвом).

Все обозначенные выше процессы указывают на то, что тело как естественный модус человеческого бытия грозит исчезнуть с антропологического горизонта: XXI в. характеризуется вступлением в «посттелесную», а значит, «постгуманистическую» эпоху.

Можно заметить, что в течение XX в. происходило как бы «истончение» идеи человека: он потерял свой целостный образ, потерял, возможно, как на концептуальном уровне, так и благодаря прогрессу в сфере технологий. В искусстве это выразилось, например, в уменьшении целостных изображений живого человеческого тела³⁹, при-

³⁹ *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Восстание масс. М.: АСТ, 2007.

дающем человеку черты фрагментарности. В литературе – в появлении «разорванной» психологии героя, увеличении сцен насилия и разврата. В философском дискурсе актуализировалась тема смерти и страданий и т.д., потери человеком своего места в мире, «разорванности» его бытия. Подобные тенденции в искусстве, литературе и философии подготовили почву для дальнейшего толерантного восприятия человека как дезинтегрированного фрагментированного существа, схемы, математической функции, а также для выделения в нем доминирующего сущностного свойства (такого, например, как рациональность), которое становилось определяющим для признания его человеком.

В эру информационных технологий материальность тела оказывается вторична по отношению к тем логическим и семиотическим структурам, которые в ней закодированы⁴⁰. Ведущиеся споры относительно вмешательств в генную структуру будущего человека являют собой пример смещения рассуждений о человеческом в связи с обладанием телом к дискурсу о человеке, чья сущность раскрывается в информационном аспекте. Эта тенденция особенно очевидна в контексте развития генетики и когнитивных наук. Отныне человек, вглядываясь в себя, видит свой генетический профиль и все чаще оценивает себя с точки зрения комбинации фрагментов ДНК, которые заслоняют масштаб его прежней онтологической архитектуры: «человек стирается как родовое существо и заменяется человеком генетическим»⁴¹.

⁴⁰ *Hayles N.K.* How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago; L., 1999. P. 192. Цит. по: *Эпштейн М.Н.* Философия тела // *Эпштейн М.Н.* Философия тела, *Тульчинский Г.Л.* Тело свободы. СПб. 2006. С. 11.

⁴¹ *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 131.

Характерной тенденцией нашего времени стала озабоченность искусственным продлением жизни. Современные проекты по созданию искусственного интеллекта направлены против жизненного времени, угрожающего субъекту смертностью. Но, борясь за жизнь, они не столько ликвидируют смерть, сколько преобразуют ее в новые формы. Неустанная борьба с разрушительными характеристиками времени ведется на основании поиска подходов к решению чисто технической задачи по переносу сознания, понимаемого прежде всего в информационном аспекте, в новое искусственное (мертвое) бессмертное тело. Сущность бессмертия маркирована строго техническими характеристиками, оно выходит за пределы существовавших ранее религиозных мифологем и архетипов, лишается сакральности. Оно исчезает и в родовом плане: естественное воспроизводство рода подменяется процессами искусственного контроля деторождения. Идея бессмертного тела, соединяясь с идеей тела машинизированного, информационного, а значит, мертвого, приводит к тому, что сам человек, предупреждая смерть, непрерывно самоумертвляется⁴².

Борясь за жизнь, они не столько ликвидируют смерть, сколько преобразуют ее в новые формы.

Еще один очень важный аспект понимания человеком своей сущности связан с новыми формами желаемого, раскрывающими особый технологический настрой современной эпохи. Одной из таких форм будет его желание и в определенном смысле потребность стать машиной. За этим желанием скрывается особая форма преступления порогов человеческого, состоящая в попытках гибридизации своего существования. Гибридность антропобытия – это естественное его свойство. Желания слиться с животным (тотемом) (пережиток прошлого, обретающий новые пер-

⁴² Там же. С. 311.

спективы в свете возможной ксенотрансплантации) или почувствовать частью технического устройства являются частными случаями фундаментальной потребности человека к ликвидации собственной уязвимости, что неизменно сопровождается процессом расширения своих границ фрагментами созданного самим человеком мира.

Человек, осуществляя проект культуры своего времени, использует привычный для культуры инструментарий (ее образы, ее архетипы). Модный образ зачастую оказывается чем-то уже виденным, бывшим, но воплотившимся в формате новых отношений. В современном мире таким образом (все более узнаваемым и привычным, и отвечающем на зов потребности человека к расширению и смещению границ) становится киборг.

В технологически развитой среде киборг интересен тем, что он возможен. Он защищен от исключительно виртуальной роли миром технологий, стремительно работающим в направлении его скорого воплощения, подбадриваемого средствами киноиндустрии и литературы и оптимистическими прогнозами ангажированных лиц.

Киборг рассматривается как своего рода константа, необходимая для анализа перемен, происходящих в технологической культуре, при осуществлении попыток описания ее несуразного, сотканного из противоречий характера. Такие описания, как правило, заканчиваются императивным кличем: взглядишь в свою душу, киборг.

Киборг стоит вне исторически и культурно узаконенной нормы человеческого бытия, воплощая собой архетип химеры, извлеченный из историко-культурного багажа. В культуре, делающей акцент на плюрализме и лишаящей норму имплицитно заложенной в ней директивности, образ киборга способен стать нормативным для демонстрации альтернативного представления о мире. Мире, который характеризуется смещенностью социальных границ,

нейтральностью (аполитичностью) языка, участием человека, характеризуемой неизбежной технологизацией его бытия.

В контексте такой постановки проблемы показательной является работа Д. Харавей «Манифест киборга»⁴³. Работа направлена на разрушение тоталитарной структуры языка, оппозиционные элементы которого (мужское/женское, рациональное/чувственное и т.д.) формируют мир неравных социальных отношений, характеризующийся угнетением одного элемента (феномена) другим. По словам Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен, Харавей осуществляет критику с позиции пробелов в структуре. То есть отказывается от существующих категорий в пользу альтернативных (как правило, сглаживающих дихотомии) и пытается представить возможные (и возможно, лучшие) миры, населенные обитателями, скрывающимися за данными категориями. В режиме данной установки киборг как для Харавей, так и для упомянутых Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен, как концепт-гибрид, с одной стороны, и онтологическое переплетение организма и машины, с другой, отвергает самим актом своего присутствия (даже виртуального) притязания устоявшихся порядков доминирования: мужского над женским, культурного над природным, рационального над чувственным и т.д., поддерживаемых лингвистическими средствами.

Идея киборга, согласно Д. Харавей, выводит нас на более глубокое понимание собственной идентичности. Она не является монолитной, но сконструирована из различных элементов: человек-машина и человек-животное являются

⁴³ *Haraway D.A. Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York; Routledge, 1991. P. 149–181.*

всего лишь типами бесконечного процесса созидания антропоидентичности из бесконечного набора элементов. Созидая самих себя, мы все так или иначе пытаемся синтезировать различные элементы природной и социокультурной реальности. Выражаясь словами Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен, Д. Харавей использует киборга, чтобы сообщить другую историю – историю, которая создает «политический миф», и объяснить, как мы создаем себя и мир, комбинируя гетерогенные элементы. Критикуя дихотомии, созданные западной метафизикой, она показывает, что в будущем элементы можно объединять новыми, и, возможно, лучшими способами⁴⁴. С лингвистической точки зрения, пробел в структуре (киборг) является снятием двух структурных элементов и некоторых коннотаций, связанных с двумя элементами – понятиями «машины» и «человека», или в более широком контексте, таких как душа–тело, мужское–женское и т.д. Однако само появление киборга в процессе избавления от ненужных дихотомий сопровождается неоднозначными эстетическими чувствами, суть одного из которых сводится к неприятному ощущению подделки, фальшивости мозаичной идентичности, построенной на игре в складывание разнородных элементов. Синтез органики и неорганики можно рассматривать в качестве еще одной уловки со стороны власти бинарно построенного мира, суть которой состоит в том, что прием мозаики преподносится в качестве нового онтологического структурного основания, не меняя самого основания в принципе. Вне этих оппозиций (естественного и машинного, в частности) он мертв. Концепт «киборг» свидетельствует от пробелов в структуре, но он нем и пуст вне структуры, где лишь и способны обозначаться пробелы.

⁴⁴ Йоргенсен М., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ: теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 316.

Вместе с тем, будучи явлением захватывающего своей мощью технократического мира, киборг способен стать реальностью, ставящей под вопрос оппозиции между органичным и артефактным, живым и неживым, субъектом и объектом. Являя собой разновидность химеры, киборг может наследовать одну из культурных траекторий ее судьбы – быть отброшенным за границы нормы и быть востребованным в качестве явления, удовлетворяющего интересы маргинальных групп, лишенных права голоса, или же (в современных условиях толерантности к маргинальному) – вывести интересы этих групп в глобальный контекст, меняя отношения нормального и маргинального. И в этом отношении концепт киборга может олицетворять для них звенящую совесть эпохи бесправных групп. В антропологическом плане концепт «киборг» оказывается востребован с точки зрения обнаружения перспектив выявления новых форм идентичности и обнаружения новых форм антропологических описаний. «Киборг» как концепт указывает на особые болевые точки нашей эпохи. Им открывают эру технологического спасения от ограниченности представлений человека о самом себе, о предвзятости по отношению к себе, он рассматривается как своего рода этический индикатор, сигнализирующий о хроническом синдроме непонимания человека и дефицита человечности, и распространении тенденций ее имитации.

И все же можно ли выделить основные социокультурные детерминанты современных процессов проектирования (конструирования) человека? На мой взгляд, для ответа на этот вопрос целесообразно обратиться к работе немецкого философа В. Флюссера «От субъекта к проекту. Становление человека»⁴⁵, в которой он уделит значитель-

⁴⁵ Флюссер В. О проектировании // ХОРА. 2009. № 3/4 (9/10). С. 67.

ное внимание поиску не всегда очевидных оснований, обеспечивающих возможность молниеносного распространения процессов конструирования во многих сферах человеческого бытия.

В упомянутой работе В. Флюссер выделяет две основных конвергирующие тенденции, основания которых были заложены в Новое время: разрушение веры в надежность мира и разрушение веры в субъекта. Они определяют появление четырех направлений трансформации взгляда на мир и онтологическое положение субъекта. Попытаюсь кратко их обозначить и дать небольшой авторский комментарий.

Первое направление связано с построением современной физической картины мира. Второе – с особым «нейропсихологическим» взглядом на реальность. Третье – с психологическими представлениями о человеке. Четвертое – с экзистенциальными представлениями о гносеологическом процессе. Кумулятивный эффект проявления обозначенных тенденций проявился в определении формата современной эпохи через проектирования человека. Рассмотрим данные тенденции более подробно, дополнив их своими примерами.

Особенности современной физической картины мира. Как пишет В. Флюссер, в современной физической картине мира мир вещей оказался представлен в виде абстракции, суть которой – в рассеивании «частиц, которые парят в четырех перекрещивающихся и пересекающихся реляционных полях»⁴⁶. Представления, связанные с разрушением сложившейся физической картины мира, характеризуют основополагающую тенденцию нашего времени, связанную с разрушением веры в «надежность [Solidität]

⁴⁶ Флюссер В. О проецировании // ХОРА. 2009. № 3/4 (9/10). С. 67.

мира вещей»⁴⁷ – и переплетающейся с нею, не менее показательной тенденцией утраты веры в надежность субъекта. Процесс распада, затрагивая представления о мире людей и мире как таковом, ознаменовал наступление эпохи пост-модерна.

Комментарий. Отталкиваясь от рассуждений В. Флюссера, взглянем в современный мир. В сложно организованном технологическом мире вещи подверглись бесконечному делению и на повестке дня встал вопрос о том, чем считать частицы частиц, например, кварки. Одна из интерпретаций оказалась связана с их оценкой в качестве символов численного мышления. Раздробленный на частицы мир перестал быть чувственным. Достижения науки и техники демонстрируют нам результат непрерывного процесса дробления мира. Современный вектор научно-технического развития предвещает наступление эры квантовых технологий, которая идет на смену эре «нано».

Созданный культурой потребления бесконечно разнообразный мир вещей дополняется миром микроскопических гаджетов, миром вещей такого размера, который приближается к миру невидимых сущностей, к миру идей, миру математических величин. Универсум математических величин грозит затмить универсум мира вещей, преобразить само понятие вещи – от того, что доступно чувственному взору, – к тому, что будет ему недоступно, но будет не менее реально в своей вещности, не менее артефактивно.

Открывая этот мир в соответствии с известными нам законами физики, мы приближаемся к моменту, который может опрокинуть все наши представления о жизни, материи, кардинально изменить наш опыт и антропологический облик. Компьютер размером с атом, на который может

⁴⁷ Там же.

быть записана информация обо всем культурном багаже человечества, или, как обещают нам трансгуманисты, и сам человек такого же размера являют собой плоды калькулирующего мышления и бесконечного процесса дробления мира.

Нейропсихологическая тенденция. Нейропсихологическая тенденция раскрывает то, каким образом мы воспринимаем мир и как мир отражается в нас благодаря телесным органам чувств. В. Флюссер проводит аналогию между процессом восприятия и «цифровыми процессами». Наш процесс отражения мира напоминает работу компьютера: «От нервных волокон принимаются точкообразные раздражения, а именно, по “цифровому” принципу: каждое отдельное раздражение либо принимается, либо отклоняется (“1–0”) ... Раздражение есть данные [Daten], из которых протяженные вещи могут быть созданы на компьютере [komputieren]. Воспринимаемый мир является проекцией процесса обработки данных [Datenprozessierung]»⁴⁸.

Комментарий. Погруженность в жизненный мир, характеризовавшая существование человека в до-технологическую эпоху, в контексте развития технологий приобретает особые характеристики. Код и знание, построенное на коде, теперь формируют жизненный мир. Открытие генетического кода способствует еще большему углублению самопонимания человека сквозь призму информационного подхода.

Человеческая идентичность раскрывается преимущественно в информационном аспекте. С генов считывается личность. Однако и в широком научно-культурном плане происходит сближение генетики и других дисциплин. Генетический код рассматривается как прототип других сигнальных систем, подводит к мысли о том, что мир и

⁴⁸ Флюссер В. О проецировании // ХОРА. 2009. № 3/4 (9/10). С. 68.

сущность жизни могут быть описаны с единой кибернетической точки зрения⁴⁹, а человек описывается в контексте генетической детерминации. «Генетическое» «прочтение» человека может трансформироваться в евгеническое, вследствие чего сложность такой высокоорганизованной системы, как «человек», способна объясняться, «читаться» на очень примитивном уровне (вспомним, например, о расистских теориях наследственности). В то же время генетический микроуровень может наделяться характеристиками, которые изначально приписывались сложному человеческому поведению. Так и появляется новый мифический мир, где в борьбу за жизнь человека вступают «эгоистичные» и «преступные гены», прогностические данные скринингов, мифы о ГМО и т.д. Для Ж. Бодрийяра данная ситуация стала поводом для того, чтобы задать резонный вопрос: «Как бороться против ДНК?» – и дать вполне очевидный ответ: «Уж, конечно же, не путем классовой борьбы»⁵⁰.

Предел расчленения – Ничто в истории онтологии человека проявляется в отказе от человеческого в пользу нечеловеческого, или, как алармистски заявляют современные трансгуманисты, после Человека должен прийти «улучшенный» постчеловек. Или, как заявляет менее оптимистичный Ж. Делез, задаваясь вопросом о том, кто приходит после Человека: «Это проблема, при разборе которой можно удовлетвориться лишь сдержанными соображениями, чтобы не опуститься до уровня комикса»⁵¹. Каким взглядом будет смотреть на себя человек в будущем? Взглядом информационного устройства с телом-

⁴⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 129.

⁵⁰ Там же. С. 47.

⁵¹ Цит. по: Бирнбаум Д. Хронология / пер. с англ. А. Скидана. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 110.

голограммой, взглядом аватара, в которого будет пересажен мозг человека, или нежным (нежноподобным) взглядом робота? От взгляда, брошенного на самого себя сейчас, зависит, насколько мы состоимся как люди, как роботы или же как элементы информационных сетей.

Кроме того, генетическое «прочтение» человека в последнее десятилетие все чаще дополняется нейронаучным. Данные МРТ-исследований, и в целом, любые технологии, предполагающие нейровизуализацию, дают еще одну яркую и вполне представимую возможность обрести представление о человеческом сознании, неразгаданном феномене человеческой личности. Вместе с тем метод нейровизуализации дает возможность редукционистской интерпретации таких основополагающих этических категорий, как вина, ответственность, справедливость и др. Человек, лишенный в контексте редукционистских форм интерпретации данных нейровизуализации высших форм существования, свободы и, следовательно, ответственности, рассматривается исключительно как механическая система, машина, уподобляющаяся технологическим машинам, использование которых в исследовательских целях и лишает его человечности.

Справедливо отмечают в этой связи С. Сэйтл и С. Лиленфельд: «В действительности нейровизуализация – новая область науки, едва преодолевшая младенческий возраст. В такой неустоявшейся сфере период полураспада фактов может быть особенно коротким. Воспринимать результаты подобных исследований как устоявшееся знание просто глупо, особенно, когда они получены с помощью технологий, потенциальный вклад которых все еще недостаточно понятен»⁵².

⁵² *Сэйтл Салли. Лиленфельд, Скотт О. Вынос мозга. Чарующее обаяние безумной нейронауки. М.: Изд-во «Э», 2016. С. 17.*

Психологическая тенденция. К нейропсихологической тенденции примыкает тенденция психологическая. В контексте ее развития подвергаются переосмыслению процессы, проходящие с человеческим Я. В связи с открытием бессознательных процессов психики Я утратило единство и устойчивость, перестало быть автономным. Я приняло вид сгустка информации, или, как метко выразился В. Флюссер, «“Я” следует рассматривать как плотинное озеро [Stausee], в котором протекает информация, там же перерабатывается и временно сохраняется, чтобы передаваться»⁵³. В информационных потоках, в биомедицинских базах данных Я рассеялось и потеряло свою идентичность.

Комментарий. Отмеченная тенденция проявилась в различных областях знания. Например, отдельный организм стали рассматривать как фенотип – сетевую информационную систему, вместе с этим сетевой подход проник в биологические науки: отдельным живым существам приписали роль функций сетевой экосистемы и т.д. Информационные сетевые подходы к сознанию, языку, культуре обрели доминирующее положение во многих областях знания. И уже являются привычными для современного человека. Более того, они оказали влияние на переосмысление онтологического статуса человека. В наиболее радикальных трансгуманистических проектах человек мыслим, прежде всего, как информация, которую в будущем можно будет записать на носители и тем самым обеспечить бессмертие.

Экзистенциальная тенденция. Четвертая тенденция, названная В. Флюссером «экзистенциальной», заключается в формировании особого представления о современном гносеологическом процессе. Установка на то, что познание осуществляется познающим субъектом и в процессе познания субъект исследует некий объект, была подвергнута

⁵³ Там же. С. 68.

сомнению. В процессе феноменологических исследований выявилось, что познающий субъект и объект экстраполируются из процесса познания: «Познание происходит лишь при многочисленных связях – и что субъекты и объекты в нем следует рассматривать как абстрактные, “заключенные в скобки” экстраполяции. Это становится ясно при попытке определить некоего данного субъекта. В таком случае оказывается, что “Я” могу идентифицировать себя лишь в сравнении с “Ты” – говорящим другим – и что эти отношения обратимы (“диалогичны”): “Я” и “Ты” являются диалогическими полюсами. Какое-то “твердое” ядро Я (“самость”, “душа”) оказывается логической и экзистенциальной бессмыслицей»⁵⁴. Исчезновение субъекта стало еще одной смертью в череде бесконечных смертей человека.

Комментарий. Позиция В. Флюссера по отношению к сложившемуся порядку вещей выглядит неоднозначной. С одной стороны, он, вскрывая негативные стороны калькулирующего мышления, выступает против него: сложившаяся практика познания вещей через непрерывный процесс разложения, сопровождающийся утратой жизненного мира и классического субъекта, вызывает серьезную озабоченность. С другой стороны, в интеллектуальных построениях В. Флюссера очевиден оптимистический настрой: он полагает что достижение предела разложения мира на бесконечно малые величины, разложение вещей и человека в ничто, дает толчок для начала проецирования альтернативных миров. Деконструирование, таким образом, оборачивается возможностью конструирования нового мира и нового человека на новой, синтетической платформе.

Возможность (и необходимость) появления альтернативных миров имеет глубокое онтологическое основание,

⁵⁴ Флюссер В. О проецировании // ХОРА. 2009. № 3/4 (9/10). С. 68–69.

оно коренится в самой природе человека, осознающего функциональную бедность своего организма⁵⁵. Собственно, эта посылка может считаться основополагающей для любых действий, направленных на покорение мира и обретение в нем минимальной онтологической безопасности. Онтологическая неустойчивость преодолевается с помощью некоторых артефактов, инструментов: среди них и инструменты, позволяющие возделывать природу, и инструменты, позволяющие врачу приводить наши тела в порядок, давать им надежду быть. Мы ищем инструменты, усиливающие наши тела, не задаваясь до определенного момента вопросом о расширении возможностей нашего тела как основополагающей инструментализируемой данности. Однако когда мы имеем дело с различного рода практиками, которые выявляют недостаточность нашего тела, у нас возникает вопрос: если данное тело – результат слепой, длившейся миллионы лет игры в кости, то, возможно, существуют «лучшие проекты тел, чем те, которые даны нам как результат слепой игры?»⁵⁶. Человек не может полностью отказаться от своего тела, поскольку «когда у тела все в порядке, тогда «телесная радость является фактически экзистенциальным настроением»⁵⁷ и мы оказываемся поглощены ею. Но именно хаотичность телесного функционирования, непредсказуемость его поведения провоцирует калькулирующее мышление заняться «улучшением» функций тела. Выводя тело из зоны функциональной бедности, оно, с одной стороны, стремится расширить диапазон функций, с другой стороны, подобная симуляция

⁵⁵ *Flusser V. Vom Projizieren // Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung / Schriften von Vilém Flusser. Hrsg. von Stefan Bollmann; Bd. 3. Mannheim: Bollmann, 1998.*

⁵⁶ *Ibid.* S. 89.

⁵⁷ *Ibid.* S. 45.

вызывает феномен сужения диапазона потребностей, культурного горизонта человека. Вся «культура должна рассматриваться как проект искусственного тела, которое насаживается на естественное»⁵⁸, – отмечает В. Флюссер. Естественное тело своего рода требует компенсации культурой. В случае, если естественное преодолевается окончательно, сама культура способна обратиться в Ничто, в мир математических величин, направив функцию преодоления на саму себя.

Благо это или зло для человечества? В этом процессе каждый может увидеть или ростки невиданного прекрасного будущего или потенции латентной угрозы.

1.5. Тело как объект преобразования: диалектика бытия, обладания и конструирования («быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект»)⁵⁹

Если попытаться обозначить кредо морали в ее отношении к человеческой телесности, то его можно было эксплицировать, отталкиваясь от той роли, которую приписывала телесности классическая *моральная* философия, связывая ее с обузданием иррациональных, чувственных

⁵⁸ Там же. С. 90.

⁵⁹ Результаты исследования отражены в статьях: *Попова О.В.* Быть телом или иметь тело: этические аспекты осмысления феномена телесности // *Человек.* 2007. № 6. С. 18–30 и *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование человека: обзор философских концепций // *Рабочие тетради по биоэтике.* Вып. 18: *Человек – NBIC-машина: философско-антропологические и биоэтические исследования:* сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. Ун-та, 2014. С. 131–145.

влечений, обусловленных воплощенностью человека в смертном теле. В данном контексте человеческое несовершенство осознавалось на фоне его стойкой подверженности аффективным состояниям, склонности к пороку при недостаточно развитом моральном сознании. Собственно, человеческая жизнь представляла реализацию некоего изначального предначертания – быть ареной борьбы между склонностями как следствием заданности порядком природы, воплощенном в человеческом теле, и долгом как необходимостью разрыва природной детерминации. Однако парадоксальность морали состоит в том, что ее самоопределение невозможно без учета телесного измерения бытия. Моральный подвиг и моральное совершенствование прекратились бы, в случае если бы исчезла чувственность как атрибутивный признак телесности. И, в конечном счете, преодоление телесности обратилось бы преодолением морали⁶⁰. Именно борьба с чувственностью как атрибутивным признаком телесности составляет сущность классического понимания морали. Моральное сознание с неизбежностью балансирует между двумя полюсами – полюсом воплощенного идеала морального совершенства, святости, на котором полностью подавлены чувственные порывы, и полюсом полного подчинения природному, телесному порядку, где соответственно приходится отказываться от координирующей и властной ипостаси разума. В этом последнем случае субъект исчезает, равняясь по онтологическому статусу с животными, его существование лишено воздействия моральных и юридических норм, обращенных прежде всего к разумному существу.

Для первой половины XX в. рассмотрение человека в качестве целостного существа становится показателем

⁶⁰ Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека*. СПб.: Наука, 1994. С. 336.

смены способа конституирования субъективности. Несводимость субъекта ни к чистому разуму, ни к вызывающей приступы сартровской «тошноты» материальности тела проблематизировала онтологический статус субъекта. Человека нельзя редуцировать ни к каким характеристикам и свойствам, он определим лишь через самого себя, а значит, не определим вовсе, не определим никак.

Вместе с тем внимание исследователей не обходит стороной процесс социального конструирования субъективности. Речь идет не столько о том, что формирование субъекта рассматривается в контексте ансамбля общественных отношений (хотя и об этом тоже), но прежде всего о новых формах воздействия на индивида, в том числе с помощью инженерно-технической мысли, которые подвергают переосмыслению онтологический статус человека, задают новые формы вопрошания о его бытии и новые ответы на вопрос: что есть человек? Во многом это оказалось обусловлено поистине бурным развитием научно-технической мысли во второй половине XX в. (развитие нейрофизиологии, геной инженерии, нанотехнологий), с которым оказалось связано разворачивание потенциалов вмешательства в природу человека и такого манипулирования ею, которое может привести к поистине фантастическим изменениям онтологического статуса человека и вследствие этого к новым видам моральных дилемм.

Контрастные характеристики феномена телесности: понимание ее в качестве собственности, представляющей естественный орудийный аспект жизнедеятельности субъекта (функциональная программа исследования телесности, выражающаяся в гносеологической установке «я имею ло»⁶¹), или в качестве экзистенции, необъективированной

⁶¹ Подробнее об этом см.: *Попова О.В.* Быть телом или иметь тело: этические аспекты осмысления феномена телесности // *Человек*. 2007. № 6. С. 18–30.

сущности (суждение «я есть тело»⁶²) как социокультурного и технологического конструкта, позволяют выделить следующие подходы («парадигмы») к репрезентации концептов «тело», «телесность»: 1) «парадигма» бытия (экзистенциальный, холистический подход к телу); 2) «парадигма» обладания (инструментальное, функциональное понимание телесности); 3) «парадигма» конструирования (тело как проект, артефакт технологий). Каждая из данных моделей скрывает определенный нормативный контекст, и за каждой из них стоит свой способ понимания самого себя в мире и отражения мира в плоти собственного тела.

1.5.1. «Бытие телом» и инструментализация телесности как основополагающие модусы постижения человеческого тела

Понимание тела как тела личности, а человека, прежде всего, как воплощенного субъекта характеризует идеал ренессансного человека (в свою очередь почерпнутый в античности), который вновь актуализируется на горизонте современного мышления о человеке. В этическом отношении целостное представление о человеке постулирует отказ от рассмотрения телесности в модусе владения и обладания, что грамматически выражается в конструкции «у меня есть тело», и предполагает его восприятие в модусе бытия и, утверждая, что Я – это мое тело⁶³. Принцип целостности, заложенный в этом суждении, характеризует право человека быть тождественным самому себе и своему телу, постулируя его неприкосновенность перед различного рода манипулятивными вмешательствами.

⁶² Там же.

⁶³ *Фромм Э.* Иметь или быть / пер. Н. Войскунской, И. Каменкович, Е. Комаровой и др. М.: АСТ, 2000. Режим доступа: <http://psylib.biz/bpage/13/1>.

Вместе с тем, если Другой воспринимается как тело вне личностнообразующих смыслов, то в отношении него могут высказываться суждения в деперсонализированном ключе на основании использования машинной или биологической аналогии. То, к чему редуцируют человека натуралистические теории и что оправдывается с естественнонаучной точки зрения, является противоестественным, когда подобную редукцию субъект осуществляет по отношению к самому себе. Поэтому онтологическая уверенность имеет место лишь там, где собственное бытие переживается как «реальное, живое и цельное», там, где я не свожу себя к предмету природного мира, не являюсь автоматом, роботом и т.д.⁶⁴

Человек реализуется в многослойности, разноаспектности бытия, в нем как бы происходит взятая в космическом масштабе драма самопреодоления телесного, – от тела-вещи – к живому телу, от просто живого тела к телу человеческому как телу-субъекту. Живые тела отличаются от неживых как утверждающие пространство от только наполняющих пространство (Г. Плеснер), человеческие тела престопают свои собственные пространственные границы, которые ограничивали бы его как вещь. С одной стороны, человек полностью сливается со своим телом, но, с другой, он пытается выйти за границы своих телесных функций, чтобы утвердить свое человеческое Я. Человеческое Я не совпадает с пространственными границами, протяженностью, заданной телом, оно «простирается» в предельном несогласии со своим собственным существованием к Другим Я, которые в своей сплоченности делают возможным духовный мир⁶⁵. В то же время как индивид, а не духовная личность, человек ничем не отличается от

⁶⁴ Лэйнг Р. Разделенное Я // Логос. М., 1992. № 3.

⁶⁵ См.: Там же.

других индивидов. Он конституирован наряду с другими людьми сходным образом, и его индивидуальность есть не что иное, как нереализованная возможность быть иным.

Человек никогда полностью не совпадает со своей телесностью, он утверждает себя в акте отрыва от нее, в эксцентричности (Г. Плеснер⁶⁶) либо же через структуры культуры, которым субъект делегирует полномочия осуществлять разрыв с природой относительно отдельно взятого индивида (А. Гелен⁶⁷). Поэтому, несмотря на свое «бытие телом», то есть существование в единстве и неразрывности жизненного опыта, самоидентификация субъекта как морального существа возможна лишь посредством преодоления биологической детерминации. Осознание человеком своей конечности (очевидно, наполненное экзистенциальным страхом) как относительно оформленного контурами телесного пространства, так и относительно исчерпаемости жизненного времени подталкивает его к расширению собственных границ.

Обладание телом подразумевает осознание субъектом того, что он может быть видимым как объект, и в то же время соотносится с его стремлением быть видимым как субъект. Человеку «кажется, что чужой взгляд, обзирающий его тело, похищает его у него самого, или, напротив, демонстрация своего тела делает другого беззащитным, и этот другой тем самым будет обращен в рабство. Таким образом, стыд и бесстыдство обретают место в диалектике моего я и другого – в диалектике господина и раба: коль

⁶⁶ Плеснер Х. Ступени органического и человек / пер. А.Ф. Филиппов // Проблема человека в западной философии: переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.

⁶⁷ См.: Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.

скоро я обладаю телом, то могу быть сведен до состояния объекта под взглядом другого и уже не принимаюсь им в расчет как личность или, наоборот, могу стать его господином и в свою очередь разглядывать его; однако это господство – тупик, так как с момента признания моей ценности желанием другого, другой уже не является личностью, признания которой я желал, он отныне – существо очарованное, несвободное и в таком качестве не имеет для меня значения»⁶⁸. Таким образом, Другой конституируется, его действия «наблюдаются как действия насекомого»⁶⁹.

Итак, человеческое тело обладает парадоксальным статусом, являя собой и самость, и Другого, будучи и инструментом действия, и претерпевающей структурой, материал для реализации (как для самого субъекта, так и для Другого); тело присутствует и обладает способностью «не быть», впадая в анонимное состояние, оно обладающее и обладаемое, неустранимо двусмысленное, рабски свободное, то Нечто, опыт чего «открывает нам форму двусмысленного существования... Оно всегда есть нечто иное, чем то, что оно есть, оно всегда – сексуальность и в то же время свобода, оно коренится в природе в тот же самый момент, когда преображается культурой, оно никогда не замыкается в самом себе и никогда не преодолевается... Стало быть, я есмь мое тело, по крайней мере, ровно настолько, насколько что-то имею, и, с другой стороны, мое тело есть своего рода естественный субъект, предварительный набросок моего целостного бытия»⁷⁰. Сложность феномена человеческой телесности, обусловленная парадоксальным сочетанием в нем как персональных, так и природных ха-

⁶⁸ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия // СПб.: Овента, Наука, 1999. С. 460.

⁶⁹ Там же. С. 460.

⁷⁰ Там же. С. 258.

рактистик, приобретает еще более парадоксальный характер вследствие биотехнологического вмешательства в человеческое тело.

1.5.2. Специфика биотехнологического преобразования телесности человека в контексте диалектики бытия, обладания и конструирования, или как стали возможны «тела без лица»

М. Мерло-Понти четко обозначил двуплановость постижения человеческого тела: оно является и инструментализируемым материалом, и естественным субъектом, осуществляющим процесс инструментализации собственной телесности. Человеческое тело – это природа, которая коренится в культуре и одновременно с этим – культура, которая вытекает из самой природы. Сущность телесного можно усмотреть в его способности быть инструментализируемым объектом. Процесс такой инструментализации осуществляет автономный субъект. Автономность субъекта зачастую оценивается через его способность контролировать собственное тело, обеспечить его приемлемое функционирование, необходимое для осуществления рациональной деятельности.

Общаясь друг с другом в повседневной жизни, мы имеем дело с телом, презентующим личность, с телом, обладающим лицом, выражающим определенный, спроецированный как вовне, так и внутрь себя взгляд. Своим взглядом каждый субъект поставлен в центр мироздания.

Возникновение инструменталистского отношения к своему телу являет собой одновременно и акт освоения (и присвоения) субъектом своей телесности, и акт «освоения» тела в различного рода социальных практиках. Особым модусом этого освоения является приписывание телу

характеристик механистического устройства. Тело уподобляется инструменту, механизму, машине в познавательных целях или же в целях эксплуатации, абстрагируясь от персональной «нагрузки» телесности. Так рождаются «тела без лица».

Э. Гидденс использовал выражение «тела без лица» в отношении десубъективированных объектов дисциплинирования, описанных М. Фуко⁷¹. Такие объекты (тела) до такой степени олицетворяют интенции их «создателей», что вполне могли бы считаться искусственными объектами. Эти тела максимально инструментализируемы, максимально функциональны. Предел этого максимализма – потеря лица, персоны, превращение тела в машину. Так, М. Фуко пишет, что «Великая книга о Человеке-машине создавалась одновременно в двух регистрах: анатомо-метафизическом – первые страницы были написаны Декартом, последующие медиками и философами; и технико-политическом, образованном совокупностью военных, школьных и больничных уставов, а также эмпирических и рассчитанных процедур контроля над действиями тела или их исправления»⁷². Речь идет о том, что одной из основополагающих установок дисциплинарного общества является вера в то, что бесполезных тел нет, но есть тела, не сформированные дисциплиной для определенной деятельности, тела не обученные. Дисциплинарное общество не заинтересовано в уникальности личности, в нем человек важен, прежде всего, как элемент серии, элементы которой выполняют общественно полезную функцию лишь в своей совокупности. В своей наиболее вопиющей форме телом,

⁷¹См.: Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. С. 278.

⁷² Фуко М. Надзирать и наказывать. Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/foucault/03/fuko_oglavlenie.html.

из которого извлекается прибыль, является тело, подвергшееся сексуальной эксплуатации. Весьма показательной в этом отношении является фигура либертена де Сада.

Так, садовский либертен легитимизирует право распоряжения не только собственным телом, но и телом любого другого человека, если оно вызывает интерес как объект наслаждения. Садовское насилие прежде всего является функциональным. Оно возможно, когда охватывает масштабы группового тела. Оно гротескно, нереально. Но в этой гротескности усматриваются черты самого общества, которое также держится на нечеловеческом основании. Как отмечает М. Энафф, Сад демонстрирует, что тело вступило в эпоху своего промышленного предназначения, оно отныне подчинено извлечению прибыли и эксплуатации⁷³. Восприятие собственной телесности у либертена связано с осознанием ее в качестве вещи, собственности, которой можно распоряжаться по своему усмотрению. Другой рассматривается также как вещь, сулящая удовольствие, и присваивается как вещь. Он является продолжением тела либертена, второй его границей, очерчивающей пространство органов, подключаемых к собственной системе. «Групповое тело наилучшим образом воплощает тело либертена в том смысле, в каком говорят о дипломатическом или армейском корпусе: речь идет о собрании индивидов, которые за счет выполнения общих функций превращаются в институцию»⁷⁴.

Военная, школьная и больничная дисциплина, уставы и кодексы поведения в совокупности с подогнанным под них миром вещей – школьных парт, больничных кроватей, армейских коек – «закрепляют» наше понимание того, что

⁷³ См.: Энафф М. Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005.

⁷⁴ Там же. С. 56.

наши тела, да и мы сами – нечто иное, как социальные конструкции, артефакты, а человек в целом – не только нечто данное, но еще и заданное: культурой, обществом, технической средой. Они являются и продолжениями его существа и одновременно социальными константами, детерминирующими его существование. Человек находится в процессе непрерывного самопреобразования, включаясь в бесконечный процесс социальных интеракций. Как социальная конструкция он определен целями и ценностями своего сообщества, предопределяющими его к исполнению той или иной социальной роли, подобно тому, как вещь предназначена к выполнению той или иной функции. XIX в. отчетливо показывает простую истину: нет бесполезных тел, есть тела, не сформированные дисциплиной для определенной деятельности, тела не обученные. Тела дисциплинированные – это прежде всего тела послушные. Подчинение, дисциплинирование тела оправдывается идеей преобразования и усовершенствования.

Современность усваивает и усиливает эту истину на свой прагматический лад: улучшение, расширение человеческих тел в производственных целях станет делом особых технологий улучшения, модуляции человеческих качеств («enhancement»), результатом применения биотехнологий. В связи с их появлением возникает активное обсуждение таких вопросов: можем ли мы менять генетический профиль человека, чтобы он стал более выносливым и стрессоустойчивым, то есть с качествами, которые особенно востребованы в определенных секторах занятости или можно ли применять особые стимулирующие лекарственные средства с целью повышения производительности труда, по своему действию в десятки раз превышающие эффект кофеина (например, среди хирургов, проводящих сложные многочасовые операции), или же использовать когнитивные усилители, стимуляторы мозга в тех видах

занятости, которые выглядят малопривлекательными или требующими огромной концентрации?

Более того, «физическая этика» де Сада в эпоху интенсивного развития биотехнологий приобретает новый формат. По мнению М. Энаффа, Сад продемонстрировал, что «физическая этика» «с необходимостью вызывает к жизни принципиально новые тела, разрушающие не только известные тогдашним физиологам организмы, но и все возможные организмы вообще. Речь, понятно, идет о несобственных телах, для которых “своими” делаются принципиально все органы других, на которые почему-то – это у Сада великое неизвестное – направляется вектор моего желания; но и, наоборот, я уступаю “свои” органы всем возможным другим. Более того, они принадлежат исключительно им. То есть с “физической этикой” у Сада оказывается сопряженной вовсе не обычная моральная реформа, а гигантская человеческая мутация, телесный катаклизм»⁷⁵.

Развитие современных биотехнологий привело к похожему социальному эффекту: у современного человека возник запрос (желание, потребность) созидания принципиально новых тел, эффективное функционирование которых обеспечивается органами, тканями других живых или умерших тел (благодаря развитию трансплантологии), половыми клетками (например, заимствованными из банков спермы или яйцеклеток), модифицированными бактериями и вирусами.

Если дисциплинарное общество приравнило человека к элементу серии, несущему общественно полезную функцию, к механизму исправно работающей социальной машины, приносящей прибыль и сулящей благо социальному

⁷⁵ Рыклин М. Нетки в зеркалах // Маркиз де Сад и XX в. М.: РИК «Культура», 1992.

целому, или являющемуся источником удовольствия (как в модели де Сада), то современные биотехнологии изменили инструментальное отношение человека к собственному телу, которое задавалось социокультурным аспектом жизнедеятельности. В результате «техники тела» как результат внешнего социокультурного преобразования биологического субстрата (телесности) постепенно трансформируются в техники тела как результат симбиоза жизни и технологии. Возможно, совсем скоро мы будем носить в себе наши генетически модифицированные хабитусы и менять их в угоду производственной моде, дисциплинируя их в соответствии с требованиями работодателей и соответствующим уровнем развития технологий. Таким образом, современная свехчеловеческая идентичность оказалась проектом, воплощенным в форме машины, запчасти которой (ими можно считать и фрагменты ДНК, и нейроны, и просто отдельные части тела) можно менять бесконечно долго.

Естество наших тел приобретает черты артефакта в своего рода соревнованиях между культурой и природой. Однако природа, «живое» сегодня все больше покрывается нестираемым следом человеческого присутствия, становясь объектом конструирования и фактически технического дизайна: «Сегодняшние биологические объекты (животные, микробы, культуры клеток и т.д., и т.п.) представляют собой запатентованные изделия (артефакты или «чистые линии») биотехнологических компаний, обладающие нужными генетическими и иными свойствами»⁷⁶. «Живость» человека, его естественность все сильнее отторгаются биотехнологическим вмешательством.

⁷⁶ *Тищенко П.Д.* Машина как антропопроекция (зонд) // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 17: Человек-NBIC машина: философские исследования. М.: Изд-во Моск. Гуманит. ун-та, 2013. С. 9.

Применение биотехнологий подразумевает работу со сложным «характером» живого материала, с невозможностью точного предсказания рисков, обусловленных его поведением: «...изготовление следует понимать как ограниченный в своей контролируемости процесс. Когда ученый сообщает общественности о том, что он “вырезает ген” из генома одного организма и “встраивает” его в геном другого для получения желанного эффекта, то за метафорами механического манипулирования прячутся сложные биологические процессы инфицирования, размножения клеток, отбора материала, обладающего нужными свойствами и т.д. и т.п. Био-инженер – это не ремесленник, а скорее крестьянин, “вирусовод” и селекционер полезных ошибок природы (мутаций)»⁷⁷. Сущность биотехнологических процессов состоит в их непредсказуемом «поведении», проявлении таких свойств, которые традиционно закреплялись за действующим лицом (субъектом). П.Д. Тищенко, опираясь на идеи немецкого философа Г. Йонаса, отмечает: «Если в работе с материалом неживой природы изготовитель является единственным агентом (субъектом), то в работе с материалом живым (в модифицировании) модификатор является ко-агентом, работающим с другим активным субъектом (живым телом). Действие из конструирования приобретает вид интервенции в процессы, которые имеют собственную, независимую от деятеля активность»⁷⁸. В этой связи достаточно сложно предсказать поведение многих биотехнологических артефактов, последствия их появления на свет. Инструментализация человеческого тела с помощью техниче-

⁷⁷ *Тищенко П.Д.* Человечество: фортуна, риск и игра: опыт эсхатологии // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФРАН, 2011. С. 128.

⁷⁸ Там же.

ских приборов и использования биотехнологий смещает процесс конституирования субъективности в область конструирования его телесности средствами биотехнологий. Современный человек поставлен перед проблемой невозможности абсолютной идентификации человека. Его тождество обретается на границе с миром искусственных объектов.

Однако уже сейчас эта граница может проходить внутри его тела. Возникает своеобразный эффект интимизации технологической реальности⁷⁹.

В 2013 г. в Институте Ратенау (Нидерланды), где проводятся исследования, связанные с социальной оценкой развития и применения новых технологий, была издана книга голландского философа Rinie van Est «Интимные технологии: битва за наши тела и поведение». В марте 2014 г. по итогам реализации проекта «Интимные технологии» Институт Ратенау опубликовал доклад «Интимные технологии: битва за наши тела и поведение»⁸⁰.

Классификация технологий, предложенная Rinie van Est, демонстрирует, как человеческое тело попадает в кокон технологических инноваций, и артикулирует проблему утраты естественности природы человека, позволяя задуматься о возможных рисках применения технологий.

Rinie van Est различает четыре вида технологий: «технологии в нас», «технологии о нас», «технологии между нами», «технологии, подобные нам»⁸¹. К первому типу относятся: RFID чипы, электронные пилюли, кохлеарные имплантаты, глубокая стимуляция мозга, искусственные органы по обеспечению равновесия, искусственная сетчат-

⁷⁹ См.: Попова О.В. Интимные технологии и кризис социальности // Человек. 2017. № 1. С. 138–152.

⁸⁰ Est R., van. Intimate technology: The battle for our body and behavior / With assistance of Rerimassie V., Keulen I., van, Dorren G. The Hague: Rathenau Instituut, 2014. 86 p.

⁸¹ Там же.

ка. Они расположены в теле человека либо воздействуют на человеческие органы, их действие направлено внутрь. Ко второму типу («технологиям о нас») относятся: GPS, считыватели RFID, камеры, Google Streetview, ДНК-чипы, МРТ-сканирование, сенсоризаторы сердцебиения и температуры тела. Эти технологии фиксируют определенные физиологические параметры, могут предоставить информацию о местонахождении человека, о совершенных им действиях. Они как бы наблюдают за человеком, за разными аспектами его физического присутствия в мире. Технологии «между нами» – это социальные сети Facebook, Foursquare, Grindr, дополненная реальность (Google Glass). Эти технологии находят применение во взаимодействиях между людьми, существенно трансформируя формат социальных отношений, сближая людей во времени и пространстве, изменяя их социальную идентичность в виртуальном мире. К технологиям, подобным нам, относятся реальные виртуальные миры, Chatbots, электронный коучинг, технологии, создающие гуманоподобных роботов.

Описанные технологии являются телесноориентированными. Они могут размещаться в человеческом теле, делать его объектом анализа и получения данных (в частности, медицинских), подражать ему своими внешними характеристиками (быть гуманоподобными), подстраиваться под физические параметры человеческого тела и т.д.

Технологии становятся современным фетишем, и если в древности изображение тотема напоминало человеку о его первоисточках, то в свете развития трансгуманистических идей таким тотемом, наделенным сверхъестественными свойствами, напоминающим постчеловеку о его первопричине может, например, стать компьютер или подобные технологические устройства. Технологический фетиш, как и классический фетиш – это не просто вещь, это динамическая реальность, наделяемая сверхъесте-

ственными свойствами, особой силой, запускающей возможность проектирования человека. Современным технологиям предоставляется роль не просто внешней детерминанты человеческого развития, но, видимо, своего рода «априорной» формы чувственности, задающей новые масштабы восприятия мира и своего места в нем. Развитие упомянутых «интимных» технологий влияет на преобразование формата интимности, ее трансформацию, вызывая, как полагает Rinie van Est, приход интимно-технологической революции⁸² (интимной – в смысле чрезвычайной близости технологий и человека).

«Интимные» технологии «всматриваются» в человека определенным образом, фокусируя внимание на отдельных фрагментах, параметрах его существования, следя за изменением температуры тела или сахара в крови, за его социальной репрезентацией (как это делают социальные сети), за его физическим присутствием в мире и связанными с ним динамическими характеристиками (как это делают камеры), вглядываясь в него «постчеловеческими» глазами эротических объектов и т.д.

Взгляд Другого является фундаментальной причиной, конституирующей субъекта, в то время как потенциальным следствием отсутствия взгляда является расширение границ субъективности до пределов, сливающихся со стихией жизни, со стихиями Природы. Взгляд способен выступать основанием морального отношения, Вспомним Фихте, с его «философией телесности», отметившего, что один взгляд на подобное собственному человеческое тело позволяет рассматривать другого как человека, или Э. Левинаса, для которого подобное этическое отношение возникает, когда мы сталкиваемся с лицом другого, чей взгляд пробуждает в нас моральные обязательства, или

⁸² Там же.

Лакана, для которого взгляд (в частности, взгляд на самого себя) – это важнейший эпистемологический фактор, без которого не был бы возможен опыт самопонимания субъекта как отличной от внешнего мира физической структуры.

Современность поставила перед «этикой взгляда» новую проблему – проблему «техновзгляда»⁸³. Под ним я буду подразумевать феномен приписывания технике (например, гуманоидным роботам) функции Другого, наблюдающего за человеком. Побочным следствием такого наблюдения может стать широкий спектр эмоциональных реакций и даже определенное этическое поведение. Камера, следящая за человеком, определенным образом выстраивает его поведение, может тормозить и, наоборот, провоцировать определенные эмоциональные реакции; программное обеспечение, подсказывающее субъекту, каким образом он должен осуществить свой выбор товаров и услуг, предлагающее новинки, запоминающее его предпочтения, – это все примеры работы «техновзгляда», действие которого зачастую оказывается не менее сильно, чем действие живого взгляда, брошенного человеком. Именно техновзгляд становится соучастником и творцом человеческой истории, проникая в самые интимные области человеческой жизни и оставляя о них видео-свидетельства.

Д. Деннет в работе «Виды психики: на пути к пониманию сознания» остро ставит проблему обмана взглядом, я бы ее назвала проблемой «лживого взгляда». Его ход рассуждений я превращу в смоделированную ситуацию. Представьте себе, что Вы склоняетесь над колыбелью. На Вас смотрит младенец. На Ваш взгляд Вам от-

⁸³ См.: *Попова О.В.* Взгляд как моральный парадокс // Биоэтика и гуманитарная экспертиза / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФРАН, 2014. Вып. 8.

вечают взглядом. На Ваше присутствие Вам отвечают присутствием. Или, как говорит Д. Деннет, «в новорожденных завораживает то, что с самой первой минуты в них кто-то присутствует».

Однако представьте себе и другую ситуацию (не смоделированную Деннетом, но существование которой вытекает из контекста его рассуждений). Вы склоняетесь над колыбелью младенца, пристально глядящего на Вас, протягиваете руку, чтобы его погладить и при прикосновении понимаете, что перед Вами не совсем младенец и даже не совсем человек? Д. Деннет отмечает, как легко нас можно ввести в заблуждение взглядом. Например, нас может обмануть робот. И приводит пример робота Кога из Массачусетского технологического института (видите, у него даже имя есть в отличие, например, от узников концлагерей), движения частей тела которого были обескураживающе похожи на гуманоидные... Если смотреть Когу прямо в глаза, в то время как он автоматически смотрит в ответ, это может оказать “завораживающее” действие на непосвященного, но за этими глазами никого нет – пока, во всяком случае»⁸⁴.

Что же происходит в реальном мире с действием аргумента взгляда?

Взгляд робота, имитирующий взгляд человека, может вызвать беспокойство и тревогу, но также и безразличие, и радость, и даже восхищение. В реальном мире воздействие взгляда парадоксально: не всякий человеческий взгляд или образ человеческого тела вызывает у нас моральное чувство, мы можем игнорировать эстетически непривлекательные объекты или такие образы живых су-

⁸⁴ Деннет, Д. Виды психики. На пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. Режим доступа: <http://www.psyoffice.ru/2298-9-dennd01-index.html>.

ществ, которые способны вызвать у нас отвращение. Вместе с тем, если «аргумент взгляда», направленный на человека, не всегда срабатывает, то все сильнее заявляет о себе аргумент техно-взгляда. И в число тех, из-за которых он не прекращает свое действие, могут входить все, кто по каким-то параметрам отклоняется от социальной нормы, от модных эталонов человеческих существ, наполняющих пространство массовой культуры.

Взгляд технического устройства (робота), казалось бы, ни к чему не обязывает. Однако замешательство и беспокойство, которое он вызывает, способны стать предвестниками появления в дальнейшем морального ответа. Вместе с роботами люди способны испытывать глубокие чувства, о которых, возможно, они позабыли или в которых разочаровались в человеческом сообществе. Между техническим устройством и человеком возникают тесные эмоциональные связи. Поэтому электронные собаки или роботы-младенцы становятся объектами повышенного проявления нежности и внимания.

Почему срабатывает аргумент техновзгляда? Возможно, потому что мы чувствуем, что мы и есть роботы. Это также ответ Деннета, правда, он дает его в очень своеобразной юмористической форме. Вспоминая о самореплицирующихся макромолекулах, из которых состоит наше тело, Деннет заявляет, что «больше нет серьезных оснований сомневаться в том, что мы – прямые потомки этих самореплицирующих роботов. Мы млекопитающие, а все млекопитающие произошли от рептилий, предками которых были рыбы; предками же рыб были морские создания, довольно похожие на червей, которые в свою очередь произошли несколько сотен миллионов лет назад от более простых многоклеточных созданий, а те произошли от одноклеточных созданий, произошедших около трех миллиардов лет назад от самореплицирующих макромолекул».

И подводя итог, он шутливо замечает: «Скажем яснее: ваша пра-пра... бабушка была роботом!» Из этого можно сделать столь же лаконичный этический вывод: давайте уважать наших прабабушек! Роботов.

Если же говорить на более серьезном теоретическом уровне, то мечта о единении человечества может осуществиться в контексте биоцентристской парадигмы, но не потому, что мы все живые существа, а постольку, поскольку каждый из нас является роботом, поскольку внутри каждого из нас где-то звучит голос: об уважении к первопредку своего тела. К роботу.

Роботофилию можно расценивать как новый вид (псевдо)гуманизма в условиях, когда человек тяготится присутствием другого человеческого существа, когда Другой оказывается слишком сложен и обременителен для общения. И здесь аргумент «от первопредка», сформулированный Деннетом, оказывает значительное подспорье: человеческое существо любит роботов, поскольку, вглядываясь в себя, любит себя. Не будем ничего говорить о сложности онтологической архитектуры такого себя.

Итак, взгляд вносит фактор дезинтеграции в человеческое существование. Дезинтеграции с окружающим миром, собой и другими людьми. «Быть увиденным—другим» означает быть схваченным как объект мира, как вещь, подлежащая оценке и взвешиванию, однако «быть увиденным—другим» является возможностью, способной пробудить в Другом моральную реакцию, заставить его взгляд подняться до уровня понимания человеческого существа как этической вещи, отличной от вещей окружающего мира. Техно-взгляд, как ни странно, способен выполнять эту же функцию, пробуждая голос совести, принуждая его к долгу, предстывая объектом желания... Здравый смысл, однако, порождает следующие вопросы: будет ли человек, способный полюбить робота или виртуальную подругу,

глядя ему в глаза, ревновать его, чувствовать злость и досаду или страдание? Будет ли он испытывать удовольствие от нахождения под взглядом?

В этой связи уместно вспомнить Славоя Жижека, подметившего, что события, с которыми мы имеем дело в виртуальной реальности, не настолько отличны от тех, с которыми мы сталкиваемся в так называемой реальности обыденной. В виртуальной реальности, а именно к ней и относится техно-взгляд (как бы и существующий, но не в смысле физического воплощения, а как функция-имитация, функция приписывания), наблюдается виток в сторону картезианства: рациональность проявляется как чистое картезианское эго. Телесные основы идентичности практически сводятся на нет. Он утверждает, что конструирование собственной идентичности в виртуальных сообществах показывает, что «все наши физические свойства заменяемы, а вот неизменным в субъекте остается именно *cogito ergo sum*, то есть картезианский субъект... виртуальная реальность помогает нам обнаружить то, что в нашей, так сказать, реальной реальности наша идентичность тоже в известном смысле виртуальна. Если вы – женщина, оскорбленная, униженная, изнасилованная, то, конечно, это физическая травма, но все-таки оскорбление, унижение предполагают, что ваша идентичность была травмирована, ваша виртуальная идентичность, а не идентичность, непосредственно зависящая от вашего биологического тела, даже если и социально сконструированного»⁸⁵.

Вездесущность технологического взгляда приводит к неактуальности и даже излишеству человеческого взгляда, с его ошибками, искаженными оценками, неизлечимой

⁸⁵ Жижек, С. Власть и цинизм // Каб. картины мира 1. СПб.: Инапресс, 1998. С. 162.

пристрастностью. Технике предоставляют выносить суждения о картине реальности, с которой она сталкивается.

В 1999 г. на конференции MobiCom-99 (Сиэтле, США) было выдвинуто предложение о развитии информационных технологий на основе концепции ProActiveComputing. В ней был сделан акцент на развитие компьютерных технологий как автономной, фактически самозамкнутой системы, не нуждающейся в человеке. Как отмечает Ганс Малдер, заместитель директора Intel Research, «при proactive-вычислениях, которые должны стать одним из главных направлений использования компьютеров в будущем, компьютер будет сам предугадывать наши нужды и самостоятельно действовать в наших интересах. (...) Проще говоря, если нынче компьютеры – это наши “рабы” (которые нам беспрекословно повинуются и терпеливо ждут наших указаний), то в будущем компьютеры станут нашими “дворецкими” (возможно, с определенной степенью строптивости), которые в определенной мере будут предугадывать нужды своих хозяев и даже навязывать им определенные действия в соответствии с существующими правилами “этикета” и “церемониала”, а также руководствуясь принципами “заботы о нашем здоровье”»⁸⁶. Развитие концепции ProActiveComputing, таким образом, связано с предоставлением пользователям обширного набора услуг при минимальном контроле человека, вплоть до полного «исключения» человека, лишения его автономии в управлении системой⁸⁷.

⁸⁶ Научные исследования в Intel – подробности о некоторых технологиях будущего. Режим доступа: <http://www.ferra.ru/ru/system/s25980/>

⁸⁷ *Venter L., Olivier MS and Britz JJ. Interactive to Proactive: Computer Ethics in the past and the future.* Режим доступа: <http://mo.co.za/open/proactive.pdf>

Концепция ProActiveComputing конгруэнтна современной технократической идеологии, разделяемой различными направлениями трансгуманизма. В ее основе лежит стремление усовершенствовать человека технологическим путем. Ее целью, однако, становится не столько совершенный человек, сколько доведение до совершенства технологии и выход в постчеловеческое состояние, преодоление человека как такового. Интимизация технологической реальности, речь о которой шла выше, является лишь предварительным этапом сближения технологий и человека – этапом освоения технологий, однако следующий этап уже связан с освоением человека, человек рискует оказаться незначимым звеном в технологической экспансии, звеном, которое будет сметено в процессе технологической эволюции.

Современную технику учат не только мыслить, но и чувствовать. Интимные технологии оказываются телесно-ориентированными не только в том смысле, что они демонстрируют особую близость технологии к человеческому телу, достигающую в идеале неразличимости между естественным и искусственным, но и в том, что они еще и развиваются, ориентируясь на образ человеческого тела, на создание его аналога, обладающего огромным диапазоном восприятия. Классический пример – это разрабатываемые для современных компьютеров сенсоры и сенсорные сети, являющиеся проекцией человеческого тела (и в равной степени являющиеся редуцированной человечностью, отнимающей человека у человека).

Поразительный масштаб контроля над человеческим телом, который открывается благодаря новейшим достижениям в области биомедицины, масштаб, создающий перспективу превращения тела в артефакт, продукт технологического развития, успешно коррелирует со столь же поразительным масштабом гуманизации технологических роботизированных тел. Их наделяют все большими степе-

нями свободы, все более широким диапазоном сенсорного восприятия, все более сильными когнитивными характеристиками. О них грезят как о живых, целостных, бессмертных телах, куда будет перенесено впоследствии сознание человека. И они вглядываются в человека все более гуманоподобным взглядом.

В виртуальной реальности мы фактически конституируем Другого, одновременно конституируя себя. Аналогично выглядит дело с гуманоподобными роботами. Мы осуществляем двойное конституирование, настраивая себя на восприятие их как вещи, которая больше чем вещь, техники, которая больше чем техника. Но ни роботы, ни виртуальные персонажи, не дают нам возможности понять очевидную вещь: Другого надо не конституировать, Другого надо встретить.

Зададимся вопросом: как же возможна «забота о себе» в тени этих перемен? Не так давно мы могли в духе М. Фуко утверждать, что субъектом всех телесных, инструментальных и речевых действий является душа и именно о ней как о субъекте мы и должны заботиться. Однако уже сейчас возникают предпосылки к появлению новых модусов заботы, связанные с тем, что в человеческое сообщество отныне могут быть включены и такие «виды» человеческих существ, представители которых могут оказаться крайне близки как животным, так и машинам. В современную эпоху знание о технологиях, обусловивших собственное происхождение, и технологиях, наблюдающих за нами с момента зачатия, может оказаться более решающим, чем другая информация о собственном рождении и данные о родственниках, способствующих построению собственного генеалогического древа.

ГЛАВА 2

ПРОЕКТ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ БИОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ: ФЕНОМЕН «ГОЛОЙ» ЖИЗНИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЕРТИ

2.1. Лагерь в пространстве биополитики¹

Среди различных дисциплинарных пространств (школ, больницы, тюрем), прекрасно исследованных М. Фуко, одно все же оказалось обойдено вниманием. Речь идет о лагере. Вместе с тем тема биополитического воздействия, проникающего в различные локусы жизни, была развита Дж. Агамбенем. В работе «Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь»² он, на мой взгляд, удачно называет биополитической парадигмой современности пространство лагеря.

К сожалению, на фоне увеличения степеней свободы современного человека и тенденций развития морального прогресса, выражающихся хотя бы в таком факте как глобализация доктрины прав человека, лагерь так и не стал анахронизмом. Лагерь как «скрытая матрица» и «номос политического пространства» приобретает новые формы выражения. Моей задачей будет рассмотреть, как опреде-

¹ Результаты исследования отражены в статье: *Попова О.В.* Феномен «голой жизни» в контексте конструирования смерти человека // Психология и Психотехника. 2014. № 8. С. 813–820. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21946035>

² *Агамбен, Дж.* Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. С.151.

ленные характеристики лагеря проникают в те или иные пространства социальной жизни. В частности, меня будет интересовать пространство больницы, точнее, ее зоны интенсивной терапии, где современные биотехнологии создают прецеденты удержания человеческого существа на грани жизни и смерти, в зонах неопределенности, которые формируются не только амбивалентностью моральных норм и непроясненностью вопроса, где же должна проходить антропологическая граница, но прежде всего особой политической волей (даже если речь, казалось бы, идет всего лишь о политике здравоохранения).

Каковы основные характеристики лагеря? И почему они могут быть применимы к современной больнице? (Речь прежде всего идет о палатах интенсивной терапии.)

Лагерь является «чрезвычайным», «исключительным» пространством: «речь идет о части территории, вынесенной за пределы обычного правопорядка, но от этого не становящейся внешним пространством»³. Лагерь создает особое пространство, где норма неотличима от исключения, где более того, само чрезвычайное положение оказывается нормой. Лагерь выступает структурой, где чрезвычайное положение осуществляется в *нормальном* режиме. Фундаментальной характеристикой лагеря является политизация голой жизни. Именно эта характеристика и будет интересовать меня прежде всего.

Однако, что такое голая жизнь? И почему именно она становится предметом биополитики? Дж. Агамбен следует взглядам М. Фуко, отметившего в работе «История сексуальности»⁴ (Воля к знанию. Т. 1), что с началом Нового

³ Агамбен, Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. С. 211.

⁴ Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.

времени политические стратегии направлены на человеческое тело. Именно на него делает ставку современная политика. Причем это тело представлено в политических играх не только как субъект политики, но и как естественный объект, локус голой жизни, которой не дано право голоса (голая жизнь как бы исключена из политической сферы), но которое оказывает влияние на формирование политической воли.

По мнению Дж. Агамбена, «фундаментальной категориальной парой западной политики является не оппозиция друг/враг, а голая жизнь/политическое существование, *zoe/bios*, исключение/включение. Политика существует потому, что человек – живое существо, которое отделяет от себя и противопоставляет себе посредством языка свою собственную голую жизнь и в то же время остается связанным с ней через включающее исключение».

2.2. Артефакты «голой» жизни: феномен «Muselmann»⁵

Противопоставление человека как живущего и говорящего берет свои истоки еще в античности. Однако именно современность и в особенности опыт мировых войн (в частности, концентрационных лагерей) проблематизировали эту дихотомию. Ссылаясь на Антельма, Дж. Агамбен отмечает, что «то, чему действительно концентрационные лагеря научили своих обитателей, это именно то,

Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_vol/index.php

⁵ Результаты исследования отражены в статье: *Попова О.В.* Опыт на пределе, или еще раз об истоках биоэтики // Гуманитарные ориентиры научного познания: сб. статей: к 70-летию Бориса Григорьевича Юдина; отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Издательский дом Навигатор, 2014. 352 с.

что “когда человеческое достоинство ставится под вопрос, это вызывает почти что биологическое отстаивание принадлежности к человеческому роду”». В концентрационных лагерях создается новый вид живых существ, кого на лагерном жаргоне называют «мусульманами»⁶, тех, кто находился в особой онтологической зоне, где отсутствовала различность природного/неприродного, кто, олицетворяя «голую жизнь», одновременно являлся продуктом политических технологий, отражением эксперимента над человеческой природой, возвращенной в лагерных условиях. Здесь человек уподобляется природному артефакту – лабораторному животному, выращенному исключительно в целях эксперимента или же являющемуся побочным результатом такого эксперимента, в результате которого проводилась операция по расчленению субъектности, отбрасыванию его в досубъектное состояние, отделяя в нем живущего от говорящего.

Джорджио Агамбен связывает происхождение слова «мусульманин» с уподоблением движений заключенных, падающих ниц и распрямляющихся, движениям мусульман во время молитвы. Философ опирается на свидетельство Беттельгейма, согласно которому превращение заключенного в «мусульманина» происходило тогда, когда человек отбрасывал «все чувства, все внутренние оговорки по от-

⁶ Сам термин «мусульманин» («Muselmann»), которым оперирует П. Леви да и многие другие узники концлагерей (например, В. Франкл), был общим для всех немецких лагерей. Им называли ослабшего, обреченного на смерть заключенного, испытывающего полное безразличие к окружающему миру и самому себе при абсолютной утрате норм культурного существования и опустошении внутренней жизни. По одной из версий происхождения понятия, облик этих узников напоминал молящихся мусульман. Подробнее о феномене «Muselmann» можно, например, прочитать в работе Дж. Агамбена. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель (М.: Изд-во «Европа», 2012).

ношению к собственным поступкам и приходил к состоянию, когда он мог принять все, что угодно»⁷.

Такая составляющая лагерной жизни, как лишение имен (присвоение номерных знаков) в совокупности с внутренним опрощением (снятие запретов, преодоление образованности, распад структуры личности), приводила к деградации всех человеческих свойств. Такое человеческое существо оказывалось в особом маргинальном положении. Оно выступало за грани представлений о человеке, и даже с точки зрения человека, обладающего лишь минимальными признаками автономии, остатками внутреннего достоинства и вступающего в элементарные формы коммуникации (как могли себя описывать узники концлагерей) не укладывалось в среднестатистическую антропологическую норму. Одну из своих книг, где описывается процесс перехода к нечеловеческому состоянию заключенных Освенцима П. Леви так и называет «Человек ли это?».

Задавая этот вопрос, он задает его самому себе, как бы сомневаясь в том, что лагерь дает возможность оставаться человеком и, более того, полностью восстановить человечность при освобождении из застенков лагерной жизни. Феномен «Muselmann» был для лагеря своего рода каноном деградации человека, который не вызывал сочувствия даже у узников лагеря. Однако в широком смысле – это обобщающее понятие для характеристики той нечеловеческой жизни, которая искусственным путем создавалась фашистами, «мусульмане» от «немусульман» отличались только степенью падения и каждый заключенный чувствовал себя потенциальным «мусульманином». В. Франкл задаст вопрос, аналогичный вопросу П. Леви: «Чем еще был

⁷ Bettelheim B. The Informed Heart. New York: The Free Press, 1960. P. 207. Цит. по: Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012. С. 59.

каждый из нас? Частичкой большой массы жалкой человеческой плоти; плоти, насильно помещенной за колючую проволоку, загнанной в землянки; плоти, определенный процент которой ежедневно начинал гнить, потому что становился уже безжизненным»⁸. И он же подчеркнет, что такому человеку остается лишь «голое существование». Метафора «голового существования» олицетворяет процесс искусственного поворота вспять процесса культурогенеза, проявляющегося на индивидуальном уровне в том, что над индивидом совершаются целенаправленный акт стирания нанесенных в течение жизни знаков культуры. Следует отметить, что особую роль при этом играет процесс переименования.

2.3. Растение-в-человеке: марута-производство человеческого/нечеловеческого

Процесс искоренения имени «человек» – явление общечеловеческое. Человек стремится освободиться от некоторого балласта человекоразмерной семантики, которая может усложнять ему жизнь с моральной точки зрения, заставляя делать сложный выбор между теми или иными формами поведения, зачастую несущими дискомфорт от осознания того, что ты имеешь дело с человеком, а не с вещью. У. Эко в эссе «Когда на сцену приходит другой» справедливо отмечает, что некоторые этические проблемы становятся прозрачнее после того, как продуманы некоторые проблемы семантики⁹. Однако данный тезис имеет и свою изнаночную сторону: продумывание проблем се-

⁸ Франкл В. Сказать жизни «да» / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 26.

⁹ Эко У. Когда на сцену приходит другой // Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 9–24.

мантики и особые «языковые игры» в этике способны стать основанием для осуществления стратегии исправления имен, редуцирования и в конечном итоге уничтожения имени «человек».

Одна из границ человеческого – нечеловеческого проходит благодаря проводимой линии между своими и чужими, между мной, нашими и Другими. Круг Других – явление непостоянное. Можно предположить, что в сознании человека он сужается по мере расширения и гуманизации самого сознания. Граница Иного, Другого может изначально выстраиваться через мое тело. Тело является не только тем, что связывает или отделяет меня от Иного, Другого, чем является мир, но оно также становится той точкой отсчета, той нормой, по которой выверяется мир Других. Телесно Другие далеко не всегда способны стать своими, более того, они могут быть отвергнуты на периферию сознания как вообще не-люди, как те, кто не соответствуют моему внутреннему видению нормы. Они становятся Чужими Другими – теми, кто в отличие от просто Других никогда не будет способен конституировать мое сознание, поскольку они будут вынесены за скобки человеческого мира, либо будут его конституировать негативным образом, и полагание моей собственной самости будет строиться исключительно через негацию по отношению к Чужому Другому. Другой – это тот, кто присутствует внутри нас. Это лицо, это взгляд, который накладывает отпечаток на все наше существование, он и формирует нас, и приводит к осознанию того, что мы из себя представляем. Другой делает нас самими собой постольку, поскольку без Другого мы предстаем как недооформленные, неузнанные вещи. Однако несмотря на весь положительный ореол Другого, приходится признать, что сужение круга Других до близких (по национальному, гендерному, родственному и другим признакам) приводит к санкциониро-

ванию действий, оправдывающих насилие по отношению к Чужим Другим, которые уже не воспринимаются как человеческие существа и которые никак не могут конституировать мое сознание, поскольку являются для меня некоторой данностью, не влияющей на мое личностное становление, не интересным мне или даже представляющим для меня угрозу.

История хранит огромное количество негативных прецедентов отношения к Другим, и человек всегда находит идеологическое основание собственным действиям, выстраивает их в соответствии с собственным пониманием блага и ценностями той социальной среды, в которой он был вынужден оказаться.

Процесс исключения человека из человеческого сообщества уже был отчасти рассмотрен мною на примере существовавшего в немецких лагерях феномена мусульман. Этот процесс не локализован в той или иной точке земного шара, его характер – общечеловеческий. Мне хотелось развернуть данный тезис, дополнив анализ утраты человеческой идентичности в немецких лагерях смерти некоторыми данными и рассуждениями относительно биотехнологической истории формирования людей, которых относили к разряду недочеловеков, вещей, животных. За ними закрепились кличка «бревна».

Речь идет об испытуемых для проверки действия бактериологического оружия, разрабатываемого во время Второй мировой войны японским отрядом Квантунской армии «731». С целью получения научных данных медицинского характера над ними проводились бесчеловечные опыты: им «прививали бактерии чумы, холеры, тифа, дизентерии, спирохеты, сифилиса и другие культуры живых бактерий... Велись также эксперименты по обморожению, заражению газовой гангреной, проводились расстрелы

в опытных целях¹⁰. Общее представление о зверском характере этих опытов может быть получено на основе описания «выставочной комнаты» хозяйственного управления отряда. «На полках, расположенных в два или три ряда вдоль стен, стояли наполненные формалином стеклянные сосуды диаметром 45 и высотой 60 сантиметров. В формалиновом растворе находились человеческие головы. Отделенные от шеи, с открытыми или закрытыми глазами, с колышущимися волосами, они тихо покачивались в стеклянном сосуде.

Головы с раздробленным, как гранатовый плод, лицом. Головы, разрубленные на две части от темени до уха. Головы, распиленные, с обнажившимся мозгом. Головы с разложившимся лицом, на котором невозможно распознать ни глаз, ни носа, ни рта. Головы с широко открытым ртом, с красными, синими, черными пятнами на коже. Китайцы, монголы, русские...»¹¹.

«Бревна» лишались имен, им присваивались трехзначные номера, и они распределялись по группам в качестве материала для опытов, члены отряда не допускали и мысли о человеческом статусе своих подопытных, они представляли значительную ценность в качестве объектов различных экспериментов, но, в случае их дальнейшей непригодности, по отношению к ним применялось «прореживание». От подопытных «бревен» могли родиться только подопытные «бревна», не давая «бревнам» ни права на жизнь, ни права на достойную смерть. Отнимая у «бревен» минимальную возможность распоряжения собственным телом, их в извращенной гротескной форме наделяли правом собственности: на карточку с номером и на печь для сжигания

¹⁰ *Сэйити, М.* Кухня дьявола. Режим доступа: http://www.gramo-tey.com/?open_file=1269091784.

¹¹ Там же.

трупов. Никто не интересовался прошлым людей-«бревен»; как только они переступали порог отряда, они теряли право свидетельствовать о себе и иметь автобиографию, хотя, как отмечает М. Сэйити, «в жандармерии, до отправки в отряд, каким бы жестоким допросам их ни подвергали, они все же были людьми, у которых был язык и которые должны были говорить»¹².

«Бревнам» оставалось лишь право свидетельствовать немотой своих тел, собранных в выставочной комнате: «Головы людей разных рас, мужчин и женщин, старых и молодых, смотрели из коричневатого формалинового раствора на вошедшего в комнату и обращались к нему с немим вопросом: “Почему мы здесь?”»¹³.

Все испытуемые отряда «731» были уничтожены. В основном все, что мы знаем о людях-«бревнах», стало известным из текстов-протоколов проходивших после Второй мировой войны процессов над военными преступниками (в частности, Токийского и Харбинского процессов), а также из документальных (в том числе в достаточно широко распространенных в наше время в ресурсах Интернет видеозаписях), откровенных свидетельств членов отряда «731» о характере проводимых исследований, причинах личной вовлеченности в события тех лет и попытке осмыслить эти события сегодня.

«Бревен»-свидетелей нет. Их лишили права голоса, отодвинув их бытие за пределы нормы человеческого. Люди-«бревна» свидетельствуют чужими голосами и текстами – историческими документами, целью которых в той или иной степени является обнаружение пробелов в человечности и протоколирование процесса исключения части людей из человеческого сообщества. В этой связи

¹² Там же.

¹³ Там же.

примечательно следующее высказывание одного из врачей отряда «731»: «Мы считали, что “бревна” – не люди, что они даже ниже скотов. Среди работавших в отряде ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь сочувствовал “бревнам”. Все: и военнослужащие, и вольнонаемные отряда – считали, что истребление “бревен” – дело совершенно естественное»¹⁴.

Процесс исключения Других, ненормальных, как видно из этого отрывка, характеризуется общим консенсусом членов отряда относительно того, кто достоин быть человеком, и кто должен быть исключен из сообщества людей, вообще из сообщества любых живых существ, которые могут быть достойны сострадания. Присвоение номерных знаков и общая кличка для заключенных – «бревна» – для членов сообщества становятся дополнительной гарантией обеспечения собственной психологической безопасности и моральной оправданности своих действий. Понятия «бревна» и понятие «враги» отождествляются и, более того, лишаются антропологического измерения. Процесс исключения Других должен поддерживаться более широкой общностью (государством, этносом и т.д.) на протяжении длительного времени. Он, как правило, рассматривается в контексте следования собственным национальным интересам и требования их соблюдения в политических отношениях: именно этот фактор стал причиной того, что многие исследователи, работавшие в отряде, стали японскими выдающимися учеными и продолжали работать в области медицины, «“набив руку” на опытах над сотнями живых людей»¹⁵, более того, данные, полученные в ходе зверских испытаний на живых людях, впоследствии использовались

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Сэйити*, М. Кухня дьявола. Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269091784.

в политических целях других государств («Отдел “Джи-2”... включил многих бывших руководителей “отряда 731”, начиная с Исии, в состав особого отряда армии США. Этот отряд располагался в Токио...»¹⁶).

Б.Г. Юдин, отталкиваясь от проблемы преодоления жесткой дихотомии биологического и социального, что в приложении к человеческому существованию сводится к попыткам определения человека либо через природу, либо через надприродное, пытается найти точки сближения этих подходов, опирается на пример использования марута-технологий, технологии именованя людей-испытуемых «бревнами» (по-японски «марута») во время Второй мировой войны¹⁷. Марута являются примером конструирования из надприродного в природное и дальше – из природного – в вещное. Их особый промежуточный онтологический статус был задан требованиями проведения биомедицинского эксперимента.

Биомедицинское исследование с участием людей-испытуемых выглядит как процесс постепенного абстрагирования от человеческого в человеке, в результате которого исследователь приближает испытуемого, как носителя определенного имени, личностных характеристик, физических качеств и т.д. к состоянию объекта, с которым ему проще иметь дело как ученому: «человек вообще и человек-как-испытуемый – это далеко не одно и то же»¹⁸.

Важным условием применения марута-технологий является четкое различие между «мы» и «они». Как отмечает Б.Г. Юдин, «“Мы” – это те, кто проводит эксперименты наряду с теми, кого экспериментаторы относят к той же

¹⁶ Там же.

¹⁷ Юдин Б.Г. Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 37.

¹⁸ Там же. С. 37.

самой категории. “Они” принадлежат к другой категории и могут в какой-то мере рассматриваться как “нечеловеки”¹⁹. Кроме того, применение марута-технологий востребовано именно военным временем: здесь действуют другие законы человеческого поведения, другая мораль, направленная на отчетливое выделение своих и чужих, на пренебрежение правами других, элиминацию их из круга себе подобных. «Подлинно уникальным и заслуживающим оценки в качестве некоторого социально-психологического изобретения является применение для обозначения испытуемых уже упоминавшейся категории “марута”. Здесь мы имеем поразительный пример социального конструирования. Благодаря этому изобретению перед японскими исследователями предстали новые существа, новые объекты. Они обладали некоторыми общими свойствами с людьми, но не воспринимались как люди в подлинном смысле слова, они были не совсем людьми»²⁰. Марута-технология является показательной для проведения биомедицинских манипуляций (экспериментов) над людьми: только сконструированное в сознании представление об испытуемом («бревне») как о неодушевленном материале дает право применять к нему весь комплекс научных методов для достижения поставленной цели. Увидеть в «бревнах» людей – значит вызвать сбой в проведении эксперимента. Поэтому научные результаты находились в прямой зависимости от моральной индифферентности, от равнодушия ученого, от способности абстрагироваться от личностного в человеке и увидеть в нем вещь, объект, артефакт.

Еще раз обращу внимание на то, что «бревна», в сознании членов отряда, входили скорее в царство растений,

¹⁹ Там же. С. 42–43.

²⁰ Там же. С. 43.

предметное поле, а не в класс живых существ, и тем более сообщество людей. Они лишались минимального права голоса, более того, их и потенциально не рассматривали в качестве тех, кто мог бы при других условиях обладать этим правом. Они были признаны в коллективном сознании отряда «731» немymi вещами еще до наступления насильственной смерти.

Тем неожиданней воспринималось членами отряда любое нестандартное поведение, не вписывающееся в каноны функционирования вещи. Между тем отстаивание права на голос и сопротивление заключенных являются одной из героических страниц в «черной» истории отряда «731». Один из тюремных бунтов, в результате которого из камер смогли вырваться безоружные заключенные, а перед японцами выступил с гневной речью русский, закончился трагично: кого-то застрелили в упор, кого-то отравили ядовитым газом. При этом принципиально важно то видение, которое имели японцы о самом бунте. Для них он носил ирреальный характер, сама ситуация казалась неправдоподобной и невозможной: сродни бунту животных или растений. Однако сама сила этого бунта и кажущаяся алогичность ситуации вызвали своего рода метанойю, поворачивание вспять всего рационального хода рассуждений, правда, через долгие годы после случившегося. Обращусь к тексту М. Сэйити: «Вот что вспоминает бывший тогда на месте события служащий отряда: “Когда думаешь об этом теперь, становится ясно, что голос русского был криком души, у которой отняли свободу... Но тогда я не мог правильно понять его гнев. “Бревен” мы людьми не считали. Так как же можно было спокойно отнестись к тому, что они взбунтовались? Однако протест этого русского, то, как он до последнего вздоха стоял широко расправив плечи, произвело на нас сильное впечатление. Мы заставили его замолчать пулей, но

он, безоружный и лишенный свободы, несомненно, был сильнее нас. И тогда мы все в душе почувствовали: правда не на нашей стороне. Когда я вспоминаю теперь все, что произошло тогда, я не могу спать по ночам»²¹.

После бунта «бревна» были уничтожены, однако они уже уничтожались не в качестве всего лишь материала для экспериментов, но как «опасные заключенные, поднявшие бунт». Им поневоле поднимали их онтологический статус, переводя из разряда растений и вещей. Более того, они перестали быть «бревнами» еще и постольку, поскольку усваивали логику насилия, логику «прямого действия», которая в сознании сотрудников отряда, очевидно, рождала коннотации, связанные с человеческим миром, с их собственным миром.

2.4. Биополитическое производство людей-машин

И «бревна», и «мусульмане» представляли пример биополитического производства людей-машин. Их появление было задано рациональным планированием, подобным планированию в рамках производственного цикла по созданию артефакта. На выходе обреталось нечто похожее на машину. Машина – это то, что не имеет своей персональной истории, она не может быть инициатором действия, не имеет интенций, сознания и воли. Эти характеристики стали неотъемлемыми составляющими в процессе конструирования «мусульман» и «бревен». Лишенные имен, голоса и воли сопротивления, они должны были стать свидетельством полного триумфа над человеческой природой, тако-

²¹ *Szyttu M.* Кухня дьявола. Режим доступа: http://www.Gramotey.com/?open_file=1269091784.

го триумфа, когда, даже продолжая жить, человек становится лишь «фигурой без имени»²².

Использование метафоры «машины» применительно к «бревнам» и «мусульманам» несет многозначный спектр коннотаций. Одно из значений «машины» упомянуто выше и связано с тем обстоятельством, что у человека отнимают историю и лишают его права свидетельствовать, превращая в функционирующий благодаря выработанным технологиям власти элемент. Однако данный аспект машинерии раскрывается лишь в контексте описания особой организации социального пространства, благодаря которой она и становится возможна. Имеется в виду, что история человека как машины берет начало не только в современном технологизированном мире, который по законам мимезиса конституирует человека. Она коренится в древнейших социальных формах бытия, в предельно механизированной организации труда человека. Идея развития цивилизации на основе организации архетипичной машины разработана Мамфордом, указавшим на то обстоятельство, что первичной машиной была социальная (коллективная) машина. Она была создана из человеческих деталей и является прообразом машины современной. Строительство первичной машины осуществлялось на безжалостном военном принуждении, угнетающей нищете и принудительном отупляющем и монотонном труде²³. Ее характерным признаком были безусловное выполнение приказов и слаженность рабочей силы. Дефицит человечности компенсиро-

²² *Sofsky, Wolfgang*. Lordine del terrore. Ill campo di concentramento. Roma-Bari, 1995. P. 464. Цит. по: *Агамбен Дж.* Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012. С. 50.

²³ *Мамфорд Л.* Миф машины. Техника и развитие человечества. Режим доступа: <http://www.aitrus.info/node/2077>.

вался значимыми социальными благами, развитием культуры и антропологическим поворотом (развитием сознания) и поэтому как бы оправдывался историей.

Феномены «мусульман» и «бревен» демонстрируют страшный социальный эксперимент над человеческой природой: формируя их в качестве выгодного власти артефакта, их вынуждают сбрасывать все социальные маски, доводя до состояния чистого листа. Снять с себя слой культуры, то есть тот налет артефактности, который стал их второй природой, означало отказаться от себя самого, стать одной из вещей этого мира, которой могли присвоить номер. Само порождение нового типа человека, лишаемого всего человеческого и прежде всего голоса, опиралось на простую идею о том, что труд является проклятием и задачей самого человека является такая механизация труда, которая максимально устранил его участие. Поэтому производство людей-машин, людей-биороботов можно представить как воплощение чаяний о собственном могуществе, выражающихся в перекалывании работы на плечи Чужого Другого за неимением Другого как механизма. Механизмом принуждают стать человека, и его человеческий потенциал оказывается востребован в той мере, в какой он является нечеловеческим, противоречащим его личным замыслам, его природе, но соответствующим идеям конструкторов²⁴.

Искажающие имя «человек» ярлыки-термины «мусульмане» и «бревна» одновременно обнажают особый характер власти, благодаря которому они могли возникнуть

²⁴ Об использовании человеко-машин в советской лагерной системе см.: *Тищенко П.Д.* Вместо заключения. ГУЛАГ: модернизация и мегамашинны по Льюису Мамфорду // Рабочие тетради по биоэтике Вып. 13: Человек – NBIC машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

и закрепиться: ее направленность на стимулирование функционально выгодного выживания. Этот вид выживания характеризуется такими прагматическими эффектами, как получение необходимых научных данных, производственных результатов или использование тел в качестве источника органов. Он становится возможным посредством сегрегации, отделяющей «в человеке органическую жизнь от животной, не-человеческое от человеческого, мусульманина от свидетеля... вплоть до достижения предельной точки, которая является подвижной и смещается в соответствии с прогрессом научных и политических технологий»²⁵. Сегрегация в процессе производства «мусульман» и «бревен» подчиняется тактике лишить свидетеля голоса, постепенно подводя его к лишению жизни. Выживание в концлагерях жертв войны «мусульман» и «бревен» с того момента, когда им выносят вердикт бесполезности, рассматривая как помеху исправному функционированию машины выживания, модифицируется в умирание. Жизнь (выживание) больше не отделена от смерти, но и то и другое становятся необходимыми элементами в фабрике производства полезных гибридных идентичностей, стоящих на грани между растением и человеком, животным и человеком, человеком и машиной.

Гибридные идентичности, однако, имели отношение не только к «бревнам» или «мусульманам», но и к тем, от кого исходил импульс трансформации человеческой природы в предельно полезный артефакт: «лицо власти также было зеркальным отражением состояния “мусульманина”: «комендант Освенцима также мог считаться “мусульманином”, хотя и прилично накормленным и одетым – он лишился способности чувствовать и быть личностью – пре-

²⁵ Агамбен Дж. Номо сасег. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Издательство «Европа», 2012. С. 164.

вратился в машину, которой начальники могли управлять нажатием кнопки»²⁶.

Научные исследования, проводившиеся в отряде «731», также были ориентированы на стандартизацию и обезличивание индивида, что и демонстрировало присваивание ему имен-кличек, лишаящих права быть человеком, свидетельствовать от лица человека. «Бревна» рассматривались лишь как биоматериал, лишенный способности чувствовать, но и сами исследователи могли стать жертвой подобного отношения, зеркально отражая общую атмосферу машинизации и бесчеловечности. Например, когда отряд пополнился подростками-стажерами, из которых планировалось создать будущую научную элиту, они тоже волей случая превращались в подопытный материал. Их могли подвергнуть экспериментам по обморожению, подкармливали пищей, специально зараженной бактериями, унижали морально. Подростки-стажеры находились в особом подневольном положении, которое было вызвано осознанием того, что за пределами отряда они обречены на голодное, нищее существование. Их идентичность была гибридной: уже не дети, но еще и не самостоятельные, распоряжающиеся собой взрослые, они жили как бы на границе между объектами и субъектами, самостоятельно они не могли детерминировать процесс перевода с одной территории на другую. Дамоклов меч постоянной угрозы превращения сотрудников отряда в жертв постоянно висел над всеми: служащие гибли от особо опасных инфекций, в особенности от чумы, и периодически становились участниками собственных экспериментов. Право быть самим собой постоянно нарушалось необходимостью исполнения служебного долга, несущего угрозу превращения в вещь, объект манипулирования и выгоды.

²⁶ Там же. С.60.

2.5. Современные «Muselmann» и «бревна» («марута») в пространстве реанимационных технологий и философского осмысления проблемы сознания

В этом параграфе мне хотелось бы осветить проблему сближения концептов «Muselmann» и «бревна» («марута»), появившихся и получивших широкое распространение в немецких и японских лагерях Второй мировой войны, и концептов, родившихся в сфере действия современной биовласти – реанимационных отделениях, где интенсивная терапия предоставила человеку еще одну сложную дилемму поиска антропологических критериев.

Прежде всего, опираясь на концепцию многоуровневого описания субъекта, предложенную Р. Харре, следует обратить внимание на сложность описания феномена «голой» жизни. А затем, отталкиваясь от необходимости гибридного описания человека, перейти к анализу концепции смерти мозга и попытаться провести аналогию между рассмотренными понятиями «Muselmann» и «бревна» («марута») и понятиями, сформировавшимися в области исследований о мозге и сознании: «неоморт» и «неврологический зомби».

2.5.1. Персональная и «машинная» грамматики, или О способах описания «голой» жизни»²⁷

Р. Харре, в целях описания жизни современного человека, которая может быть переведена в ту или иную разновидность дискурса, выделяет три основные грамматики.

²⁷ Результаты исследования отражены в статье: *Попова О.В.* Человек как машина: к попытке осмысления существующих «гибридных» дискурсов о человеке // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 13. М., 2012. С. 83–99.

Во-первых, речь идет о грамматике, которую условно можно назвать персональной (П-грамматика). Ее базовыми единицами являются личности, производящие действия. Поскольку понятие «действие» всегда подразумевает наличие ответственности со стороны совершившего его агента, постольку главной «отличительной чертой П-грамматик является способ работы с понятием моральной ответственности»²⁸. Персональная грамматика также определяется особым темпоральным отношением, выражающимся в припоминании. Как представляется, помнить о чем-либо подразумевает наличие утверждения о чем-либо, отозвавшегося во мне определенными последствиями; то есть воспроизведение его в моей памяти. Следовательно, память – это то, над чем я властвую и за что я в определенном смысле несу ответственность. Как отмечает Р. Харре, «помнят люди. А не их мозги». Данное замечание позволяет провести различие между персоной и ее органическим инструментарием – органичной машиной, которой оказывается ее собственное тело, описываемое на языке организмической, или О-грамматики. Метафора «машины» как эвристическая гипотеза важна при анализе проблемы протекания сознательной деятельности и исследования связи сознания и мозговых процессов, для характеристики персонального способа бытия. Однако, как подчеркивает Р. Харре, «несмотря на то что в качестве инструмента, используемого людьми в процессе их деятельности, мозг может быть учтен в исследовании мира личностей, сами личности не могут быть описаны в качестве части мира нейронов и молекулярных процессов»²⁹. Замечание Р. Харре отказывает в универсальности еще одному

²⁸ Харре, Р. Союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. Т. VI, № 4. С. 46.

²⁹ Там же. С. 39.

виду грамматики о человеке – грамматике молекулярной (М-грамматике). Ее базовыми единицами (источниками деятельности) являются молекулы и кластеры молекул. Законы М-грамматики отражены в языках физиологии и молекулярной биологии. По аналогии притязаний на универсальное описание оказывается лишен и третий вид грамматики – организмический. Данная грамматика описывает организмы и деятельность организмов. Организмическая грамматика применима по отношению как к человеческим существам, так и к животным.

Отличительной особенностью персональной грамматики по сравнению с двумя другими видами грамматик является «использование понятий наподобие значений и правил»³⁰. В то время как О- и М-грамматики характеризуются употреблением причинно-следственных понятий. Использование причинно-следственных понятий является примером фиксации устойчивых законов природы, неизбылемости и нерушимости порядка заведенного механизма. О- и М-грамматики я буду условно называть общим термином «машинные грамматики», если под машиной понимать в духе картезианства автомат, лишенный воли, духа. Функционирование машины сопряжено с роковой предопределенностью, отсутствием способности взять на себя ответственность, отсутствием воли как таковой. В телемашине «остается лишь данность слепого материального порядка, называемого “природой”, которому благоразумно подчиниться, сохраняя при этом чувство юмора»³¹.

Очевидно, что все описанные грамматики являются результатом абстрагирования от многих существенных свойств человека, редукции его к персоне, организму, молекулярной машине. Однако, имея дело с такой сложной

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

системой, как человек, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой? как же его описать целостно? В рамках какой из грамматик он может быть описан именно как человек? (Не вынося за скобки его статус ни в качестве персоны, ни в качестве органической машины, действующей на уровне молекулярного единства телесности.) Р. Харре справедливо отмечает, что проблема состоит в том, что «если мы говорим о значениях, то не говорим о причинно-следственных связях, а если мы говорим о молекулах, то не говорим о мотивациях»³². Р. Харре идет в обход решения проблемы взаимоотношения сознания и тела и прежде всего ставит задачу исследования способов, которыми связаны различные дискурсы о человеке. В представленном им проекте гибридной психологии для сближения и формирования связей между различными языками описания используется понятие инструмента: «Существует метафора инструмента и его назначения, согласно которой данное назначение определяется в терминах О- и М-дискурсов. В таком случае существует способ, которым диспозиции и способности, определяемые в П-дискурсе, основаны на структурах, состояниях и процессах, описываемых в терминах О- и М-дискурсов. Третья связующая цепочка возникает благодаря системам классификации, прикладываемым к сущностям, состояниям и процессам, которые могут быть описаны при помощи О- и М-дискурсов, основывающихся на классификации объектов, которые сперва определяются как принадлежащие к типам, определяемым в П-дискурсе»³³. Метафора инструмента закрепляет за П-дискурсом статус таксономического доминирования (таксономической первичности). Его суть можно объяснить на примере

³² Харре Р. Союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия наук. Т. VI, № 4. С. 49.

³³ Там же. С. 51.

исследования мозговой деятельности: «Только благодаря наблюдению за происходящими когнитивными процессами внимание направляется на соответствующие им невральные состояния и процессы. Это и есть тезис о таксономической первичности»³⁴. Таким образом, при описании человека мы предоставляем право первенства персональному описанию и от него переходим к более низким уровням описания: организмическому или молекулярному.

Если перенести установку использования метафоры инструмента в область описания мозговой деятельности, то выстраивается следующая картина: мозг рассматривается в качестве своего рода био-машины, или, как его называет Р. Харре, протезного устройства, выполняющего когнитивные задачи по аналогии с подобными ему техническими устройствами неорганического происхождения, например карманным калькулятором. Мозг – это инструмент для создания инструментов, протез для протеза. Он создает вербальные инструменты (суждения) для решения конкретных задач. Отделы мозга – это также отдельные инструменты, машины, которые в совокупности определяют целостность, фактически мега-инструмент – фабрику по производству когнитивных функций, то есть сам мозг.

Функционирование мозга представляется необходимым, но не достаточным условием когнитивной деятельности. Полное описание человеческого бытия подразумевает не столько привлечение «машинных грамматик», сколько оценку и описание условий, относящихся к П-грамматике: присутствие других людей и их активную коммуникацию с предпринимающим мыслительную операцию субъектом. Р. Харре справедливо замечает отличие дискурса о человеке от дискурса классической физики, одно-

³⁴ Там же. С. 52.

типная иерархия которой «вмещает в себя онтологию всех объектов, находящихся в ее области исследования, и для которой требуется только одна полная грамматика»³⁵. Люди предстают друг перед другом в различных аспектах: как личности, организмы и сложносоставные кластеры молекул, представляющих различные виды онтологий и описывающих их грамматик. Нельзя обойтись без каждой из этих грамматик, основывающихся на этих онтологиях, и ни одна из них не может быть расширена настолько, чтобы включить остальные без противоречия³⁶. Единая субстанция, как подчеркивает Р. Харре, дает различные типы связей: интенциональных и нормативных, с одной стороны (персональный и организмический уровни), и каузальных, с другой (молекулярный уровень). Последний уровень Харре относит к машинному, подчеркивая, что «человеческие существа в молекулярной онтологии являются машинами, не обладающими моральными характеристиками. Мозг в онтологии персон является инструментом для выполнения задач, устанавливаемых дискурсивно»³⁷.

Очевидно, что если мы попытаемся описывать функционирование мозга на основе использования метафоры инструмента, в случае необратимой поломки «инструмента» перед нами возникнет проблема не смерти человека, личности как таковой, а лишь отсутствие одного из атрибутов личности, одного из аспектов ее бытия, инструментализируемого в процессе ее жизнедеятельности. И если личность рассматривается нами как активный источник поведения, то инструментализируемый мозг является активным в подчиненном смысле, лишь реализуя интенции актора.

³⁵ Там же. С. 62.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 59.

Фундаментальное отличие молекулярной и персональной грамматик выявляется при оценке отношения этих грамматик к коллективизму и индивидуализму. Как считает Р. Харре, П-грамматика имеет дело с личностями, осуществляющими коммуникацию, состоящими в социальных отношениях, в то время как М-грамматика склоняется к индивидуализму, поскольку используя рабочую модель мозга-как-компьютера для механизмов управления собственным поведением, она апеллирует к индивидам (невральные инструменты являются частью индивида). Тезис Р. Харре выглядит достаточно противоречиво. Если мы рассматриваем персональную грамматику лишь в аспекте коммуникации, тогда у нас возникает вопрос о наличии персональных качеств у тех, для кого установление коммуникативных связей или социальное общение представляет проблему. Речь идет о людях с ограниченными возможностями. Но мы с этической точки зрения не имеем права позволить себе описывать и оценивать этих человеческих существ исключительно на языке О- и, тем более, М-грамматики. Спорным в этом контексте рассуждений выглядит также следующий тезис Р. Харре: «Персоны с необходимостью материальны, так как обладание телом является необходимым условием для персонального тождества»³⁸.

Данное утверждение фиксирует жесткие границы между тремя обозначенными грамматиками, лишая возможностей описания ситуаций личностного бытия, которые находятся между ними, в частности тех, когда утрата контроля над собственным телом или способности к коммуникации приводит к вынужденной (вызванной волевым и когнитивным актом ученого, осуществляющего процесс нормализации посредством введения удобной для него

³⁸ Там же. С. 63.

схемы описания человеческого существа) утрате личной (персональной, моральной) идентичности. Невозможность инструментального использования своего тела автоматически ведет к переходу на уровень машинного существования. К примеру, речь может идти о детях и о недееспособных, инвалидах, больных аутизмом, лицах в вегетативном состоянии, пациентах с диагнозом смерти мозга и т.д., то есть всех тех, кто оспаривает претензию на определение нормы человеческого. Моральный парадокс состоит в том, что, когда мы начинаем описывать их с помощью «машинных» грамматик, мы сами автоматически переводим себя на до-персональный уровень, становимся объектами машинных описаний.

2.5.2. Машинерия смерти и рождение человека-биомашины (на примере «гибридного» дискурса о смерти мозга)

Р. Харре отмечает, что «в некотором смысле существует только один поток деятельности. Описанный в П-грамматике, он обнаруживает такие явления, как «эмоции», «установки», «воспоминания», «единицы знания», «проявление ловкости» и т.д. Используя метафору потока, мы можем думать об этих явлениях как о водоворотах, воронках, пене и волнах в постоянном потоке, иссушает который только смерть мозга действующего субъекта. Некоторые из них краткосрочны, в то время как другие – длительны»³⁹.

Это высказывание интересно как минимум в двух аспектах. Во-первых, в нем представлена активная позиция западного рационалистического мышления (которое, тем не менее, само же и борется с ним, претендуя на создание

³⁹ Там же. С. 57.

проекта гибридного описания человека), в основе которого подчеркивается неизменный приоритет персонального существования – его интенциональная и нормативная деятельность – фактор, отличающий персону от «машин». Во-вторых, сама концепция личности, которая заложена в этом высказывании, оформляется на основе деятельностного подхода. Субъект представлен как вихрящийся поток деятельности, состоящий из эмоций, установок, единиц знания, проявлений ловкости и т.д., и прекращение этого потока вследствие смерти мозга тождественно смерти носителя потока – субъекта. Проект гибридной психологии, представленный Р. Харре, опирается на такие ключевые понятия, как «инструмент», «задачи», «поток деятельности». Их условно можно считать антропологическими координатами, позволяющими смоделировать проект человека как персоны, идентичность которого задается осуществлением деятельности, целеполагания, инструментализации себя и мира.

Понятие персоны, как и понятие морали, в рамках этого подхода применимо лишь к той группе человеческих существ, которые обладают определенными телесными (биологическими) характеристиками. Тело пациента, например, того, чье существование детерминировано исправным функционированием «машины» ИВЛ, и тело дееспособного человека как два совершенно различных типа телесности (по физиологическим и личностнообразующим качествам) предполагают отличные друг от друга моральные критерии.

Именно второй тип порождает включенность в моральные и правовые отношения в качестве равноправного участника, партнера, автономного существа, подключенного к общечеловеческой коммуникации, в то время как первый находится под патерналистской опекой социальных, в частности медицинских, институтов, компенсиру-

ющих его недотягивание до стандартов дееспособности. Идентичность человека как деятеля и его возможность быть человеком, проживая жизнь не-человека, «нетривиального человека» («ненормального» в глазах социума), мне хотелось бы рассмотреть на основе анализа двух, на первый взгляд, разнородных феноменов: упомянутого выше феномена «мусульманин» и феномена «неоморт»⁴⁰. Данные феномены могут быть сближены на основании общих коннотаций, связанных с утратой антропологических координат и человеческой нормы. Наличие определенных представлений об этой норме и научных конвенций, определяющих антропологические границы, позволяет приписывать человеку свойства (био)машины, а также проводить лингвистические манипуляции с именем «человек».

Проблематизация диагноза «смерть мозга» неизменно сопровождается биоэтическими дебатами об антропологическом и моральном статусе таких лиц. Отсутствие самостоятельного дыхания, утраты целостности функционирования организма у таких пациентов позволяло наделять их лишь некоторыми признаками человека, относить к категории существ с утраченными антропологическими границами и деперсонифицировать их статус, характеризуя их как «растения», «артефакты технологической поддержки» и т.д. В процессе непрекращающихся дебатов об онтологическом статусе пациентов со смертью мозга выкристаллизовались позиции, обозначившие векторы демаркации жизни и смерти человека, зафиксировавшие границы человеческого. Одна из них нашла отражение в докладе Президентского совета по биоэтике США⁴¹. В данном докладе были обозначены базовые модальности человеческо-

⁴⁰ Пациент с диагностированной смертью мозга.

⁴¹ *Controversies in the Determination of Death*. The President's Council on Bioethics. Washington, 2008.

го бытия, такие как: открытость миру, то есть восприимчивость к стимулам и сигналам из окружающей среды, способность оказывать влияние на мир с целью удовлетворения собственных потребностей, базовой способности ощущения, дающей возможность организму действовать так, как он должен действовать и получать то, в чем он нуждается, и что его открытость делает возможным. Данные характеристики можно рассматривать в качестве конститuentов одной из возможных моделей границ живого человеческого существа. Вместе с тем не иссякали попытки «негативных» определений границ умершего, мертвого человека. К их числу, в зависимости от исходных мировоззренческих оснований и методологических посылок относились: необратимая потеря сознания, необратимая потеря души или «сущности», необратимая потеря интегративных функций мозга, неизбежная остановка сердца в течение часов или дней, развитие необратимых дегенеративных изменений вещества мозга, нарушение кровотока, необратимая утрата функций мозга, нарушение функционирования ствола мозга, необратимая утрата важнейших функций головного мозга, в особенности стволовых структур, необратимая утрата сознания в сочетании со стойким нарушением дыхания и другие признаки. Определение границ мертвого существа в отношении проблемы пациентов с диагнозом смерти мозга потребовало исследования различных видов смерти. Была, в частности, проведена дифференциация между смертью человека, то есть отсутствием потенции разума и чувств, и смертью тела или организма. Исходя из этой философской позиции, человек, которому поставлен диагноз смерти мозга, вызывающей его недееспособность в отношении специфически человеческих качеств, считается «мертвым человеком». Однако умершему была придана ценность в прагматическом аспекте – в качестве источника органов.

В западной научной литературе обращается внимание на ряд характерных трудностей употребления термина «смерть мозга». Понятие «смерть мозга» указывает на то обстоятельство, что существует более одного вида смерти. Курьезными выглядят встречающиеся записи в протоколах «у пациента констатирована смерть мозга в 3 часа, а умер он через 2 дня»⁴².

Невозможность констатации четкого времени наступления смерти при диагностике смерти мозга вызывает вполне закономерный вопрос: смерть – это единая реальность, которая может быть описана достаточно ясно, или же современный человек имеет дело с качественно различными видами смерти, со сложным феноменом, требующим новых способов понимания и описания.

Смерть двоятся не только в отношении физического и метафизического плана. В эпоху биотехнологий смерть определяется технологическим и естественным образом. Технологическая смерть может оказываться предшественником смерти естественной. Пролонгируя умирание, медицинские технологии создают прецедент удержания смерти за счет растягивания процесса умирания в условиях артефактного (машинного) существования. В таком случае сама смерть рассматривается как дар, поскольку процесс удержания, оттягивания смерти может стать невыносимой ношей для тех, кто подвергается мучительному процессу умирания (пациент) и кто становится соучастником данного процесса (врачи, родственники и т.д.).

Смерть утверждается (констатируется), а не просто наступает, не происходит с человеком, как с пассивно воспринимающим субъектом. Она вписана в рамки существующих научных конвенций и потому имеет легитим-

⁴² Controversies in the Determination of Death. The President's Council on Bioethics. Washington, 2008.

ный статус. Естественная смерть такого статуса не имеет. Легитимность «смерти мозга» означает ее признание в качестве реальности эквивалентной биологической смерти и закрепление результата этого признания в соответствующих нормативных актах. Естественная смерть не имеет легитимного характера, если только не понимать под легитимностью вынужденное, неоспариваемое молчаливое согласие со смертью как с правом самой природы распоряжаться одним из ее тел – человеческим телом. Напротив, легитимность технологического умирания и смерти – это попытка оспорить природный уровень легитимности, создать специфически человеческий проект смерти, проект, реализующийся в категориях контроля, удержания и дара смерти. Смерть как бы помещается обществом в ячейку, стены которой созданы не просто рамками закона, но и духом экспертного знания. Как отмечает П. Тищенко, «врач становится единственным легитимным “свидетелем” смерти. Остальные люди, умирая или сталкиваясь со смертью другого, при ней, однако, как бы не присутствуют»⁴³. Представление о том, что существует только один феномен смерти, подвергается эрозии неудачным использованием терминологии, за которым, однако, стоит гораздо более серьезный вопрос – об особом статусе смерти как смерти мозга. Реальность смерти мозга устраняет смерть как точечное событие, давая место осмыслению смерти как переходу, протяженности. Такого рода протяженность технологически детерминирована, однако она не устраняет возможности наступления точечного события. Смерть – переход от живого смертного (умирающего) организма к умершему, который хоть и является мертвым, тем не менее обладает физическими характеристиками живого орга-

⁴³ Тищенко П. Био-власть в эпоху биотехнологий. Режим доступа: http://polbu.ru/tischnko_bioauthority/ch16_all.html

низма⁴⁴. Подвергается сомнению прежний статус человеческого существа, на физическом уровне определяемый естественными координатами жизни и смерти. Одно из предложений, выдвигаемых в связи с появлением новой реальности смерти, заключает в себе идею адекватного именованя существ, пребывающих в устойчивом вегетативном состоянии. J. Lizza определяет их состояние как форму жизни, созданную медицинскими технологиями⁴⁵. В этом контексте рассуждений такие пациенты являют собой производную от применения медицинских технологий. Их статус оказывается в чем-то ниже машинного, и собственно машина (реанимационные технологии) рассматривается в качестве первоисточка их бытия. Ее роль, таким образом, не ограничивается поддержанием жизни. Она продуцирует новые формы жизни.

Если поднять на свет физиологический контекст диагноза смерти мозга, то оказывается невозможным отчетливое проведение тождества между остаточной клеточной активностью мозга и жизнью личности. Наличие остаточной активности мозговой ткани не является решающей в констатации того факта, что данный пациент умер. Вместе с тем функционирование отдельных клеток мозга может предполагать наличие редуцированной деятельности сознания, и тогда логичным является суждение о том, что данный пациент жив.

Анализ научных публикаций по проблеме смерти мозга позволяет выделить целый ряд имен пациентов, которым был поставлен данный диагноз. С каждым именем сопряжен ряд ценностных коннотаций. Каждое имя провоциру-

⁴⁴ Controversies in the Determination of Death. The President's Council on Bioethics. Washington, 2008.

⁴⁵ Lizza J.P. Potentiality, Irreversibility, and Death // J. Med. and Philos. 2005. Vol. 30, № 1. P. 45–64.

ет не только размышления об онтологическом статусе пациента, но прежде всего определяет его дальнейшую участь – пациентов могут рассматривать как мертвых (и тем самым лишая реанимационной поддержки или использовать тела в качестве источника органов других тел и т.д.) или же продолжать считать живыми, поддерживая их существование всеми возможными способами.

Пациенту с диагнозом смерти мозга в различных контекстах присваиваются различные имена:

1. Артефакт технологической поддержки⁴⁶.
2. Артефакт ИВЛ⁴⁷.
3. Овощ, растение⁴⁸.
4. Неоморт⁴⁹.
5. Источник органов⁵⁰.
6. Существо, форма жизни, созданная медицинскими технологиями⁵¹.
7. Интегративное единство телесности⁵².
8. Личность⁵³.

Наличие различных имен свидетельствует об отсутствии фиксированного значения у таких категорий, как

⁴⁶ Controversies in the Determination of Death. The President's Council on Bioethics. Washington, 2008.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Дискурсы о пациентах, пребывающих в вегетативном статусе.

⁴⁹ См.: *Курицмен Дж., Гордон Ф.* Да сгинет смерть! Победа над старением и продление человеческой жизни. М.: Мир, 1987; *Агам-бен Дж.* Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012.

⁵⁰ Дискурсы о трансплантации органов и тканей человека.

⁵¹ *Lizza J.P.* Potentiality, Irreversibility, and Death // *J. Med. and Philos.* 2005. Vol. 30, № 1. P. 45–64.

⁵² *Shewmon D.* The Brain and Somatic Integration: Insights Into the Standard Biological Rationale for Equating «Brain Death» With Death // *Journal of Medicine and Philosophy* 0360-5310/01/2605-457\$16.00 2001. Vol. 26, No. 5. P. 457–478.

⁵³ Там же.

жизнь и смерть. Само понятие «человек» является полисемичным. Он оказывается изменчивым знаком, за который вступают в борьбу различные поддискурсы. Из списка приведенных имен становится очевидно, что ряд поддискурсов о смерти мозга описывает человека в рамках персональной грамматики, ряд – как биомашину, функционирующую благодаря ИВЛ. Пациента также описывают как артефакт технологической поддержки, и в контексте этого описания его живое бытие рассматривается как побочный эффект запуска реанимационными технологиями биомашины – человеческого тела. Особый лингвистический акцент на том, что процедура констатации факта смерти проводится в условиях, когда основные функции организма поддерживаются искусственно, позволяет снизить потенциальный риск конфликтных ситуаций между врачами и родственниками пациента, полагающими, что если у человека бьется сердце, то он жив.

Определение человека в качестве «артефакта технологической поддержки», используемое в узкомедицинском контексте (по отношению к лицам в вегетативном состоянии), оказывается уместным для описания особой уязвимости человека перед лицом технологий. Современные технологии конструируют человека, проектируя возможное и желаемое человечество. И если на койке отделения интенсивной терапии имя «артефакт технологической поддержки» носит уничижительный оттенок в сопоставлении с именем «человек» и воспринимается в широком диапазоне реакций – от досадной помехи – до потенции оживить другого, то в общекультурном контексте прецедент существования таких пациентов усиливает убежденность современного человека в его фундаментальной зависимости от техники, оказывает влияние на восприятие самого себя в качестве сконструированной технологическим миром данности, объекта проектирования.

Использование персональной грамматики при описании пациентов со смертью мозга – достаточно редкое явление: на сегодняшний день диагноз смерти мозга обрел легитимность практически во всех странах мира. Вопрос о признании кого-то в качестве определенности, наделенной теми или иными характеристиками, которые могут позволить считать то или иное существо в качестве личности, всегда осложняется бесчисленным множеством определений личности. Они всегда специфицированы контекстом исследования: богословским, философским, медицинским, психологическим и многими другими. Личностью может считаться и душевно-телесная целостность, обладающая сознанием, и субъект как носитель души (духа), который должен постоянно превосходить свой физический статус в мире, чтобы обрести себя в качестве личности. С другой стороны, основанием личности могут стать такие онтологические характеристики, которые отсылают к чисто физическому срезу существования. Те характеристики, которые могут считаться доличностными или неличностными, в одних контекстах рассуждения оказываются значимыми для конституирования личности для других. Один из ведущих сторонников персональной грамматики в дискурсе о смерти мозга, американский невролог D. Shewmon, рассматривает личность в качестве субстрата изменяемых персональных характеристик, памяти, силы рассуждения и т.д. Это субстанциальный взгляд на личность. Основой личности полагается не столько моральная, сколько онтологическая реальность – то есть то сущее (телесное), с которого начинается человек. Физическая идентичность оценивается как определяющая для человека. Из биологической перспективы соматического интегративного единства, собственно тела, живой телесности утверждается жизнь личности, даже если ментальные функции личности парализованы мозговым лизисом, по-

скольку потенция для этих функций остается в организме, а не в органе.

Итак, с точки зрения D. Shewmon, смерть мозга не вызывает ни потери соматического интегративного единства, ни потери существенных человеческих черт, то есть потери потенции специфических человеческих функций, потенции на самом глубоком онтологическом уровне, на котором детерминировано появление (или отсутствие такового) субстанциального изменения. Что касается практических последствий, то данная дефиниция личности отрицает право общества на изъятие органов у индивидов, страдающих различными вариантами разрушения сознательной деятельности, а также смертью мозга, и признает их право на поддержку их жизни, расценивая прекращения реанимационных мер как преступление.

Таким образом, персональная грамматика в дискурсе о смерти мозга может быть основана на предпосылках, не соответствующих базовым предпосылкам, обозначенным у Р. Харре и являющимся наиболее распространенными и воспроизводимыми при описании личности. Как показано выше, личности пациента с диагностированной смертью мозга в концепции D. Shewmon не свойственна ни интенциональность, ни целеполагание, ни деятельность. Тем не менее, мы можем наделять такого пациента именем «персоны».

На принятые в большинстве стран мира критерии «полной» смерти мозга (прекращение всех функций мозга, включая ствол мозга) оказывает давление аргументация сторонников смерти высших областей головного мозга, в основе которой заложена презумпция, что индивидуальный поток сознания имеет свой материальный субстрат и при разрушении этого субстрата (мозговых полушарий и прежде всего коры головного мозга) жизнь личности (но не организма) становится невозможной.

Рассмотренные подходы к описанию пациента с диагностированной смертью мозга наводят на мысль о том, что выбор любого имени выглядит произвольным, является результатом конвенции. Вместе с тем эта произвольность не отменяет того обстоятельства, что использование того или иного имени (терминологии) влияет на определение онтологического статуса человека, признание его живым или мертвым.

Реанимационное пространство современной больницы является революционным не только в отношении возможностей, заложенных в нем для спасения человеческих жизней, оно является таковым еще и по той причине, что в нем реализуется новая аксиологическая (и биополитическая) программа современности, в основе которой порождение новых форм жизни, жизни на грани со смертью, жизни, которую легко спутать со смертью. И именно в этом отношении пространство больниц оказывается аналогичным пространству концентрационного лагеря: здесь политическая воля создает возможность конструирования и отбора живых существ, в том числе под конкретные прагматические задачи (они могут носить, например, евгенический характер, как в случае проведения массового пренатального генетического скрининга, так и обладать компенсаторными чертами, как в случае использования органов пациентов с диагнозом смерти мозга для восстановления здоровья).

Для прояснения этой мысли рассмотрю конкретный пример, являющийся классическим для современной биоэтики. Речь идет о Карен Куинлан. Вошедшая в историю биоэтики, находящаяся в запредельной коме пациентка Карен Куинлан является воплощением онтологического сдвига, который порожден развитием современных медицинских технологий. Ее тело, поддерживаемое автоматическими устройствами интенсивной терапии, больше не является тем природным объектом, который имел тесную

связь с личностью Карен Куинлан. Ее тело – это объект, порожденный технологиями, артефакт, онтология которого оказалась вписана не только в контекст достижений современной медицины, но не в меньшей мере также задана современными политическими реалиями. Что представляет собой тело Карен Куинлан?

Дж. Агамбен, описывая особый онтологический телесный статус Карен Куинлан, подчеркивает, что «это лишь анатомия в движении, совокупность функций, чьей целью больше не является жизнь организма. Ее жизнь поддерживается только вследствие техник реанимации и на основе правового решения; это уже не жизнь, а смерть в движении... тело Карен Куинлан, колеблющееся между жизнью и смертью в зависимости от прогресса медицины и принятия разных правовых решений, – это правовое бытие не в меньшей степени, чем бытие биологическое. Право, претендующее на решение о жизни, воплощается в жизнь, которая совпадает со смертью»⁵⁴.

Тело Карен Куинлан демонстрирует феномен голой жизни – жизни, которая одновременно является и личностной, и политической драмой. Описание ее состояния – состояния женщины, впавшей в глубокую кому, может быть приложимо как к пациентам со смертью мозга, так и к любым человеческим существам, у которых «гуманное» человеческое сообщество фиксирует отклонения от нормы, которые считаются несовместимыми с жизнью, точнее, не дающими права на тот вариант жизни, которым они обладают.

Биополитические стратегии, обнажающие феномен голой жизни, проявляются и на дискурсивном уровне по проблемам сознания, где в интеллектуальных дебатах все чаще возникает фигура «зомби». «Зомби» – это абстракт-

⁵⁴ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011.

ция, интеллектуальная конструкция, родившаяся в результате мысленных экспериментов, в основе которой лежит представление о существе, которое может иметь все признаки нормального человека, но не обладает сознательным опытом (квалиа) или ощущениями.

Он может имитировать некоторые признаки человеческого поведения, например, способность чувствовать боль, не обладая при этом внутренним опытом восприятия тех или иных проявлений человеческого. Например, когда речь идет о таком типе «зомби», как неврологический, подчеркивается, что он, имея человеческий мозг и будучи физически неотличим от человека, не обладает никаким сознательным опытом.

Использование фигуры «зомби» в современных дискуссиях по философии сознания показательны с точки зрения того, как современный человек мыслит самого себя и одновременно отгораживается от различных проявлений собственного я. Аргумент «зомби» обращен против физикализма, из которого выводится существование нефизического мира (мира сознания). В частности, выдвигается предположение, что сознание предполагает существование нефизических свойств, однако они не существуют в мире, представленном исключительно физическим измерением. В таком мире существа, населяющие его, лишь уподобляются человеческим существам, в действительности же они представляют мир зомби.

Например, Д. Чалмерс, проводя мысленный эксперимент о феноменах сознания, полагает существование мира, в котором физические факты оказываются аналогичны фактам реального мира, однако который испытывает определенный дефицит ментальности⁵⁵. Существа этого мира

⁵⁵ *Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*, New York and Oxford: Oxford University Press, 1996.

по внешним проявлениям подобны нам (они копируют наши действия), однако у них полностью отсутствует чувствительность и восприятие своих собственных действий: они могут кричать от боли, но при этом не чувствуют ее).

«Зомби» как некоторая абстракция обладает фундаментальным биологическим основанием: той самой голой жизнью, которая делает из узника концлагеря – мусульманина, а из пациента с диагнозом смерти мозга – неоморта. Феномен зомби сконструирован мышлением, лишенным ориентации на целостность, оставляющим от полноты человеческого существа некоторые экстракты, трагично замещающие самого человека, формирующие из него новый вид существ. Это вид таких существ, чьи жизни уподобляются «*homines sacri*, жизни, которую можно было уничтожить, не совершая убийства»⁵⁶. (под какими бы благовидными предложениями она не отбиралась – сохранения ли финансовых ресурсов здравоохранения для других категорий больных или на гуманном основании возможности prolongation жизни других людей.)

Период ожидания, когда происходит подтверждение диагноза смерти мозга, зачастую оказывается тем самым выделенным Дж. Агамбенем временным интервалом «между осуждением на смерть и исполнением приговора», внутри которого «человеческое тело утрачивает свой обычный политический статус и оказывается в ситуации исключения (чрезвычайного положения), где оно теперь ничем не защищено»⁵⁷. В этом интервале особенно четко представлена позиция врача, границы власти которого в хронотопе больницы отчасти совпадают с границами власти суверена, распоряжающегося правом на жизнь и на

⁵⁶ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011.

⁵⁷ Там же.

смерть. Врачу в этом хронотопе делегировано право обладать высшей властью по сравнению с той, которую мог бы себе позволить суверен. Фактически и суверен мог бы стать тем, на кого распространялась бы эта власть – власть интеллектуалов в области здравоохранения.

Императив «не умри» – «во всяком случае, умри не как угодно, а только с дозволения закона и медицины» (Ж. Бодрийяр⁵⁸) определяет характер отношения к смерти как к артефакту. Он создан, с одной стороны, особой технической средой, дающей возможность пролонгирования жизни, с другой – особым отношением экспертов в области констатации смерти (врачей и юристов), определяющих момент наступления смерти, факт смерти как таковой, занятых научным конструированием смерти.

Появление в интеллектуальных дебатах таких абстракций, как «зомби», является индикатором необходимости уточнения понятия сознания. Очень точным и важным в этом контексте рассуждений представляется высказывание Т. Метцингера, отметившего, что человечество находится на доисторической фазе развития, имея в виду не теоретическое знание и технологии, но феноменологическое знание и технологии. Фундаментальным вопросом является то, захотим ли мы использовать новое знание о природе сознания, чтобы изменить свое собственное мышление. Лучше быть кем-либо или быть никем? «У нас есть лучшие теории и лучшие компьютеры, почему мы не должны также иметь лучших феноменальных я?»⁵⁹. Что значит иметь лучшее феноменальное Я? Обращу внимание лишь на то, что огромной проблемой современности явля-

⁵⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

⁵⁹ Metzinger T. Being no one: the self-model theory of subjectivity. Massachusetts Institute of Technology, 2003.

ется проблема расширения человеческой идентичности, определения четких антропологических границ, а также границ между жизнью и смертью. Норма человеческого существа как рационального дееспособного субъекта, обладающего определенной степенью автономии, входит в острое противоречие с фактическим положением вещей, обусловленным историей развития биотехнологий, потенциал которых связан с созданием гибридов: не только гибридов человека и животного или человека и машины, но и существ, воплощающих в себе гибридные формы жизни и смерти.

Фигура пациента с диагнозом смерти мозга – неоморта вызывает ужас, она несет в себе монструозные черты: у неомортов легальный статус трупов и жизнь поддерживается в них лишь ради пересадок. Фигура зомби демонстрирует такой же устрашающий образ тел, необходимый для мысленных экспериментов относительно пересадок сознания (пока еще гипотетических). Фигуру зомби вполне можно считать продолжением и воплощением идеологии развития трансплантации – это также «пространство исключения, где голая жизнь предстает как таковая, впервые полностью контролируемая человеком и его технологиями»⁶⁰.

В этой связи следует обратить внимание на то, что история концепции смерти мозга и развития ее семантической составляющей скрывает мощный прагматический контекст. Чтобы его обозначить, кратко осветим последовательность событий, касающихся легитимации диагноза смерти мозга.

В 1959 г. французские неврологи P. Mollaret и M. Goujon впервые описали состояние 23 коматозных больных,

⁶⁰ Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011.

находящихся в глубокой коме, у которых не функционировал головной мозг. Новая форма комы была названа термином *coma dépassé* (запредельная кома).

В конце 60-х гг. в научном медицинском сообществе все больше утверждалась идея отождествления диагноза смерти мозга и смерти человека. В 1968 г. Гарвардский медицинский факультет создает специальную комиссию, целью которой стало комплексное исследование медицинских, правовых и философских аспектов проблемы смерти мозга (Ad Hoc Committee of the Harvard Medical School to Examine the Definition of Brain Death). Диагноз смерти мозга стал внедряться в клиническую практику именно с 1968 г., после публикации доклада Гарвардского медицинского факультета.

Стоит отметить, что P. Mollaret и M. Goulon использовали по отношению к запредельной коме понятие «платы». Состояние запредельной комы рассматривалось в качестве платы за использование технологий⁶¹. Однако семантика, которая, на первый взгляд, оказалась случайным образом связана с такой экономической характеристикой, на самом деле предстала как индикатор действительного положения вещей: диагноз смерти мозга имел отчетливую прагматическую составляющую: держать на реанимационных койках пациентов со смертью мозга было невыгодно, а легитимация диагноза обеспечивала расцвет (в том числе экономический) в сфере трансплантологии.

Запредельная кома как «форма жизни, имеющая место после прекращения всех жизненных функций» являлась порождением новых технологий реанимации. Она должна была подтверждаться целым рядом признаков. В 1968 г. Совет международных медицинских научных обществ ВОЗ (The Council for International Organizations of Medical

⁶¹ Там же.

Sciences WHO) выделил следующие критерии смерти мозга: 1) кома (отсутствие реакций на любые внешние раздражители); 2) отсутствие черепномозговых рефлексов и атония всех мышц (включая резкое расширение зрачков); 3) отсутствие самостоятельного дыхания (апноэ); 4) резкое снижение артериального давления (если оно не поддерживается искусственно); 5) изолиния на ЭЭГ, даже при стимуляции.

Смерть человека наступала в тот момент, когда с помощью специальных медицинских тестов была констатирована смерть всего мозга (включая ствол). При этом благодаря искусственной поддержке сам пациент продолжал дышать. Дыхание являлось своего рода препятствием для понимания логики смерти. Смерть предстала как многослойный процесс: соматическая смерть наступает вслед за смертью мозга, это событие может затягиваться (в среднем от нескольких дней до неопределенного количества времени)⁶². Наложение различных видов смерти вскрыло ее алогичность на фоне абсурдности смерти как таковой: «Логическая непоследовательность бросается в глаза: остановка сердца, только что отвергнутая как несостоятельный критерий смерти, выскакивает вновь – чтобы доказать точность того самого единственно надежного критерия, который был призван ее заменить»⁶³.

Логическая непоследовательность смерти, однако, таит в себе последовательность политическую, поскольку игра с категориями жизни и смерти, в которой происходят

⁶² Американский невролог Shewmon в связи с этим, основываясь на клинических данных из личного опыта наблюдений, предлагает ввести новое понятие «хронической смерти мозга» (См.: *Shewmon, D.A.* (1998). *Chronic «brain death»: Meta-analysis and conceptual consequences* // *Neurology*. 51; 1538–1545).

⁶³ *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011.

наложение этих понятий, их смещение и фактически ликвидация – является уделом современной биополитики: «сегодня жизнь и смерть являются не собственно научными понятиями, но понятиями политическими, которые в силу своей политической природы приобретают точное значение лишь в результате специального решения»⁶⁴.

В современном мире процесс умирания конструируется и контролируется в соответствии с социально-экономическими задачами, стоящими перед обществом. Общество способно как преподносить дар смерти, так и отбирать его. Процесс конструирования восприятия смерти сопряжен с выстраиванием деонтологии умирания, с характерным для нее представлением о должном способе умирания, соответствующем парадигме смерти, разделяемой сообществом. Повсеместно разделяемая парадигма смерти сконструирована таким образом, чтобы сама смерть была подключена к закону воспроизводства человеческих ресурсов. На примере диагноза смерти мозга очевидно, что контроль умирания характеризуется прагматическим эффектом (возможностью продлить жизнь другому за счет умирающего). Смерть приобретает признаки инструментальности при дополнении ее смысла коннотациями, продуцируемыми практиками трансплантологии. Она экономически эффективна и одновременно включена в структуру дара (донорства) и обмена социальными благами. Смерть становится даром со стороны сообщества и при рассмотрении таких практик, как эвтаназия или аборт. В отношении первой фиксируется право на выбор формы собственной смерти, основанием которого является распоряжение собственным телом. В отношении второй практики (аборта) распоряжение собственным телом трансgressирует в акт распоряжения телом Другого, который видится инородным

⁶⁴ Там же.

элементом собственного тела, Чужим, представляющим угрозу.

Современное представление о естественной смерти оказывается эквивалентно представлению о смерти как объекте научного контроля: сформированные медико-биологическими науками законы умирания и критерии констатации смерти воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Бессмысленность смерти и ее иррациональность подлежат осмыслению в различных формах творчества и также подлежат «освоению». Смерть как схваченная и освоенная эстетическим взглядом данность является плодом схватывания, осуществляемого наукой, порождающего мир абстракций, по сути, мир мертвых объектов. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «“реальность” науки и техники – это опять-таки реальность разделения живого и мертвого. В эту разобщенность вписывается и сама целевая установка науки как влечения к смерти (желания знать): в этом плане объекты бывают только мертвыми, то есть водворенными в инертно-безразличную объективность, как были в нее водворены прежде всего смерть и мертвые»⁶⁵. Человек умирающий (речь идет прежде всего о пациентах с диагнозом смерти мозга) также оказывается в тисках научного процесса абстрагирования, в результате которого у него отторгается его имя – «человек» и происходит приписывание ряда других имен: неоморта, растения, артефакта технологической поддержки, определяющих его онтологический статус по аналогии со статусом либо ненужного мертвого объекта, либо по аналогии с природным артефактом, представляющим ценность для общества.

Статус человека как мертвого объекта определяется его неспособностью свидетельствовать в пользу собственного

⁶⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 243.

бытия. Жизнь, поддерживаемая с помощью искусственных мер, заставляющая тело дышать, а сердце биться при наличии необратимости прекращения всех функций головного мозга в рамках утвердившейся современной научной конвенции не свидетельствует о жизни, достойной того, чтобы она продолжала длиться. Коммуникативное понимание смерти (как отсутствие открытости миру и людям, вызванное биологическим состоянием умирающего – пациента со смертью мозга) является одним из аспектов современного научного конструирования смерти⁶⁶, между тем, оно игнорирует символический, аксиологический характер смерти⁶⁷, связанный с мировоззрением не столько научного сообщества, сколько с представлениями конкретной социальной общности (семьи, религиозной общины и т.д.), разделяющей событие смерти, а также с отношением к научной интерпретации смерти со стороны самого субъекта. Лишь в случае возможности забора органов у умершего символический характер смерти может проявиться в форме дара (донорства) – идеи, обеспечивающей одну из форм идентичности социальной общности.

Таким образом, «естественная смерть», вписанная в строй законов науки и права, игнорирует публичный характер

⁶⁶Так, в докладе Президентского совета по биоэтике США были обозначены базовые модальности человеческого бытия: открытость миру, то есть восприимчивость к стимулам и сигналам из окружающей среды, способность оказывать влияние на мир с целью удовлетворения собственных потребностей, базовой способности ощущения, дающей возможность организму действовать так, как он должен действовать и получать то, в чем он нуждается, и что его открытость делает возможным. Непроявленность этих модальностей (в отношении пациента с диагнозом смерти мозга) означает смерть (см.: *Controversies in the Determination of Death. The President's Council on Bioethics. Washington. 2008*).

⁶⁷ *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.*

смерти, смерть вытесняется за пределы социального мира, она констатируется, и ее причины выявляются в особых пространствах: медицинских учреждениях и лабораториях. Вместе с тем смерть оказывается отделенной и от самого субъекта: его статус как живого или мертвого, а по сути, человека или нечеловека, также оказывается задан внешним образом, задан научной парадигмой. И он сам становится таким образом артефактом, порожденным научно-исследовательскими практиками, реанимационными технологиями и социокультурными факторами (донор как артефакт), инструментализующими его тело в целях как пролонгирования жизни, так и ее прекращения. Человек как артефакт отражает формы социальной жизни, ее этос (в частности, этос отношения к смерти и умиранию), но в равной степени и слабость самого субъекта перед этосом науки и ее властью.

2.6. «Голая» жизнь и «клеточная идентичность»: биологические «следы» человека как личности. Казус клеток HeLa

Манипуляции с генами дарят завораживающую перспективу резкого увеличения продолжительности жизни. Возникающая в этой связи возможность изменения характеристик человека, а также развитие пренатальной диагностики, с ее неоевгеническим потенциалом контроля коллективного тела через отбраковку несовершенных генетических профилей, а также персонализированной медицины, несущей возможности создания лекарств под индивидуальный генетический профиль⁶⁸ и другие тенденции являются свидетельством

⁶⁸ Подробнее см.: *Тищенко П.Д.* Биовласть: эвристическое пространство концепта в антропологии // *Этнографическое обозрение*, 2013. № 6. С. 102–108.

активного вторжения на территорию природы человека, из которой конструируется плацдарм для реализации «прекрасных» чаяний человека о вечной и благой жизни.

Один из прецедентов конструирования рассматриваемой выше «голой» жизни связан с обретением клеточного бессмертия, проблемой «клеточной идентичности» человека. Выше уже упоминалось о значимости биобанков в конструировании идентичности человека, в создании новых антропологических образов, способов репрезентации, которые требуют создания адекватных механизмов защиты от манипуляций, оскорбляющих стоящего за ними субъекта: медицинская информация об индивиде, сопровождающая его при жизни и оставляющая о нем след после смерти, характеризует посмертное человеческое бытие как оцифрованное, запротоколированное, внесенное в регистры. «Мертвое тело тела генетического не ускользает, чтобы быть замененным чистой симуляцией или абстрактной информацией; скорее, генетическое тело учитывается на всех его (молекулярных) поверхностях, через технические практики биоинформационной науки, а также связи между телом и генетическим профилем»⁶⁹.

Связь между телом живого существа и его генетическим профилем приобретает особое значение в эпоху развития биотехнологий и становится предметом осмысления в формирующихся конфигурациях этического самопонимания. Речь идет об усилении внимания не только к манипуляциям тканями человеческого тела, его генетическим материалом, но не в меньшей степени к манипуляциям, которые происходят с образом человека.

Долгое время корпус знания о человеке и его теле выстраивался с учетом исходной неравновесности физиче-

⁶⁹ *Thacker, E. Database/Body: Bioinformatics, Biopolitics, and Totally Connected Media Systems. Switch 5:3. Режим доступа: <http://switch.sjsu.edu/web/v5n3/E-1.html>.*

ского (телесного) и духовного (душевного) полюсов. Отсутствие возможности четкой констатации и фиксации душевного (как вечного, нетленного) и телесного (как уязвимого, подверженного порче) на онтологическом уровне, тем не менее, не мешало активному развитию своего рода методологической установки разбиения человека на душу и тело на уровне жизненных практик и теоретической рефлексии.

Так, бинарные оппозиции (души–тела, верха–низа) также стали исходными предпосылками средневекового религиозного мировоззрения и связанной с ним морали. Этика в рамках развитых религиозных схем мышления интересуется не столько феноменом телесности самим по себе, сколько рассматривает его в аспекте отношения к вечности, к спасению, постулируя отсутствие детерминации морали со стороны эмпирии тела. В то же время тело фигурирует то как пассивный материал, инструмент для действия человеческого духа, то как неотъемлемая характеристика человеческого существования, без которой невозможно представить полноту человеческого бытия, преображение и воскресение человека.

В Новое время инструментальное отношение к человеческому телу приобретает внесакральный характер. Основные черты телесного «канона», выявляемые в эпоху Нового времени, с одной стороны, указывают на тело как отторгаемый, презираемый материальный объект, который обретает свою значимость лишь в связи с ответственной целеполагающей деятельностью разума, с другой, придают ему ценность, рассматривая его как неотъемлемую составляющую человеческого достоинства.

Развитие инструментального отношения к своему телу как неотъемлемая характеристика новоевропейского понимания автономии человека являет собой одновременно и акт освоения (и присвоения) субъектом своей телесно-

сти, и акт «освоения» тела в различного рода социальных практиках. Особым модусом этого освоения является приписывание телу характеристик деперсонифицированного товара.

Последовательный либерализм, рассматривающий тело как индивидуальную ценность и отстаивающий право свободного распоряжения им, предоставляет человеку возможность инструментализировать и коммодифицировать его разными способами, придавая ему товарную цену, но одновременно дисконтируя в качестве моральной ценности. Современный этап развития научного знания во многом способствует углублению противоречия между ценой и ценностью человеческого тела. Свободный обмен результатами исследований становится вторичным по отношению к частным интересам. Ученый, находясь в ожидании прибыли от внедрения инноваций, может быть не заинтересован в следовании нормам традиционной морали и ригористическим требованиям этики науки и зачастую обходит их, отдавая предпочтение законам рынка. Именно по этой причине периодически возникают скандалы, связанные с поиском источников тех или иных биоматериалов, органов и тканей человека.

Процесс коммодификации органично вписывается в общекультурный проект конструирования человека и его биотехнологического улучшения. Естественная данность человеческого тела и полученных из него биоматериалов превращается в артефакты, биологические образцы, продукты знания и технологий, в вещи, которые можно продать и распространить на рынке. Современная наука интенционально превращает человеческую телесность в артефакт, конструирует из естественного – технологическое. В технологической перспективе человеческая природа становится лабильной: ее презентуют, модифицируют, очищают, улучшают в различных вариациях, репрезен-

тируя биологические субстанции и части человеческого тела – то как объект исследования, то как патент, то как высоколиквидный товар. Всевозможные результаты биотехнологического конструирования требуют создания соответствующей социальной среды, где они могут быть легализованы, «одомашнены».

Х. Новотны и Дж. Теста полагают, что: «есть вещи, которые человек дарит, другие – продает, а есть вещи, которые нельзя ни продать, ни подарить, но лишь сохранить, чтобы передать в дар. Это одна из причин, по которой, согласно французскому антропологу М. Godelier, в рыночно ориентированных сообществах необходимо спросить, какая из вещей (или какое из социальных отношений) должны оставаться вне рынка. Это понятные идеи и принципы. Но сейчас на рынок устремляются другие “вещи”. Необходимы законы для установления должного места в обществе для эмбрионов, химер и других гибридных сущностей, генов и геномных последовательностей, а также процессов, в которых эти “вещи” преобразуются или заново создаются и производятся. Биологические сущности должны быть трансформированы в юридические, одомашненные сущности... Необходима регуляция социальных отношений, которые ранее не существовали»⁷⁰.

Телесная идентичность человека, представленная в биоматериалах или в виртуализированных аналогах, наполняющих цифровые базы данных, является неотъемлемым свидетельством востребованности в эпоху развития геномики, биоинформатики, телемедицины и других областей знания феномена «голой жизни». Базы данных тесно связаны между собой и образуют сеть «голых» цифровых репрезентаций человеческих тел, которые напроць лишены

⁷⁰ *Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 68.*

качеств живого, чувствующего индивида, но и биоматериалы зачастую оказываются не более живыми, будучи также лишены персонализации и представляя в сознании ученого всего лишь как объект для исследования, материал для патентования и получения прибыли.

Вместе с тем традиционное самопонимание человека как телесно воплощенной личности продолжает оказывать серьезное влияние и на научное сообщество, и на общество в целом. В результате возникает порождающее социальные конфликты напряжение между двумя полюсами самоидентификации современного человека: быть телом (воплощенной личностью) и обладать телом как предметом. Тело, выражаясь языком Б. Латура⁷¹, становится «объектом», т.е. «возражающим» актором, зачинщиком конфликтов, в процессе разрешения которых происходит коэволюционное преобразование социальных структур и статуса тела как предмета научного исследования.

Ниже мной будет проведено философское исследование (case study) трех конкретных казусов, связанных с коммерциализацией биоматериалов человеческой природы. В их последовательном представлении отслежены две дополняющие друг друга встречные тенденции. Во-первых, происходит пошаговая легитимизация и легализация тела и его частей в качестве товаров. Во-вторых, в тех же правовых и этических дебатах происходит своеобразное «возвращение» человеку его отчужденного тела, которое выражается в установлении процедур, призванных обеспечить защиту его личностной воплощенности. Как отмечают Х. Новотны и Дж. Теста, «биология с ее редукционистским подходом, разрывает отношение между целым и ча-

⁷¹ *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2003. № 3. С. 20–39. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/latour/whenthings.html>.

стями, но закон должен их реставрировать...»⁷² Сопряжение этих, казалось бы, исключających друг друга тенденций, оказывается возможным благодаря установлению (социальному конструированию) границы между телом как «фактом» и телом как «артефактом», а также конструированию социально выработанных правил, задающих понимание отличия между телом как товаром и телом как ценностью, собственностью, на которую направлен модус защиты гражданских свобод.

2.6.1. О клетках HeLa

Чернокожая пациентка Генриетта Лакс, страдающая тяжелой формой рака шейки матки, внесла огромный вклад в историю развития клеточных технологий. Ее история болезни – история страдающей от рака шейки матки пациентки – могла бы так и остаться незамеченной, если бы не случайное стечение обстоятельств: взятые в результате биопсии раковые клетки Генриетты Лакс стали использоваться в научных (и в коммерческих) целях. Следует сразу же отметить, что на это не было получено согласия ни Генриетты, ни ее родственников, что и стало в дальнейшем предметом моральной озабоченности и прецедентом для формирования этико-правовой регуляции в сфере использования органов, тканей человека и его жизнеспособных человеческих клеток.

Именно Генриетте суждено было стать донором клеточной линии HeLa, первой линии человеческих клеток, культивируемой в лаборатории. Линии бессмертных клеток.

Каким образом использовались клетки HeLa? И почему именно они оказались востребованы во многих лаборато-

⁷² *Nowotny, H., Testa, G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 68.*

риях мира? Неприхотливость клеток HeLa (для их роста им не требовалась стеклянная поверхность, они могли расти, плавая в культуральной среде, делились чрезвычайно быстро и увеличивались в объеме с огромной скоростью) обеспечивала их уникальность для производства клеточных линий. Так, при разработке вакцины от полиомиелита во время эпидемии этого заболевания клетки Генриетты Лакс оказались уникальными: при невысоких затратах они могли выращиваться в таких огромных объемах, которые были необходимы для создания вакцины. Впоследствии именно клетки HeLa помогли заложить основы вирусологии и использовались для разработки методов заморозки клеток: «Ученые резали клетки HeLa пополам и доказали, что клетки способны жить после удаления ядра, они использовали их для разработки методов впрыскивания веществ в клетку, не убивая ее. HeLa использовали, чтобы понять, как влияют стероиды, лекарственная химиотерапия, гормоны, витамины и экологический стресс; их заражали туберкулезом, сальмонеллами и бактериями, вызывающими вагинит»⁷³.

Исследования на HeLa предопределили развитие целого ряда направлений, среди которых технологии клонирования и выделения стволовых клеток, экстракорпоральное (in vitro) оплодотворение и др.⁷⁴

С момента появления первых исследований на клетках HeLa каждое десятилетие представляло собой новый виток в исследовании HeLa, с которым были связаны определенные чаяния. Если в 50-е гг. HeLa использовались для поисков вакцины от полиемелита, способной остановить эпидемию, то в 1980-е гг. на клетках HeLa проводились

⁷³ Скютт Р. Бессмертная жизнь Генриетты Лакс. М.: Карьера Пресс, 2012. 383 с.

⁷⁴ Там же.

исследования, необходимые для понимания природы ВИЧ, надеясь предотвратить эпидемию СПИДА.

Процесс использования клеток Генриетты Лакс оказался наполнен коннотациями с чрезвычайно широким семантическим диапазоном – от отношения к HeLa как к воплощению торжества гуманизма до признания того обстоятельства, что их широкое использование, (обремененное тем обстоятельством, что Генриетта Лакс была чернокожей женщиной) в научных и коммерческих целях без получения согласия и с ее стороны, и со стороны членов ее семьи и без моральной и материальной компенсации этого шага является свидетельством социальной дискриминации.

Проекция идентичности Генриетты Лакс на клеточный уровень стала одной из проекций ее телесной биографии, представляющей историю развития невыносимого страдания и боли, личную историю болезни и, как ни странно, личную историю обретения бессмертия. Это отражено в высказываниях членов семьи Генриетты Лакс, отражающих, на мой взгляд, возможность существования чрезвычайно широкого спектра коннотаций, связанных с восприятием такого варианта «голой» жизни, как клеточная репрезентация индивида. Высказывания членов семьи Генриетты Лакс относительно ее участи показывают, что ее клетки воспринимаются как пусть и редуцированная, но форма жизни и даже более того – как форма жизни, претендующая занять персональный уровень человеческого бытия. Именно поэтому, как будет продемонстрировано ниже, недопустимо ее смешивание с мышами. Именно поэтому для дочери Генриетты Лакс Деборы клетки – это продолжение ее матери, более того, это и есть сама мать.

Обращу внимание на ее слова, направленные к автору повествования о судьбе Генриетты Лакс, Ребекке Склут:

1) «Я собираюсь завести веб-страничку о своей матери и надеюсь, получу какие-нибудь пожертвования и взносы,

чтобы вернуться сюда и поставить памятник на ее могиле, и превратить тот старый дом-пристройку в музей, который будет напоминать людям о моей матери».

«Что ты там поставишь?» – переспросила Глэдис так, как будто Дебора была сумасшедшей.

«Клетки, – ответила Дебора, – чтобы люди могли видеть, как она размножается».

2) «Поверишь ли, они даже заразили ее вирусом СПИДа и вкалывали ее обезьянам!»

В этих репликах очевидно тождество, которое проводят близкие люди Генриетты между клетками ее тела и ее личностью. Любые оскорбительные манипуляции с клетками воспринимаются как не просто пренебрежение памятью о личности, но непосредственное оскорбление личности. Однако, что интересно, неограниченное клеточное деление, о котором идет речь во втором высказывании, даже, несмотря на то что речь идет о делении раковых клеток, воспринимается позитивно, отчетливо прослеживается аналогия с плодовитостью женщины: деление клеток рассматривается как символ женской сущности и одновременно символ потенциального бессмертия через возможность продлить собственное существование в этом процессе.

Биотехнологическая история Генриетты Лакс, подвергаясь самым немислимим интерпретациям: и сугубо научным, и социальным, оказалась вписана и в теологический контекст. В обсуждение проблемы бессмертия клеток HeLa проникли коннотации о бессмертии души. Именно такую связь установили между HeLa и бессмертной личностью Генриетты Лакс ее близкие люди. Ребекка Склут отмечает: «Когда несколько дней назад Кристоф показывал на мониторе у себя в лаборатории клетки Генриетты, Дебора сказала: “Они прекрасны”. И была права. Прекрасные и не от мира сего – светящиеся зеленым светом и движущиеся как

вода, спокойные и изысканные, выглядящие в точности так, как могли бы выглядеть неземные тела. Они даже могут летать по воздуху»⁷⁵.

Особенности поведения клеток HeLa («они росли и выживали на протяжении десятилетий после ее смерти, несомненно, они летали по воздуху; и, несомненно, они приносили избавление от болезней и были запущены в космос») предоставили повод близким Генриетты Лакс усмотреть в ее клетках ангелоподобную природу, и соотнести бессмертие клеток с ее воскрешением. Клетки – это и есть Генриетта. И она бессмертна: «Генриетта была избрана, – прошептал Гэри. – А когда Господь избирает ангела для своих дел, никогда не знаешь, в каком обличье он придет»⁷⁶.

Это объяснение оказалось более убедительным, чем любые другие научные объяснения, которые настаивали на том, что «бессмертие клеток Генриетты каким-то образом связано с теломерами и с тем, как вирус папилломы человека взаимодействовал с ее ДНК»⁷⁷.

Интересным представляется то, что исследование ВИЧ на клетках HeLa (осуществленное молекулярным биологом Ричардом Акселем) вызвало реакцию противников проектов конструирования человека, которые усмотрели в подобных исследованиях перспективу генетического дизайна человека: «Исследование Акселя привлекло внимание Джереми Рифкина – писателя и активиста, усердного участника нарастающих общественных дебатов о том, следует ли ученым изменять ДНК. Рифкин и многие другие считали, что любые действия с ДНК опасны – даже в контролируемых лабораторных условиях, – ибо могут приве-

⁷⁵ Там же. С. 308.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 309.

сти к генетическим мутациям и способствовать появлению “спроектированных детей”⁷⁸. Рифкин пытался положить этому конец и инициировал регулярные судебные процессы.

Следует подчеркнуть, что концепт «голой» жизни оформляется на уровне рефлексии о мертвом теле. «Голая» жизнь отражает феномен конструирования смерти на грани с жизнью. В этой связи особый акцент следует сделать на этическом статусе мертвого тела и клеточной репрезентации личности как мертвого тела-на грани-с жизнью.

Казус Генриетты Лакс демонстрирует, что использование ее клеток с различными целями оказалось сопряжено с угрозой личностному достоинству, порождением фантомных образов, оскорбляющих личность (например, образа человеко-мыши), вызывающих негативные эмоциональные реакции, например отвращение.

Следует заметить, что огромное беспокойство у родственников вызвал прецедент загрузки генома Генриетты Лакс. Сравнительно недавно ученые Европейской молекулярной биологической лаборатории опубликовали геном линии клеток HeLa, сделав его доступным для скачивания в Интернете. Аналогичный случай касался исследования, проведенного в Университете Вашингтона для публикации в журнале Nature, по заказу Национального института здоровья. Согласие семьи Лакс в обоих случаях получено не было. Спустя какое-то время после протеста родственников Генриетты Лакс европейские исследователи отозвали свои публичные данные и публикация Университета Вашингтона также была запрещена. В конце концов, в результате переговоров семья Лакс и Национальный институт здоровья достигли согласия: данные обоих исследований должны быть размещены в институтских базах данных

⁷⁸ Там же. С. 226.

о генотипах и фенотипах. Исследователи, которые хотят использовать данные, обязаны подать заявку на предоставление доступа и подготовить годовой отчет о проведенном исследовании. В состав рабочей группы по доступу к данным о геноме HeLa вошли два члена семьи Лакс.

Это продолжение истории использования данных, связанных с именем Генриетты Лакс, демонстрирует, как уязвима перед лицом информационных и био-технологий человеческая идентичность. При секвенировании генома Генриетты Лакс возникала опасность раскрытия персональной идентичности ее потомков. Раскрытие глубинного основания ее телесности, скрытого в геноме и составляющего часть ее личности, одновременно представило вероятность манипуляции данными генома ее родственников, нежелательного раскрытия информации об их личности.

2.6.2. Казус Джона Мура⁷⁹

В 1976 г. Дж. Муру (John Moore) в связи с заболеванием рекомендуют удалить селезенку. Дж. Мур подписал письменное согласие на это, и хирурги ее удалили. Вслед за этим доктор Дэвид Голд (David W. Golde) и его ассистенты извлекают ткани из удаленной селезенки, признав их значимость для исследований по разработке возможных методов лечения рака. В течение трех лет они создают линию клеток, извлеченных из Т-лимфоцитов Мура. В 1984 г. Д. Голду был предоставлен патент США на клеточную линию, с которой он начинает получать огромные доходы

⁷⁹ Казус представлен по материалам: *Scloot, Rebecca*. Taking the Least of You // New York Times. Published: April 16, 2006. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2006/04/16/magazine/16tissue.html?pagewanted=all&_r=0 и по: *Moore, J.* Plaintiff and Appellant, v. the Regents of the University of California. 793 P. 2d 479 at 490 (Cal. 1990). Режим доступа: <http://www.kentlaw.edu/perritt/courses/property/moore-v-regents-excerpts2.htm>.

благодаря коммерческим соглашениям с двумя биотехнологическими фирмами. Случайно узнав о патенте, Дж. Мур подает в суд, претендуя на право собственности на патент, а также финансовую компенсацию от доктора Голда за нарушение своих профессиональных обязанностей. При рассмотрении Верховный Суд Калифорнии отклонил иск Дж. Мура относительно права собственности на патент, заявив, что Дж. Мур не был одним из изобретателей. Также он пришел к выводу, что пациент не мог считать своей собственностью выброшенные ткани тела. Здесь суд апеллировал к тому, что, как только ткани тела покидают тело человека, они перестают быть его собственностью. После нескольких судебных процессов Верховный Суд Калифорнии признал, что д-р Голд должен был раскрыть свой финансовый интерес в отношении тканей Дж. Мура. Суд также признал отсутствие должного регулирования в отношении информированного согласия и собственности и призвал законодателей исправить проблему. Но это не изменило решения суда. Суд заявил, что решение в пользу Дж. Мура может уничтожить экономический стимул для проведения важных медицинских исследований. Судей обеспокоило, что предоставление пациентам права собственности могло бы «помешать исследованиям, ограничив доступ к необходимому сырью» и создало правовое поле, где «с каждым образцом клетки исследователь покупал бы билет для участия в судебных процессах»⁸⁰. Дж. Мур подал иск в Верховный Суд США, но он был отклонен.

После нескольких рассмотрений иска в судах различного уровня и юрисдикции Верховный Суд США постановил, что Дж. Мур не может считаться изобретателем и не

⁸⁰ *Moore, J. Plaintiff and Appellant, v. the Regents of the University of California.* 793 P.2d 479 at 490 (Cal. 1990). Режим доступа: <http://www.kentlaw.edu/peritt/courses/property/moore-v-regents-excerpts2.htm>.

имеет прав на патент Дэвида Голда. Ткани, извлеченные из тела человека, не могут считаться его собственностью. Признание прав Мура могло бы ограничить доступность полезных для всего общества ресурсов и создать прецедент для возможности судебных исков против ученых. Одновременно было отмечено, что Д. Голд должен был раскрыть Муру свой финансовый интерес в отношении последующего коммерческого использования его тканей и получить для этого информированное согласие. Была также отмечена необходимость разработки законодательства, обеспечивающего право собственности в этой области и защищающие право потенциальных доноров биоматериалов в отношении возможностей контролировать судьбу предоставленных ими частей своего тела.

В эпистемологическом отношении казус Дж. Мура проблематизировал проблему артефакта, патентное право исключало возможность патентования природных объектов, однако данный прецедент поставил ученых перед проблемой поиска прозрачных и убедительных критериев демаркации искусственного и естественного.

Так же как и в казусе Г. Лакс, модус отношений между Дж. Муром и наукой в этико-социальном плане представил последнюю как институт, не интересующийся благом отдельного индивида (на это указывают инструментализация и коммодификация его телесности). Социальная миссия науки направлена на решение глобальных проблем в ущерб интересам отдельно взятого индивида. Ее реализация связывается со стимуляцией тенденции коммерциализации научно-исследовательской деятельности.

Воспользуюсь мнением П.Д. Тищенко, отметившим в статье, посвященной коммерциализации фундаментальной науки, что с конца 70-х в сфере молекулярно-генетических исследований «разворачивается многоплановая, болезненная для сторонников классических научных цен-

ностей переструктуризация форм производства фундаментальных научных знаний»⁸¹. Этот процесс особенно отчетливо проявился в отношении патентования генов. В 1992 г. в связи с принципиальным несогласием с практикой патентования генов и других биологических объектов Джеймс Уотсон покидает пост руководителя проекта «Геном человека».

Современная, ориентированная на коммерциализацию наука использует в своей деятельности различные социальные технологии. Немаловажную роль среди них играет патентование как экономический стимул для деятельности ученого, который больше не хочет играть в «чистую» науку. Современная наука, используя личный эгоистический, экономически выраженный интерес ученого, стремится к достижению общественного блага. И, возвращаясь к делу Дж. Мура, подчеркну, что именно этот лейтмотив прозвучал в обосновании судебного решения: решение в пользу Дж. Мура может «уничтожить экономический стимул для проведения важных медицинских исследований»⁸².

Вместе с тем казус Мура, несмотря на сходство, имеет существенное отличие от казуса Лакс. Перед нами уже не просто бесправный донор биоматериалов, а субъект, отстаивающий свои права в суде. И если претензия на имущественные права Мура не удовлетворена, то указано на нарушение его прав на распоряжение своим телом и его частями. Поэтому нельзя обойти вниманием противоречивый контекст развития современной науки с характерной

⁸¹ Тищенко П.Д. Коммерциализация фундаментальной науки – инновационные социальные технологии // Человек. 2014. № 6. С. 112.

⁸² *Moore, J. Plaintiff and Appellant, v. the Regents of the University of California.* 793 P.2d 479 at 490 (Cal. 1990). Режим доступа: <http://www.kentlaw.edu/perritt/courses/property/moore-v-regents-excerpts2.htm>.

для него антагонистичностью различных социальных технологий. Развившемуся тренду патентования биологических объектов, противостоят выработанные технологии защиты прав индивида перед машиной коммерциализированного научного знания, которые были недоступны во времена «чистой науки».

Так, развитие биомедицинских технологий уже более 40 лет сопровождается созданием своеобразной идейной «надстройки» – биоэтики – комплекса взглядов, ценностей, целей, отражающих рефлексию над социальными аспектами развития биотехнологий, их антропологическими рисками, задающего теоретические основания для защиты прав индивида. Но и тут в практической своей реализации защита прав индивида нередко также пронизана всеми оттенками товарно-денежных отношений. Коммерциализация выступает глобальным трендом, размещающим в одной этической плоскости и оппонентов, и пропонентов различных социальных процессов и технологий.

Прецедент Дж. Мура оказался решающим для построения американской стратегии этического реагирования и формирования четкой законодательной политики в области биотехнологических исследований с использованием человеческих биоматериалов. В 1995 г. был создан Национальный консультативный совет по биоэтике с целью дать рекомендации по регулированию в данной сфере. Кроме того, изменились формы получения информированного согласия у пациентов: некоторые больницы стали включать в листы информированного согласия пункты о том, что ткани пациентов могут быть использованы в научных исследованиях. Случай Мура позволил, таким образом, выстроить систему защиты ученых (ученых как экономических субъектов) от посягательств отдельного индивида и обозначить общественные технократические и экономические приоритеты, но в равной степени дал воз-

возможность индивиду отойти от идентификации себя с неспособным возражать чистым объектом науки.

Ребекка Склут, опираясь на интервью с директором Института науки, права и технологии в Иллинойсовском институте технологии, экспертом в области защиты прав на ткани и генетическую информацию Лоури Эндрюзом (Lori Andrews), обращает внимание на обратную сторону коммерциализации науки, придающую решению в деле Мура оттенок преступления перед обществом, лишаящего его членов права на защиту их естественно данной собственности, с одной стороны, и тормозящего развитие науки, с другой. «Это смешно... – говорит он. Беспокойство суда Мура проявлялось в том, что, если вы предоставили лицу права собственности на его ткани, это замедлит исследования, потому что люди могут удерживать доступ к ним из-за денег. Регулирование... лишь вывело пациентов за скобки и ободрило ученых коммерциализировать ткани в возрастающем объеме»⁸³.

Казус Дж. Мура был порожден мировоззренческим противоречием между представлением о теле как личной *ценности* и телом как товаром, объектом конструирования, имеющим рыночную *цену*.

Человеческое тело выступает и как первооснова личности, и как орудие и средство для реализации личной свободы. Тем самым человек оказывается в ситуации экзистенциального выбора между неотчуждаемостью телесности (и, следовательно, невозможности ее использования в коммерческих целях) и обеспеченной правом возможности его коммодификации. В этом экзистенциальном выборе отображаются глобальные противоречия между миром

⁸³ *Scloot, Rebecca*. Taking the Least of You // New York Times. Published: April 16, 2006. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2006/04/16/magazine/16tissue.html?pagewanted=all&_r=0.

людей и миром вещей, миром познающих субъектов и людей как объектов познания, между миром творческих конструирующих субъектов и теми, кто оказывается объектами этого конструирования⁸⁴. Тем самым человек сам себе оказывается противопоставлен как моральная ценность и как человек, биологические репрезентации которого можно оценить и выставить на продажу.

Развитие биотехнологий удваивает физический план человеческого бытия: человек, будучи смертным существом, становясь объектом их приложения, существенно продлевает определенные аспекты своего физического существования и даже становится потенциально бессмертным, пополняя биобанки, становясь основателем клеточных линий либо всего лишь присутствуя в теле другого человека в виде органа своего, уже мертвого тела, являясь абстракцией, моделью, созданной средствами науки и ее прикладной мощью. Однако это бессмертие достигается путем овеществления человеческой идентичности: биотехнологии, конструируя из человеческого тела объекты исследования, конструируют артефакты, вещи, которыми можно манипулировать не только (а зачастую – и не столько) в целях науки или человека, сколько в финансовых интересах.

2.6.3. «Человек-на-чипе»: идеальная модель человека как испытуемого

«Клеточная» история Генриетты Лакс имела огромный научный резонанс: начиная с 1950 г., было опубликовано более 65 тысяч научных работ, описывающих разнообразные физиологические и биохимические исследования с применением клеток HeLa. Раковые линии клеток до сих

⁸⁴ *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование искусственного–естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.

пор еще очень важны для исследований в современных биочипах, моделирующих функционирование организма человека. Ниже пойдет речь об особом направлении в разработке и производстве таких биочипов, которые в российской науке обрели емкое название «человек-на-чипе».

Для меня принципиально важным будет не вдаваться в тонкие технические подробности устройств, подобных «человеку-на-чипе», а показать, как реализуется концепт «голой жизни» в процессе создания устройств, позволяющих технически имитировать человеческую жизнь.

Идея биочипа первоначально состояла в том, чтобы объединить несколько типов клеток человека на каких-либо устройствах, чтобы смоделировать различные органы человека. Сейчас речь идет о том, чтобы объединить на одном чипе клетки, моделирующие разные органы человека, то есть создать мультиорганый чип, или «человека на чипе». В 2008 г. немецкие ученые Уве Маркс и Роланд Лаустер возглавили проект по реализации этой идеи. В 2009 г. в проекте «Человек на чипе» (Human-on-a-chip) стал участвовать российский научно-технический центр «БиоКлиникум».

Вначале на чипе моделировалось несколько функциональных органов, которые непосредственно взаимодействовали с введенным лекарством или веществом, участвовали в его транспорте и метаболизме. «Это прежде всего кишечник, печень, где происходят основные этапы метаболизма препарата. Безусловно, важны почки, ответственные за выведение и фильтрацию метаболитов. Важна и кожа, если препарат наносится на поверхность тела или вводится подкожно, и легкие, если препарат в форме аэрозоля. Есть еще так называемые органы-мишени – мозг и сердце. Они не участвуют в деятельности препарата, но могут стать его жертвой, если препарат окажется нейро- и кардиотоксичным. В принципе, этот перечень можно по-

стоянно расширять, добавляя иммунную систему, эндотелий сосудов, роговицу и другие⁸⁵».

Приблизительное описание работы биочипа может быть следующим. В функционирующий чип в ячейку с «кишечником» сверху добавляют среду с содержанием исследуемого препарата в необходимой концентрации. Действующее вещество всасывается клетками кишечника в кровь сквозь стенки (в чипе – это полупроницаемая мембрана внизу ячейки) и кровотоком (в чипе – циркулирующей средой) отправляется в «печень». Если лекарство не всосалось и не попало, значит, лекарство не работает. А препарат, который должен быть введен внутривенно, в чипе вводят непосредственно в циркуляцию, проходящую через все органы. Если задано накожное введение, то препарат капают в ячейку с «кожей», аэрозольное – в «легкие».

Исследователи лекарственных препаратов, наблюдая за работой чипа, должны отмечать, как ведут себя клетки, как выражены их функции активизируются они или подавляются, наблюдается ли рост клеток или их гибель, исследуется концентрация глюкозы, лактата, метаболитов, кислорода.

Чип можно настраивать на конкретную задачу, например при размещении в нем клеток крови пациента смотреть его сопротивление к антибиотикам⁸⁶. Использование биочипов в медицине дает возможность ее настраивания на конкретного больного, на его клетки, на его особый режим функционирования организма (хотя пока еще и идет речь о грубой модели этого организма). Широкое применение технологии «человек-на-чипе» позволит решить ряд проблем, волнующих представителей биоцентристского мировоззрения. Речь идет о возможностях использования

⁸⁵ Стрельникова Л. Человек на чипе // Химия и жизнь. 2012. № 12. Режим доступа: <http://www.hij.ru/read/issues/2012/december/1810/>.

⁸⁶ Там же.

этой технологии взамен проведения клинических испытаний на животных и человеке.

Следует подчеркнуть, что процесс создания нового лекарственного средства очень сложен и состоит из множества этапов. Активное действующее вещество – основа лекарства – должно быть многократно протестировано в лабораторных условиях, затем испытано на животных, и если испытания по безопасности прошли успешно, начинаются клинические испытания на людях. В то же время проведение клинических испытаний связано с огромными рисками. Выше уже упоминалось о разнице между человеком и человеком как испытуемым. Технология лишения имени «человек», которая иллюстрировалась на примере проводившихся исследований над военнопленными японской армии в годы Второй мировой войны («марута-технология» в терминологии Б.Г. Юдина⁸⁷) подчеркивает особый трагизм истории испытания лекарственных средств. Бесчеловечный характер испытания лекарственных средств стоил жизни многих людей в прошлом и является угрозой, периодически возникающей в современной повестке дня.

Опасные для здоровья испытания лекарственных препаратов были характерны для различных регионов мира. И хотя в настоящее время существуют нормы проведения клинических испытаний лекарственных средств, нормы защиты уязвимых групп населения, однако до сих пор испытание лекарств на людях может быть сопряжено с существенными рисками для здоровья. В связи с этим разрабатываются стратегии минимизации рисков от испытания лекарственных средств. Одна из них заключается в том, чтобы проводить тщательное тестирование лекарств на животных и отказываться от дальнейшего тестирования

⁸⁷ Юдин Б.Г. Антропологические основания биомедицинских исследований. Режим доступа: <http://www.volgmed.ru/uploads/journals/articles/1394694611-bioethics-2009-1-1282.pdf>

препарата на людях, в случае если он вызывал серьезные побочные эффекты.

Однако насколько оправдан этот путь? Человек отличается от животных по строению тела, функциям органов и реакциям на различные вещества, поэтому точные данные о том, как будет действовать лекарственный препарат на человека, даже если мы знаем, как он действует на животных, получить достаточно сложно. Все чаще звучат голоса защитников животных, которые отмечают, что испытание лекарств на животных приводит к умерщвлению значительного их числа, бессмысленным страданиям, и более того, оспаривается надежность полученных данных. Кроме того, исследование лекарств на животных высокозатратно. Обозначенные аспекты, сопровождающие и затрудняющие процесс клинического тестирования лекарств, делают использование технологии «человек-на-чипе» чрезвычайно привлекательным. Сама технология предстает в качестве проекта гуманной направленности, ее действие основано на персонализированном подходе к пациенту или группе пациентов, подгонке лекарства именно под его телесность, а не под среднестатистического больного X , являющегося математической конструкцией, но не живым индивидом. В этом отношении технология «человек-на-чипе» предстает как идеальная модель человека как испытуемого, как безличного, не сопротивляющегося объекта, не испытывающего боли, страданий и серьезных последствий от побочных эффектов действия препарата и при этом предоставляющего науке релевантные результаты.

Можно предположить, что в будущем с технологией «человек-на-чипе» могут быть связаны надежды на обретение альтернативы клиническим испытаниям. Создание препаратов – это не предсказуемый процесс: терапевтический эффект далеко не всегда сопутствует проведенным клиническим испытаниям и вложенным средствам и несет

огромные риски для здоровья. Использование технологии «человек-на-чипе» выглядит на фоне этих сложностей альтернативой дорогостоящему и несущему риски для здоровья проведению клинических испытаний на людях⁸⁸.

Положительная оценка этической значимости технологии «человек-на-чипе», то есть расставление акцентов на минимизации страданий животных, возможности игнорирования клинических исследований в случае получения на чипе репрезентаций всего тела, за счет расширения мультиорганности чипа контрастирует с повышенным вниманием к проблеме появления новых решений ряда этических проблем.

К примеру, сенсibilизированное этическими проблемами развития биотехнологий западное общество уже просматривает в технологии, с одной стороны, опасность нарушения прав собственности на биоматериалы, используемые в процессе массового применения биочипов для разработки лекарственных средств (источником клеток для биочипов могут быть госпитали, продающие биоматериалы без информированного согласия их донора), для испытания токсичности химических веществ в доступных микролабораториях с последующим их использованием в военных целях и др.⁸⁹

Молекулярный биолог Дж. Гамильтон, выступая на конференции «TED» с сообщением «Части тела на чипе», выделяет две главные причины востребованности применения технологии размещения человеческих органов на чипе в области исследования (испытания) лекарственных средств.

Во-первых, использование клеточных колоний не всегда эффективно, поскольку клетки лишены естественной среды.

⁸⁸ См.: Ответы доктора Уве Маркса на вопросы читательской аудитории КТТИ. Режим доступа: <http://celltranspl.ru/novosti/interviu/otvety-doktora-uve-marksa-na-voprosy-chitatelskoi-auditorii-ktti>.

⁸⁹ См.: Wang, Allen. Ethics of organs on chips. Режим доступа: <http://www.pitt.edu/~axw5/Writing%20Assignment%203.pdf>.

Они помещаются в искусственную среду, не похожую на ту, с которой они соприкасались в человеческом теле.

Во-вторых, использование животных в качестве модели для испытания лекарств также не всегда может выявить реакции человека на то или иное лекарство.

Чип имитирует естественную среду обитания клеток. Обращу внимание на следующее высказывание Дж. Гамильтона: «Наши тела – это динамические среды. Мы находимся в постоянном движении. И наши клетки это ощущают. Они живут в динамической среде в теле. Они находятся под постоянным воздействием механических сил. И если мы хотим сделать клетки счастливыми вне тела, нам нужно стать клеточными архитекторами. Нужно придумать, разработать и спроектировать дом вдали от дома для клеток»⁹⁰. Данное высказывание примечательно тем, что здесь четко выражен архитектурный замысел современной молекулярной биологии. Молекулярный биолог проектирует, выстраивает «счастливое» пространство для клеток, но одновременно он конструирует «счастливое» пространство коллективного тела, которое будет испытывать меньше страданий от несовершенства своей биологической природы. «Виртуальный человек на чипе», состоящий из конвейера различных органов, связанных между собой жидкостной средой, имитирующей субстанции человеческого тела, являя собой пример успеха инженерной мысли, одновременно наталкивает на мысль об успешности проекта человека-артефакта. С одной стороны, его назначение состоит в воссоздании достаточной функциональности для получения более точных прогнозов относительно рисков применения тех или иных лекарственных препаратов, с другой –

⁹⁰ Гамильтон Дж. Части тела на чипе. Режим доступа: http://www.ted.com/talks/geraldine_hamilton_body_parts_on_a_chip/transcript?language=ru#t-26573.

речь идет о создании персонифицированных чипов, индивидуальных артефактов, если можно так выразиться, биотехнологических аватаров, позволяющих заместить живое чувствующее тело искусственными аналогами, той самой «голой» жизнью, о которой шла речь выше, для осуществления различных биомедицинских манипуляций. Кроме того, технологии «человека-на-чипе» могут позволить воссоздавать на чипах коллективные тела, размещать на них клетки представителей тех или иных наций и тем самым в человеческой популяции оценивать национально обусловленные специфические побочные реакции на лекарства, обусловленные генетическими различиями.

Чип интересен не только своими функциями, безусловно, важными для развития биомедицины и ее гуманизации. Технология «человек-на-чипе» для широкой публики выступает еще и олицетворением игры воображения, творческой мощи бессознательного адептов синтетической биологии, конструирующих несуществующие в природе биологические системы на основе объединения научного знания и инженерии, экспериментирующих с жизнью и смертью. Такое отношение вырабатывается в научно-популярной прессе, где самой технологии присваиваются такие звучные названия, как «гомункул-человек на стекле», «живой киборг для опытов» и др.⁹¹

За этими именами скрывается онтологическая реальность объекта, у которого устранено антропологическое измерение, объекта, который «не будет возражать» (в терминологии Б. Латура⁹²), отдавая исследовательской эксплуатации потенциал функций живого организма.

⁹¹ См., например: *Сотскова М., Кавкарадзе В.* Гомункул – человек на стекле // Популярная механика. 2015. № 1. С. 34–38.

⁹² *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2003. № 3. С. 20–39. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/latour/whenthings.html>.

2.7. Некоторые этико-философские аспекты «клеточной» идентичности. Мертвое тело в эпоху биотехнологий

История Генриетты Лакс и рассмотренные аспекты представленности человеческого тела в различных клеточных проекциях демонстрируют целый спектр вариантов отношения к человеческому телу. Тело (репрезентированное через клетки) воспринимается и как пассивный объект, и как олицетворение личности, и как символ бессмертия.

Современная наука на этом фоне уподобляется фабрике по производству идентичности. Ее функционирование связано с осуществлением манипуляций с тождеством человека, с производством образов, многие из которых выглядят искажающими привычный человеческий облик. С помощью эвристической силы научного знания и способности науки производить новые способы презентации человеческого существа из нормированного, устойчивого образа человека может сформироваться множество образов, деформирующих или (как это может видаться прогрессивно настроенным ученым), наоборот, расширяющих его сущность и физические возможности.

Утопический контекст казуса Генриетты Лакс носит глобальный характер. Глобализм проявляется в вере в науку и ее способность творить чудеса для огромной массы людей, пренебрегая благом или же просто не принимая в расчет интересы отдельного индивида, его позицию относительно распоряжения телом или его частями после смерти. Современная объективная медицинская позиция все еще может, пренебрегая персональной ориентацией своей деятельности, рассматривать мертвое тело или части этого тела лишь в качестве источника объективных медицинских знаний о болезни. В то же время индифферентности, характерной для медицинских манипуляций с телес-

ностью, противостоит этико-правовой дискурс, закрепляющий за телом статус собственности, неотъемлемой от личности. И поэтому обращение с трупом может подлежать большему нормативному регулированию, чем тело, в котором еще теплится жизнь (больные, у которых констатирована смерть мозга, эмбрионы и другие концептуализируемые биомедицинскими практиками «недочеловеки»). Особое отношение к мертвому телу при проявляющемся безразличии к телу, еще не оформившемуся (эмбрионы) или не развившемуся (плод), позволяет утверждать специфический статус мертвого тела, относительно которого существует «иллюзия все еще длящейся жизни – чувство, что целостность мертвого тела должна поддерживаться, словно умерший продолжает считаться живым человеком»; потребность уважать умершего рассматривается в таком случае как способ выразить уважение к тому, кто когда-то был живым⁹³.

Теоретик медицинской этики А. Кэмпбелл предлагает выделять внутреннюю ценность мертвого тела и его инструментальную ценность. Постулат внутренней ценности трупа предполагает отношение к личности, основанное на ее неразделимости с телом. В этом случае самоценность живого человека присваивается мертвому телу, как бы артикулируется в нем.

Об инструментальной ценности трупа речь идет тогда, когда мертвое тело рассматривается лишь как источник воспоминаний, и эта позиция может вызвать как уважительное отношение к телу, так и прагматический замысел использования трупа или биоматериалов для какой-либо цели.

Какие нравственные ценности связаны с контекстом рассуждений о мертвом теле?

⁹³ Кэмпбелл А, Джиллетт Г., Джонс Г. Медицинская этика. М.: Гэотар-Медиа, 2005. С. 169.

Либеральная этическая традиция выдвигает принцип автономии, который предполагает свободное решение каждого человека относительно нахождения его тела после смерти, независимо от социальных потребностей и общественных интересов. В то же время принцип автономии зачастую противоречит интересам членов семьи, которые могут аннулировать волю покойного. В этом случае сталкиваются моральные принципы: соблюдение предшествующей автономии и интересов покойного или нынешней автономии и интересов живых. «Когда преимущество отдается последним, предполагается, что интересы живых членов семьи более значимы, и живые могут пострадать от вынесенного решения сильнее, чем покойник. Это подчеркивает инструментальную ценность трупа по сравнению с его внутренней ценностью, ведет к их дисбалансу...»⁹⁴.

Анализируя различные биоэтические проблемы, связанные с манипуляцией человеческим телом, целесообразно рассматривать телесность в двух основных аспектах: ощущения и владения. Эти два ракурса выявляют две модели понимания онтологии человеческой личности. отождествление человеческого способа бытия с ощущением предполагает полное слияние человека и его собственной телесности (рассмотренная выше парадигма «быть телом»). В этом случае может возникнуть отношение к человеческому существованию как стоящему на одной ступени с животным. Если моральные ценности направлены на равное по онтологическим характеристикам существо, то становится очевидным, что позиция недочеловека в онтологической иерархии уже не способна вызвать того морального отношения, которое вызывает к себе человек, осуществляющий полный или относительный контроль над своим телом. Как отмечает А. Кэмпбелл, особое моральное участие, которое мы в нормальных обстоятель-

⁹⁴ Там же. С. 77.

ствах проявляем к личности, может быть неприменимо к тому, что есть «не более чем человеческое тело»⁹⁵.

Эта установка подспудно присутствует во многих ситуациях, с которыми имеет дело современная биоэтика. К примеру, в отношении проблемы аборта его сторонниками «констатированием фактов возникновения сердцебиения у плода или появления биоэлектрических импульсов его мозга» подчеркивается лишь наличие у него отдельных качеств человека. Никакой из объективных фактов, отражающих непрерывный процесс эмбриогенеза, нельзя считать свидетельством появления «человека как такового»⁹⁶. Таким образом, человек в этой парадигме считается до своего рождения фактически телом, наделенным лишь природным статусом. Аналогично, как отмечает А.Я. Иванюшкин, пациентов с диагнозом «смерть мозга» вследствие отсутствия самостоятельного дыхания, утраты целостности физиологического функционирования его организма как индивида относят к той категории существ, которые обладают лишь некоторыми признаками человека.

Клетки Генриетты Лакс можно рассматривать в широком семантическом диапазоне: они, представляя собой феномен «голой» жизни, могут расцениваться как свидетельство молчания относительно биомедицинских манипуляций, осуществляемых над человеческим телом, как молчание индивида, статус которого по причине жизненных обстоятельств оказался более уязвим, чем статус других человеческих существ, проведение манипуляций над телесностью которых не было бы возможным.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на описанные ранее два модуса телесности: ощущения и владе-

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Иванюшкин А.Я.* Аборт // *Этика: энциклопед. словарь* / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 8.

ния. Воспользуюсь цитатой В. Подороги, заимствованной из его работы «Феноменологии телесности». В. Подорога отмечает, что «самая ближайшая близость нас с нашим собственным телом задается в ... “я ощущаю”, чего нельзя сказать в отношении “я владею (имею, обладаю и т.п.)”. “Я ощущаю” и есть телесное Эго, никоим образом не отменяемое сознательным Эго, которое принадлежит к другому порядку телесного бытия и почти покрывает собой “я владею”. Я владею собственным телом – это значит: я могу сознательно использовать его возможности быть с миром в различных и многообразных отношениях»⁹⁷. Несколько корректируя это утверждение, отмечу, что автономное существование индивида в либеральной традиции мысли связано с осуществлением адекватной власти над своим телом, обеспечением комфортно ощущаемого бытия, которое одновременно является следствием владения своим телом. Таким образом, ощущение тела как ощущение его близости и податливости, его «партнерство» неотъемлемо предполагает его ощущение в качестве собственности (владения).

Во многом именно на этой установке зиждется этическое регулирование в области клеточных технологий. Ощущение тела как собственности является гарантом неприкасаемости человеческой телесности, ее органов, ее клеток (если только речь не идет о согласии самой личности на манипуляции).

Внешнее расширение телесности в эпоху интенсивного биотехнологического развития проявляется не только в том, что человеческое тело «обрастает» технологиями, но и в том, что возникает феномен сенсibilизации частей тела. Личность представлена не только на уровне целостности своего тела (в единстве с ним), но и все чаще каче-

⁹⁷ Подорога В. Феноменология тела. Режим доступа: http://telesnost.ru/omega/filosofiya/fenomenologiya_tela_ch_3.htm

ства конкретного человека «опредмечиваются» в биоматериалах человеческого тела, которые наполняют хранилища биобанков, виртуализируются в информационных базах данных и т.д. При этом «биоматериалы или биомедицинская информация, хранящиеся в биобанках, отделены от тела конкретной личности. Они существуют в онтологическом смысле на уровне “вещей”. Однако эти вещи как артефакты “вещают” о личности, способны сообщить другим нечто существенно важное о ней и тем самым поставить под угрозу моральное и телесное благополучие человека – их “собственника”»⁹⁸.

В этой связи защита данных биомедицинских исследований становится защитой самого субъекта, донора биоматериалов, его волеизъявления относительно распоряжения собственным телом. Она связана с решением таких этических проблем, как получение информированного согласия от донора на забор, хранение и последующее использование биоматериалов, обеспечение защиты персональных данных донора (в случае персонифицированного хранения биоматериалов в биобанках), защита донора и членов его семей от дискриминации в связи с использованием данных в научных целях и др.

2.8. Этика «чистого листа» и процесс именования

Историческая память вмещает в себя множество представлений о человеке и столь же огромное количество его имен. «Бревна» и «мусульмане» и многие-многие другие имена человека свидетельствуют, прежде всего, о культурно-историческом характере знания о человеке, о такой не-

⁹⁸ *Белялетдинов Р.Р., Гребенщикова Е.Г., Киященко Л.П., Попова О.В., Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Социогуманитарное обеспечение проектов персонализированной медицины: философский аспект. С. 16.*

преходящей черте цивилизационного процесса нормализации, как уничтожение человеческого в человеке, и о таком антропологическом модусе, как переживание человеком – нечеловека (Дж. Агамбен), а также о процессах присвоения имени «человек» «нечеловеку» и наоборот, вследствие чего «важнейшим свидетелем о человеке оказывается тот, чья человеческая природа полностью разрушена. Иными словами, человек – это тот, кто может пережить человека»⁹⁹. Представления, которые мы имеем в настоящее время о человеке, его различные имена являются условными, но вместе с тем и достаточно устойчивыми для конкретной историко-культурной ситуации. Смена эпох всегда сопровождается сменой имен человека. История человечества показывает, выражаясь в терминологии Дж. Агамбена, что не бывает бытия любого. Не бывает и этики любого. Человека всегда наделяют именем, наделяют судьбой.

История с эксплуатацией имен человека является историей текстов, написанных по поводу имевших место прецедентов с телесностью человека. С этой точки зрения тексты о «бревнах» и «мусульманах» выявляют чрезвычайно опустошительный для человеческой природы опыт страданий и оскорбительных манипуляций с человеческим телом. Само лишение человека человеческого достоинства происходит на фоне предпонимания того, что за коннотации связаны с именем «человек». То есть этика отношения к человеку зависит от семантических ассоциаций, возникающих в связи с именем «человек». А они в свою очередь появляются в сознании индивида только как следствие осознания своего онтологического положения.

Человек мыслим как некий текст и как текст он наделен тем или иным форматом содержания, который исключает

⁹⁹ Там же. С. 88.

все, что видится неприемлемым (неприятным) и ненормальным.

Однако закономерен следующий вопрос: почему бы не начать с этики человека как «чистого листа»?

Говоря об этике человека как «чистого листа», я подразумеваю прежде всего такой аспект понимания человека, который закрепляет за ним право не приписывать ему определенные характеристики, не рассматривать его в контексте предложенных культурой схем (текстов) понимания человека. Список понятий, связанных с человеком, чрезвычайно обширен: одни из них описывают свойственные ему телесные процессы, другие – его духовную жизнь, его глубинную вписанность в контекст культуры. При этом достаточно сложно отделить чистую (природную) телесность от телесности как продукта культуры, от тела как текста. Человеческое тело определено культурой и невозможно без нее. Однако верно и обратное: культура и этика, как ее квинтэссенция, невозможны, немыслимы без «разговора о теле». Современная этика не способна обойти молчанием тот факт, что человеку дано тело и она имеет дело с человеком как воплощенным существом.

С чем же связан этот этический поворот? Представляется, что телесность, которая вызывает вокруг себя определенную познавательную ситуацию, может провоцировать изменения в моральной теории и практике. Так, сожженные и искаленные тела Освенцима, то есть человеческая телесность, постигаемая в различных событиях, происходящих с субъектом, на современном этапе определяют процесс становления нового этапа этической рефлексии и культурного сдвига в самопонимании человечества как субъекта истории. Развитие прикладных аспектов в современной этике также можно рассматривать как своего рода профессиональную этическую конвенцию, в рамках которой предпринимаются усилия по регулированию

отношения к новым возникающим телесным практикам и одновременно подвергаются рефлексии исторические казусы «по поводу тела».

Прецеденты формирования различных онтологий людей-артефактов, которым присваиваются те или иные имена, например, такие, как «бревна» и «мусульмане», стали неотъемлемой частью истории современной биоэтики, интенции которой направлены на формирование такого подхода к человеку, который бы основывался на уважении его «телесных прав», его целостности и неприкосновенности его тела. Даже если онтология такого человека описывается лишь в рамках семантики, связанной с физическим измерением бытия, но и оно – человеческое измерение физического – должно обосновывать этику, заставляющую уважать права телесности другого существа.

У Умберто Эко в эссе «Когда на сцену приходит Другой» есть прекрасный пассаж о телесных правах звероподобного Адама, «не ведающего, что есть сексуальное единение, радость диалога, любовь к детям, горе из-за утраты любимого человека», однако имеющего представление о своем пространственном положении, чувствующем свое тело в совершенно различных проекциях: видения, слушания, активного вторжения в среду, обладающего различными представлениями и эмоциями и страдающего от принуждения и пыток. Эко справедливо пишет: «Если бы все нам подобные уважали эти “телесные права”, история не знала бы таких явлений, как избивание младенцев, скаर्मливание христиан львам, Варфоломеевская ночь, сожжение еретиков, концлагеря, цензура, работа детей в шахте, массовые изнасилования в Боснии»¹⁰⁰.

В данном контексте рассуждения также интересен мысленный эксперимент Дж. Агамбена. Он пытается пред-

¹⁰⁰ Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012.

ставить, как мог бы оценить профессор Апель действие созданной им коммуникативной этики в условиях лагеря, и сразу же предлагает остановить эксперимент, осознавая в данной этической системе наличие опасности исключения его обитателей – «мусульман» из сферы человеческого.

Мысленный эксперимент Дж. Агамбена и рассуждения У. Эко можно экстраполировать в совершенно различные социальные контексты. В любых «зонах исключения», куда относятся также прекрасно исследованные М. Фуко пространства психиатрических больниц, тюрем и образовательных учреждений, осуществляется процесс снижения степени человеческого, поскольку именно там находятся люди, обладающие частичной дееспособностью, которая автоматически выводит их за очертания утвердившихся границ модели «абсолютно нормального человека».

В этой связи хотелось бы наметить некоторые выводы. Любая модель этики имеет дело с некоторыми константными антропологическими характеристиками, например такими, как разум, дееспособность, автономия. Их наличие является свидетельством непрекращающегося исторического процесса осмысления человеком своего бытия и закрепления своей онтологической ниши. Данный процесс осуществляется посредством действия механизмов публичного обсуждения и кристаллизации его результатов в дискурсе. Речь о человеке становится источником действий по отношению к человеку. Человек в различных дискурсах, в том числе в этических, как правило, репрезентирован как некая абстракция, то есть как результат чьих-либо притязаний, выстраивающих, достраивающих человека в соответствии с идеалом общественного-политического, экономического, культурного и т.д. развития. В процессе подобной «нормализации» в общественно-политическом процессе из категории «человек» вычленяются

категории сверхчеловека и недочеловека. Концепт «человек» не является семантически устойчивым, это не некая очевидная данность. Человек и представлен себе, и скрывается от себя самого посредством языка, который порождает и хранит различные репрезентации человека и разные оценочные маркеры (как недочеловеческого, сверхчеловеческого, постчеловеческого).

В процессе конкуренции друг с другом различные дискурсы претендуют на изменение социальной ситуации, изменение формата представлений о человеке. Просто человек – это утопия, места ему нет ни в повседневной жизни, ни в этической рефлексии, неизменно отказывающейся от простоты человека, соотнося его существование с такими категориями, как автономия, человеческое достоинство, благая жизнь, совесть и т.д. и т.п.

Вместе с тем в современной ситуации, в особенности в контексте поднятой проблемы биополитического производства недочеловеческого особенно актуальными являются идеи этики ненасилия, направленной не только на урегулирование отношений между автономными дееспособными человеческими существами, но и между всеми теми, кому по каким-то критериям было отказано в праве считаться «нормальными» людьми, просто быть людьми.

Как показано выше, акцент на тех или иных аспектах сущности человеческого бытия всегда вызывает импульс к смещению и проведению новых антропологических границ, а значит, и к появлению пропускных пунктов в область «истинно человеческого», на страже которой будут исполнять свои временные обязанности, рекрутированные чьими-то политическими амбициями те или иные моральные добродетели и избранные ценности.

ГЛАВА 3

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕЛЕСНОСТИ¹

Человек переживает и осознает свое тело, с одной стороны, как «вместилище» и границу Я, а с другой – как экспрессивное начало, средство самовыражения². Таким образом, тело можно, с одной стороны, рассматривать как лично-отнобразующее начало, а с другой – как эстетический феномен, репрезентирующий «Я». Экспрессивность, которая выражается в эстетическом отношении к собственному телу, свидетельствует о преступании личностью границ своего собственного тела под диктаторским взглядом Другого, придающего контурам телесности очертания, соотнобразующиеся с транслируемой культурой и воспринятыми субъектом нормами красоты.

Каждая историческая эпоха расставляет собственные приоритеты относительно приверженности ценностям внутреннего (души, сознания) и внешнего (телесного) плана. Характерной чертой современной эпохи является выраженное внимание к постулированию ценностей, которые ориентированы на утверждение эстетически преобразованной телесности с вытеснением и подчинением им моральных ценностей. Эстетика как сфера игры подчиняет этику как сферу свободы и долженствования.

Эстетизация жизни становится повсеместно распространенной практикой. Практикой, которая является опре-

¹ Результаты исследования представлены в статье: *Попова О.В.* Этика, эстетика, анестетика в контексте развития пластической хирургии // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 96–105.

² *Кон И.С.* Сексуальность и нравственность // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. М.: Политиздат, 1990. С. 65.

деляющей для оценки стиля жизни современного индивида и его морального самопонимания. Нравственные требования, предъявляемые индивидом к себе и окружающим, эстетически окрашиваются, а мораль все чаще воспринимается не столько как совокупность норм, способствующих сохранению и воспроизводству Целого (общества), а как набор техник, обеспечивающих счастье самого индивида, способного разглядеть жизнь как самоцель и самого себя в этой жизни как объект эстетической заботы. Данная тенденция описана в различных эпистемологических проекциях у М. Фуко, Ж. Бодрийера, Б. Хюбнера и других авторов. Значительный вклад в ее осмысление внесли представители феминистской мысли, пытаясь показать процесс конструирования общественной морали на основе лингвистических и социально-политических игр с категорией «телесность». Собственно, деконструкция классического субъекта морали феминизмом означала высвобождение его для будущих множественных значений и интерпретаций, в частности субъект-женщина должна быть освобождена от приписанных ей телесных ролей, например таких, которые навязывают ей образ матери, домохозяйки, красивой женщины, эстетического объекта, на который направлен взор мужчины.

Так, американская феминистка и писатель Ив Энцлер в художественной форме описала тенденцию переплетения обыденных форм этического и эстетического в жизни среднестатистической женщины в своей книге «Отличное тело»³: «Когда я была маленькой, меня часто спрашивали: “Какой ты хочешь стать, когда вырастешь?” Я отвечала: “Хорошей”. Я хочу быть хорошей... В 50-е годы, когда я была подростком, быть “хорошей” означало быть как все девочки. Девочки были хорошими. Симпатичными. Веселыми.

³ Энцлер И. Отличное тело. Режим доступа: <http://hotlib.net/id-164087>.

С белокурыми локонами... Они выходили замуж. По ним было видно – они замужем. В последнее время хорошие девочки записываются в армию. Продвигаются по карьерной лестнице. Ходят в спортзал... Сохраняют идеальность. Сохраняют стройность»⁴. Ив Энцлер подметила резкое смещение фокуса идентичности морального субъекта-женщины на протяжении второй половины XX в.: если 50-е гг. «хорошесть» предполагала встраивание себя в контекст социальных ожиданий, требующий от женщины прежде всего исполнения репродуктивной роли, то для современной женщины «быть хорошей» (то есть быть моральной ответственной, добродетельной) означает реализацию собственного индивидуального проекта, в основании которого приоритетные позиции занимают внешние характеристики, позволяющие женщине иметь успешный имидж. Глобальный тренд эстетизации жизни, усиленный биотехнологической мощью современной цивилизации, проник и укрепился в различных уголках мира: «Не важно, где я нахожусь. В Тегеране женщины хирургически переделывают носы так, чтобы меньше походить на иранок. В Пекине ломают ноги и наращивают кости, чтобы быть выше. В Далласе уменьшают ступни, чтобы носить обувь Manolo Blahniks или Jimmy Choos. Я встречалась с женщинами из разных мест, и часто они особенно ненавидят какую-то конкретную деталь своего тела. Большая часть их жизни тратится на починку этой детали, ее уменьшение. В их аптечках – препараты для модификации этой области»⁵.

Б. Хьюбнер указал на эстетически-игровой момент восприятия жизни современным человеком: «Сегодня этический дефицит компенсируется преимущественно эстетически: если *истины* уже не очаровывают, истиной

⁴ Там же.

⁵ Там же.

становится очарование»⁶. Жизнь современного индивида проходит под следующим лозунгом: если я есть тело, то я утвержден в эстетическом существовании, я инсталлирован в эстетику. Отсутствие смысла жизни, задаваемого различными историческими инвариантами этических систем, порождает отход к сенсуализму, к повышенному вниманию к чувственности. «Вертикальный смысл жизни заменяется горизонтальным»⁷.

В плюралистическом неиерархизированном обществе равенства происходит децентрация этического. И если человек этический находится под властным воздействием трансцендентного Другого, в то время как в эстетическом отношении Другой значим лишь в той мере, в какой он является источником впечатлений и аффектации, будучи тем, кто способен созерцать и восхищаться идеально сконструированными телами.

Итак, экспансия эстетического, принимающая форму дизайнерской модификации человеческого тела, – неотъемлемая черта нашего времени. Она настолько же неотъемлема, как и экспансия технологического. Интеграция тенденций эстетизации (конституирование собственной индивидуальности как эстетического феномена) и технологизации (встраивание технологий в повседневную жизнь и их широкое использование, в частности, для модуляции внешности) вызывают конвергентный антропологический эффект – измененную до неузнаваемости человеческую плоть, с уже неразличимыми временными, расовыми и половыми признаками. С ощущением безграничности проявлений персональной идентичности.

⁶ *Хюбнер Б.* Произвольный этос и принудительность эстетики / пер. с нем. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 147.

⁷ Там же. С. 62.

Современный человек не может дистанцироваться от культуры соблазна⁸, с характерным для нее искусством овладения семантикой тела, порождающей эффект очарования. Но еще до того, как стать соблазнительным, тело будет соблазнено идеальными образами внешности и технологическими возможностями, позволяющими достичь этого идеала. Человеческое тело уже не является естественно данным. Оно социально и культурно заданно. И уже технологически предопределено быть красивым, а значит, брошено в распоряжение беспощадной индустрии красоты: строгих, аскетических диет, методов эстетической хирургии, непосильных силовых тренировок (бодибилдингу), гормональной заместительной терапии, генетическому допингу.

В пространстве ожиданий, исходящих от индустрии моды, тело начинает функционировать в логике серийной трансляции модного образа. Включаясь в ритм воспроизводства модели внешности, индивидуальное тело «обобществляется», точнее, как бы вливается в коллективное тело в том смысле, что растворяет волю субъекта в базе тех шаблонов поведения и выражения, типов внешности и стандартов красоты, которые предлагаются потребительским рынком. Идеальный образ модели, серийно воспроизводимый в отдельных индивидах, несет определенную моральную нагрузку, заданный стиль поведения, с его запретами на те или иные виды жизнедеятельности, с его нормами долженствования и индивидуальными перфекционистскими устремлениями. Это тело отчасти напоминает гротескное тело. Только оно изолировано от контекста культуры Возрождения и помещено в современный мир тиражирования модных соблазнительных эталонов желанной внешности. Такое тело является становящимся, порождающим: оно в духе Рабле «никогда не готово, не

⁸ См.: Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 316 с.

завершено: оно всегда строится, творится и само строит и творит другое тело...»⁹. В нем гротескно акцентировано внимание культуры и технологий на отдельных частях, на гипертрофированных формах глаз, груди, губ, мышц и т.д., усиливающих сексуальную привлекательность их обладателей и обладательниц и одновременно вносящих элемент ирреальности, трансгрессивности, избытка.

В этой связи современным самоотчужденным индивидом, вынужденным «и телесно и духовно формировать себя в соответствии с мерками технической аппаратуры»¹⁰, является не только человек, растворившийся в мире технологических новинок, но и тот, кто «растворяет» технику в своей плоти и крови, навязчиво следуя внутреннему позыву спасти свое тело, сохранить его, превратив в технологический артефакт с эстетическими свойствами, лишив внешних признаков тленности, увядания, несовершенства. И в этом отношении безусловное первенство занимает пластическая хирургия, современные возможности которой используются в имморталистских целях, заряжая индивида верой в вечную молодость, неослабевающую силу и неувядаемую красоту.

3.1. Пластическая, косметическая и эстетическая хирургия: семантические нюансы

«Пластическая хирургия», «косметическая хирургия» и «эстетическая хирургия» в большинстве случаев являются, взаимозаменяемыми понятиями. В то же время упот-

⁹ *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/bahtin-tvorchestvo-rable/grotesknyj-obraz-tela-2.htm>

¹⁰ *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Режим доступа: <http://www.wellhead.ru/node/377>.

ребление каждого из этих понятий имеет свои семантические нюансы как в обыденном языке, так и в профессиональном жаргоне.

Так, понятие «пластическая хирургия» иногда несет на себе большую терапевтическую нагрузку, поскольку ее методы, например, могут использоваться не только для совершенствования уже имеющегося тела или отдельных его частей (следуя моде и внутренним перфекционистским позывам пациента), но и подразумевают возможность создания маскировочного эффекта у пациентов, по отношению к которым были совершены те или иные хирургические вмешательства, например при удалении опухолей на коже или груди (мастэктомия), обезображивающих человеческое тело и нарушающих его внешнюю гармонию.

В случае с пластической хирургией, таким образом, речь может идти о своеобразной компенсации за появление глубокого дефекта или деформацию внешности, обусловленную необходимым медицинским вмешательством.

Косметическая хирургия является подразделом пластической хирургии, а эстетическую хирургию зачастую рассматривают как одну из ее частей (наряду с реконструктивной хирургией), отвечающей за улучшение внешности человека, достижение канона красоты. При этом эстетическая хирургия далеко не всегда имеет дело с подогнанными под стандарты красоты человеческими телами, и в одних случаях улучшает явные дефекты внешности, а в других совершенствует, казалось бы, и без того, совершенные тела, акцентируя внимание и делая еще более соблазнительными те или иные телесные зоны привлекательности.

В обыденном языке некоторое напряжение вызывает отнесение исправления изуродованных тел, пострадавших в результате военных действий или выраженных уродств у детей (например, заячьей губы) к области косметической хирургии. С косметикой, косметическим (на обыден-

ном уровне восприятия косметологии) связаны скорее коннотации декорации, легкости, игры, но не страданий и увечий.

В то же время в профессиональном медицинском жаргоне существует понятие реконструктивной хирургии как разновидности косметической хирургии, которая как раз и занимается ликвидацией серьезных дефектов внешности, причиной которых могут быть тяжелые заболевания, травмы, ожоги. В целом к косметической хирургии могут относить и пластические операции по омоложению лица, и реконструктивную пластику при массивных внешних поражениях. И зачастую вопрос о тонких различиях между теми или иными видами пластической хирургии или косметической хирургии, например реконструктивной и эстетической хирургии, возникает тогда, когда общество, профессиональное медицинское сообщество, государство стремятся понять, кто должен оплачивать те или иные виды медицинских вмешательств: сам пациент, страховые или благотворительные фонды и т.д. При такой постановке вопроса актуализируется проблема цели медицинского вмешательства. Она может быть терапевтической, восстановительной (реконструктивной), целью также может стать улучшение, усовершенствование внешних данных, то есть придание хорошему (телу) черт лучшего. Общество готово, как правило, финансировать именно первую цель. Цель, связанную с терапевтическим улучшением.

3.2. Этические проблемы развития пластической хирургии

Развитие этико-нормативной среды развития пластической хирургии целесообразно осуществлять с опорой на разработанные модели поведения врача-хирурга, где будут прописаны разные алгоритмы поведения и различные

3.2. Этические проблемы развития пластической хирургии

этические требования к врачу в зависимости от того, кто является пациентом, к какой социальной группе он принадлежит, какого он возраста и пола и какой цели он хочет достичь в процессе хирургического лечения.

В статье, посвященной рассмотрению этических проблем пластической хирургии¹¹, автор Rhona Knight предлагает поразмышлять над тремя группами запросов от аудитории, различающейся по гендерно-возрастному признаку. Все запросы обращены к пластическим хирургам, и они должны постараться дать ясный ответ относительно особенностей взаимодействия с пациентами, которые, к примеру, являются: 1) компетентными 35-летними женщинами, желающими осуществить увеличение груди при ее отсутствии или омоложение вульвы, или устранить заметные дефекты лица; 2) компетентными 35-летними мужчинами, планирующими пересадку волос или удаление ткани молочной железы, ринопластику или омолаживающую операцию на веке; 3) 8-летним ребенком, родители которого требуют проведения хирургической операции в связи с его оттопыренными ушами, желают сделать ему ушной пирсинг или, к примеру, хотят сделать ребенку обрезание.

Каждый из этих запросов провоцирует своеобразную этическую реакцию и размышления о границах дозволенного/запрещенного, об особенностях религиозных и светских норм, автономии врача и автономии самого пациента и делегировании ее дееспособным субъектам, о границах компетенции и получении информированного согласия. Приведенные вопросы демонстрируют, что цели эстетической хирургии могут быть как связаны, так и не связаны с восстановлением здоровья. Они могут быть соединены

¹¹ См.: Knight, Rhona. *Cosmetic surgery*. Режим доступа: http://admin.cmf.org.uk/pdf/cmffiles/52_cosmetic_surgery.pdf.

с религиозными нормами, социокультурными архетипами, юридическими запретами.

В свете этих множественных факторов идентичность пластического (косметического) хирурга также множественна и далеко не всегда совпадает с классической идентичностью врача, она включает в себя разнообразные социальные роли – бизнесмена, художника, актера, врача, юриста.

Кажется очевидным, что изуродованные ожогами или травмами человеческие тела нуждаются в хирургическом вмешательстве в большей степени, чем лица, не удовлетворяющие каким-либо критериям красоты или личных предпочтений. В то же время можно представить ситуации, когда внутреннее страдание или дискомфорт могут возникнуть от восприятия особенностей своей неудовлетворительной внешности. Тонкие губы, неправильной формы носы и уши в современной культуре становятся источником личностной драмы и полем притяжения перфекционистских интенций. Хирургическое вмешательство может как уменьшить избыточное внимание к личности человека, обладающего теми или иными дефектами внешности (например, в случае травли, стигматизации ребенка из-за его несоответствия определенным телесным канонам, принятым в той или иной субкультуре), так и компенсировать недостаток внимания к человеку, сделав его более привлекательным, визуально интересным или просто «нормальным».

В первом случае, как правило, говорят о реконструктивной (восстанавливающей) хирургии. Она подразумевает реконструктивные и функциональные вмешательства, призванные избавить человека от полученных в результате травм или несчастных случаев дефектов внешности. Во втором случае речь идет о вмешательстве-усовершенствовании, целью которого будет прежде всего улучшение

внешнего вида. Очевидно, что проведение отчетливых границ между первым и вторым видами хирургических вмешательств не всегда представляется возможным.

Следует обратить также внимание на то, что глубокие врожденные уродства могут приносить такие же моральные страдания человеку, как и уродства, приобретенные в процессе жизни, равно как и просто воображаемые, неочевидные для окружающих недостатки внешности. Острые переживания относительно своей внешности, как реальных, так и придуманных, имеющих место при отсутствии объективных оснований, получили название синдрома дисморфофобии. По большому счету, четко разграничить мнимое, надуманное страдание и страдание, обусловленное явными физиологическими причинами, возможно далеко не всегда. Именно поэтому самоубийства и депрессии в связи с несоответствием нормам внешности отмечаются как у тех, кто подвергся косметической хирургии, и, казалось бы, не должен испытывать внутреннего дискомфорта, но, тем не менее, его испытывает, так и тех, кто еще не подвергся хирургическому вмешательству, но желает его получить.

В свете всего вышеперечисленного терминологию в области пластической хирургии можно назвать скользкой¹². Ее особенность в том, что она зачастую вводит в заблуждение, ассоциируется с улучшающими косметическими, эстетическими эффектами в отношении тех ситуаций, где, скорее бы, следовало говорить лишь о терапевтическом смысле и наоборот. От многозначности социально-культурной интерпретации той или иной практики в области практической хирургии страдают как пластические хирурги, так и пациенты. Нормирование деятельности

¹² См.: *Knight, Rhona. Cosmetic surgery*. Режим доступа: http://admin.cmf.org.uk/pdf/cmffiles/52_cosmetic_surgery.pdf.

хирурга неизбежно сталкивается с вопросом о том, какие эстетические операции должны быть разрешены, а какие – находиться под запретом, кроме того, как уже указывалось ранее, ввиду ограниченности ресурсов здравоохранения немаловажным будет вопрос о финансировании (частном или государственном) тех или иных операций.

Достаточно распространенной является точка зрения о том, что нравственный посыл эстетической хирургии противоречит духу медицинской этики, и следовательно, врачи-хирурги не должны участвовать в подобной деятельности. Классической медицине предлагается расширить свои полномочия и начать процесс трансляции истинных ценностей, подавленных телесноориентированной эстетически ангажированной культурой: «Эстетическая хирургия получает прибыль от идеологии общества, которое служит только тщеславию, молодости и личному успеху, тому, которое утрачивает видение реальных ценностей. Реальная ценность человека не может быть сведена к его/ее внешности, и медицина как искусство должна чувствовать обязанность противостоять этой современной идеологии и должна пытаться помочь людям получить более аутентичное отношение к себе»¹³.

В целом в процессе развития пластической хирургии, как и многих других сфер человеческой деятельности, связанных с технологическим развитием медицины, были артикулированы различные, зачастую несовместимые ценности. Если рассматривать коммуникативный вектор развития пластической хирургии, подразумевающий выстраивание диалога между врачами и обществом, врачами и пациентами, то следует обратить внимание на конфликт важнейших принципов, фундирующих современную биоэ-

¹³ *Maio, G.* Is aesthetic surgery still really medicine? An ethical critique. *Handchir. Mikrochir. Plast. Chir.* 2007, 39: 189-94.

тику и этос поведения врача: автономии пациента и нанесения вреда. Так, право пациента на автономию (приобретающую вид автономного распоряжения собственным телом, подразумевающую удовлетворение любых фантазий относительно изменения собственной внешности) может противоречить врачебному принципу нанесения вреда. В этой связи современные этические требования к современному пластическому (косметическому хирургу) постулируют необходимость у него готовности к аксиологическому и этическому эквилибризму, подразумевающему постоянный поиск золотой середины между уважением норм и ценностей пациента и норм и ценностей собственной профессиональной деятельности, а также этических требований, выдвигаемых культурой и социумом. В отношении последних следует помнить о тонкой грани между свободой и принуждением.

Например, то, что в контексте одной перспективы может рассматриваться как увеличение свободы выбора, способности манипулировать телесностью по собственному желанию (и это есть свидетельство реализации автономии субъекта), может с другой гендерной социокультурной перспективы рассматриваться как давление на девушек и женщин, которые составляют 90 % всех пациенток в области пластической хирургии¹⁴.

Осознавая конфликт различных ценностных иерархий и понимая, что хирургические манипуляции с телом направлены не столько на улучшение его здоровья, сколько на внешнее усовершенствование телесности, пластический хирург обязан предоставить пациенту медицинскую информацию относительно операции, в том числе информацию об альтернативных методах достижения желаемого результата, рисках

¹⁴ См.: *Knights, Rhona. Cosmetic surgery*. Режим доступа: http://admin.cmf.org.uk/pdf/cmffiles/52_cosmetic_surgery.pdf.

проведения анестезии и т.д.: «Хирурги должны гарантировать, что ожидания пациента реалистичны»¹⁵.

3.3. Эстетика тела и анестетика

Эстетические потребности исходят от человека как существа телесного, устремленного к многообразию чувственных удовольствий, но одновременно они требуют и смерти этого тела в практиках развлечения до смерти, косметической хирургии, заставляющей женщину создавать в соответствии с модой новое искусственное тело. «...Мы делаем ошибку, считая мертвым того, “кто не может совсем ничего произнести. В действительности мертв тот, кто уже не желает соблазнять или поддаться соблазну»¹⁶». Естественное тело отторгнуто от живущего по современным «нормальным» потребительским стандартам человека, но отторгнуто не в силу выдвижения этических или религиозных приоритетов в ценностной иерархии, предполагающей если и не «устранение», то преодоление телесного. Речь идет о жертве – естественном теле, которая кладется ради абсолютного подчинения телесности вездесущему эстетическому принципу, требующему иногда очень высокой степени аскезиса, однако с внерелигиозной целью, делая из тела материал для творчества и в еще большей степени предмет соблазна и удовольствия¹⁷ / «...Если трудящийся заживо отторгнут от себя самого

¹⁵ Mousavi S.R. The Ethics of Aesthetic Surgery // Journal of cutaneous and aesthetic surgery. 2010. Jan.; 3(1): 38–40.

¹⁶ Калницка Зд. Магия воды и женщины: Филос.-эстетич. заметки. Калуга, 2004.

¹⁷ Как пишет Б. Хюбнер, «богоугодная жизнь в метафизические времена требовала меньших жертв и была гуманнее, чем мужеугодная в условиях нынешних эстетических ожиданий» (см.: Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / пер. с нем. Минск: ПроPILE, 2000. С. 61.

под знаком эксплуатации и принципа реальности, то женщина-то заживо отторгнута от себя и от своего тела под знаком красоты и принципа удовольствия!»¹⁸. Как отмечал Ж. Бодрийяр, труд модный, равен труду материальному, это своего рода разработка собственного тела «по законам пола и моды»¹⁹. Речь идет как бы о гиперчувствительности к возделыванию, окультуриванию телесности: тело, данное в его диком, «неодомашненном» статусе вызывает реакцию отторжения, оказывается эквивалентным хаосу, рассматривается как неуправляемый объект, которому должны быть приданы черты космоса (например, через косметику, эстетическую хирургию, бодибилдинг и другие практики).

Тело окультуривают болью. «Спасая» его, приносят в жертву техникам и технологиям, получая на выходе воплощенное в плоти произведение искусства. Современные технологии в области эстетической хирургии, так же как и техники бодибилдинга, получают мощный импульс своего развития в ситуации притупления боли и спонтанной реакции чувств среднестатистического человека. Анестезия в пластической хирургии (так же как и игнорирование физического дискомфорта при занятиях бодибилдингом) раскрывают культурно обусловленные характеристики эстетического конструирования как женского, так и мужского совершенного тела, его внутреннюю интенцию: «Играть в боль, делать боль эстетическим событием»²⁰.

Место врача, устраняющего страдания, занимают эстетический хирург и анестезиолог, их оправдывающий и провоцирующий, своей деятельностью и возвышая боль, и переводя ее в сопутствующий продукт неотъемлемого от

¹⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 187.

¹⁹ Там же. С. 187.

²⁰ Димура И.Н. Красота и боль: практики присутствия // Вестник Академии русского балета имени А.Я. Вагановой. 2014. № 5. С. 60.

жизни современного человека коммерческого продукта – красоты, реализующий анестетический проект современной эстетики, объектом которого является бесчувствие, паралич чувств.

Косметическая хирургия – многомерное явление, не поддающееся однозначной социально-этической оценке. Ею в духе ригористической морали можно пренебрегать, полагая хирургическое вмешательство с целью обретения красоты и улучшения тела – надуманной проблемой, артикулированной только у человека, ориентированного на внешний, чувственный модус бытия. У тех, кто, как правило, не ограничивается одной операцией и в итоге не может остановить свой гипертрофированный перфекционизм вообще, впадая в депрессию от неудовлетворенности собственной внешностью. В то же время нельзя игнорировать, то обстоятельство, что кажущиеся надуманными переживания по поводу собственной внешности способны вылиться в страшные трагедии, боль и отчаяние, вызвать стигматизацию, привести к суициду. Приведу слова одной женщины, которая стояла на грани суицида вследствие того, что ей не хотели провести коррекцию размера ее чрезмерно большой груди в течение 25 лет: «Я не хочу выглядеть, как топ-модель. Я всего лишь хочу быть похожей на нормального человека, чтобы надо мной не смеялись»²¹.

Медицина в отношении осуществления пластических эстетических манипуляций вынуждена вести двойную игру: то проявляя осторожность в отношении права пациента на изменение своей внешности, то занимая жесткую патерналистскую позицию, решая за пациента, какой телесной норме он должен соответствовать. Одной из ключевых проблем здесь является проблема использования методов

²¹ См.: *Knight, Rhona. Cosmetic surgery*. Режим доступа: http://admin.cmf.org.uk/pdf/cmffiles/52_cosmetic_surgery.pdf.

пластической хирургии в области трансформации пола. Приведу конкретный пример, касающийся медицинских действий при наличии у человека мужских и женских половых признаков (что описывается понятием интерсексуальности). В отношении пациентов с мужскими и женскими половыми признаками в большинстве стран мира, как правило, на основе педиатрического принципа «определения пола для всех»²² каждому ребенку должен быть присвоен пол, ребенок должен быть определен как мальчик или девочка. При внешних очевидных отклонениях от «нормы пола», совершается хирургическая операция, их устраняющая.

В отношении гендерно-половой идентификации врачебное сообщество выступает носителем истины, которая не терпит промежуточных вариантов при определении пола, и если социум со временем (конечно же, в зависимости от общественных устоев) может предоставить право выбора и пола, и гендера, то в отношении детей, до достижения совершеннолетия, при отсутствии определенности пола, она конструируется средствами биотехнологий, порождая варианты *хирургически упрощенных индивидов*. Какое отношение имеет к этому эстетическая хирургия? Дело в том, что в отношении интерсексуалов нормирование, обретающее форму хирургической операции, выступает как эстетическая, косметическая практика, скрывающая дефекты, здесь медицина выступает в функции не столько лечения, сколько косметического «усовершенствования» человека. Последствия для индивида могут быть самые разные: от полного отождествления с определенной врачами гендерной ориентацией до ее абсолютного неприятия. Решения, касающиеся медицинского вмешательства в тело интерсексуалов, отражают трагедию выбора между попыт-

²² *Gerald N. Callahan. Between XX and XXI: intersexuality and the myth of two sexes. Chicago Review Press, 2009. P. 116.*

кой быть самим собой (сохранив свое телесное инакобытие) и адаптацией к гендерно-эстетическим канонам телесности, поддавшись медицинскому нормированию.

3.4. Перспективы развития пластической хирургии: к поиску альтернатив

Как было показано выше, развитие эстетической хирургии связано с решением целого комплекса этических и антропологических проблем, вызывающих дискуссии о таких философских категориях, как благо, справедливость, автономия, идентичность человека и т.д. Огромный моральный пласт проблем касается прояснения целей косметической хирургии, разграничения практик эстетического совершенствования и терапевтического вмешательства. Пластическая хирургия развивалась и развивается, успешно решая терапевтические задачи. Вспомним о том, что мощный импульс развитию пластической хирургии был дан после первой мировой войны, в ту пору изувеченные солдаты обращались за помощью к хирургам с просьбой восстановить и утраченные функции, и внешний вид повреждённых частей тела. Тогда пластическая хирургия давала мощный терапевтический эффект для души и тела больного, она имела дело не с нормально функционирующей телесностью человека, которую нужно было всего лишь усовершенствовать, но с изуродованным телом. Современная пластическая хирургия в своей эстетической ипостаси во многом отошла от реконструктивной и терапевтической направленности. Однако дело не обошлось без парадоксов. Например, не так давно в сводках медицинских новостей появилась информация о том, что в процессе развития эстетической хирургии, «по данным последних исследований, проведенных в США, было установлено, что лифтинг верхней трети лица может помочь страдающим мигренью

и устранить непрестанную головную боль»²³. Страдающие от мигрени пациенты начинают использовать пластическую хирургию сугубо в медицинских целях, используя ее потенциал не только для обретения молодости и красоты, но и для возвращения утраченного здоровья.

Перспективы дальнейшего развития пластической хирургии могут быть связаны как с совершенствованием хирургических техник и открытием новых возможностей их применения, так и с появлением новых технологий, заставляющих полностью изменить представление об эстетическом конструировании человека. На этот раз речь пойдет преимущественно о мужском гендерном аспекте.

Упомяну об одном инновационном открытии, связанном с использованием генетических технологий в маскулинном гендерном ракурсе. Речь идет о возможностях использования генетических технологий (имеется в виду генная терапия) для увеличения мышечной массы. Изначально подобный вид помощи являлся медикаментозной терапией для таких заболеваний, как мышечная дистрофия, связанная с возрастом саркопении, ВИЧ и СПИД и раковая кахексия. Для современного бодибилдинга открываются новые перспективы: выраженная маскулинность будет формироваться не посредством длительных и зачастую непосильных тренировок, сопровождающихся усиленным вниманием к усовершенствованию собственного тела, но, возможно, путем генетических манипуляций, задающих план развития физически выносливого, атлетически сложенного индивида. Сквозь генетическую оптику мы будем иметь дело с культивированием «внутренней» красоты, которая с технологической неизбежностью обретет свой внешний план.

Еще один аспект, раскрывающий перспективы развития эстетической хирургии, связан с возможностями исполь-

²³ Может ли пластическая хирургия вылечить постоянную головную боль? Режим доступа: <http://oplastike.com/article/mozhet-li-plasticheskaya-hirurgiya-vy-lechit-postoyannuyu-golovnyuyu-bol>.

зования технологий и артефактов в качестве средств эстетической модификации. Обращу внимание на пример, иллюстрирующий данную тенденцию, – нашумевшее вживленное в руку «ухо» автора перформансов, профессора Питтсбургского университета Стелларка. Предыстория появления подобного уха, являющегося не просто технологической инновацией, но и эстетическим объектом, достаточно прозрачна и связана с именами американских ученых Джозефа Ваканти и Роберта Лангара, которые использовали биорасщепляемые полимеры в качестве каркаса для развивающейся ткани. Созданное ими ухо из полимеров было покрыто клетками хряща человека и вшито под кожу мыши. Мышь же была своеобразным биореактором, обеспечивающим жизнедеятельность клеток уха. Данную технологию предполагалось использовать для помощи людям с врожденными дефектами лица. То, что осуществил Стелларк, было актом освобождения объекта от сети прагматических коннотаций. Технологический артефакт трансформируется в объект искусства только тогда, когда утрачивает практическую ценность, становится нефункциональным (ухо Стелларка не слышит), вызывает интерес сам по себе, а не в связи с решением каких-то внешних задач.

Художник Дмитрий Булатов отмечает: «Третье ухо Стелларка демонстрирует нам пример как раз такой нефункциональности. Сознательная незавершенность его проекта на уровне идеи с научной точки зрения (ухо не слышит) говорит нам о том, что именно запрограммированная нефункциональность третьего уха, только по форме являющегося таковым, а по сути и внутренней конструкции не предназначенного для улавливания звука, и есть то, что делает его фактом искусства»²⁴. Произведения Стелларка,

²⁴ Булатов Д. Если бы Ван Гог жил – он бы умер. От зависти // Независимая газета. 2005. № 25. (3421) 9 февр. Режим доступа: http://www.ng.ru/science/2005-02-09/15_ears.html.

таким образом, представляют объекты, неутилитарный характер которых обнаруживает признаки эстетического объекта.

Ухо Стеларка очередной раз обнаружило гротескность некоторых практик пластической хирургии, когда во главу угла ставится избыток, излишество как порождающие принципы (об этом шла речь выше). Сами пластические хирурги в связи со случаем Стеларка указывали на отсутствие медицинской необходимости для осуществления подобной акции, осуждая деятельность своих коллег. Вместе с тем Стеларк закрепил новый тренд в развитии пластической хирургии, связанный с вживлением бесполезных, имитирующих части человеческого тела биотехнологических артефактов, «полуживых объектов», созданных из человеческих биоматериалов. Он также обозначил перспективу формирования онтологии будущего человека как технологического проекта, киборга.

3.5. От культуры соблазна к кибер-освобождению

Культура соблазна, в рамках которой происходит инструментализация женского тела и конструирование его в соответствии с желаниями заказчика, трансформируется в культуру кибер-освобождения, в контексте которой тело предстает одновременно и как объект искусства, и как продукт технологий. Это тело все сильнее отчуждается от человека, воплощая идеал совершенного (прекрасного) безличного технического устройства, как бы указывающий на то, «как прекрасен мир без человека, функционирующий как идеальная самоуправляющаяся система»²⁵. За со-

²⁵ *Бохоров К.* Болезненный примат этического. Режим доступа: <http://scimuseum.ru/scienceartfest/esse/17-all/ru/archive/scienceartfest/29-bokhorov>.

временными практиками эстетического улучшения человека скрывается не только (и, возможно, не столько) ориентация на удовлетворение индивидуальных потребностей в изменении параметров внешнего облика, на достижение привлекательности, атлетических навыков и т.д., но прежде всего процесс жесткого нормирования и стандартизации, в контексте которого интересен не человек как таковой, но его вписанность в систему стандартов, обеспечивающих соответствие тому или иному канону красоты. И в этом отношении эстетические технологии улучшения действительно направлены на элиминацию человеческого как тленного, несовершенного, преходящего, наполненного недостатками.

Созданный культурой потребления бесконечно разнообразный мир вещей дополняется миром микроскопических гаджетов, миром вещей такого размера, который приближается к миру невидимых сущностей, к миру идей, миру математических величин. Универсум математических величин грозит затмить универсум мира вещей, преобразить само понятие вещи – от того, что доступно чувственному взору, – к тому, что будет ему недоступно, но будет не менее реально в эффектах, проявляемых по-новому сконструированной вещностью, а потому не менее артефактно.

Процесс киборгизации эстетического идеала проявляется в нескольких тенденциях: использование цифровых технологий (например, получившей широкое распространение программы Photoshop) в целях создания идеалов (идолов) красоты. Женщины не просто обретают новые лица и тела, но облачают себя в математические, а значит, постчеловеческие, модели этих тел. «Когда застывшие протогенные образы со страниц модных журналов или рекламных плакатов становятся образцами, по которым лепятся сами люди, наступает наивысшая степень отчужде-

ния, – пишет Ивэн. – Человек чувствует себя все неудобнее и неудобнее в своей собственной оболочке»²⁶.

М. Дери в работе «Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков» очень точно замечает: «В переносном, поэтическом смысле художники-авангардисты уже применили постмодернистское цитирование к человеческой анатомии»²⁷. Действительно, цифровые технологии предоставили возможность манипуляции образами человека. Конструирование и улучшение человека – практика, с которой имеет дело современная индустрия красоты, в своем основании глубоко математична и деперсонализована. Так, идеальные лица, заложенные в программное обеспечение пластических хирургов, фактически являются математическими матрицами красоты, которые определяют внешний облик конкретного человека, улучшают его, стандартизируя.

Процесс конструирования, затрагивая глубинные основания культуры, может носить провокационный и даже комичный характер. Трансгрессивные формы улучшения внешности отражают гротескный характер современной культуры.

Рассмотрю несколько примеров улучшающего воздействия, которые являются показательными в плане демонстрации определенной самоиронии культуры как неотъемлемого кода, возникшего в ответ на избыточность и, возможно, пресыщение морфологической свободой, свободой модификации форм и материи (тел), к которой имеют отношение эти формы.

²⁶ Цит. по: *Дери М.* Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков / пер. с англ. Т. Парфеновой. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. 478 с. Режим доступа: <http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html>.

²⁷ Там же.

Не так давно в американской газете «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья о китайском художнике Zhang Wei, который в своем творчестве, используя всем известную программу Photoshop и основываясь на принципах компьютерной игры Artificial Girl 3, создавал виртуальные портреты, соединяя различные части лиц известных личностей, таких как Мэрилин Монро, Стив Джобс, Брюс Ли, Джон Леннон, Владимир Ленин, отмечая при этом, что неизвестные и известные становились частями друг друга²⁸. «Нью-Йорк Таймс» ограничилась кратким освещением творчества Zhang Wei и не акцентировала внимание на широких социокультурных и естественнонаучных коннотациях.

Между тем, творчество Zhang Wei охарактеризовало современную культуру как процесс бесконечного комбинирования элементов, как своего рода игровой мутагенез, порождающий множество форм на основе заданных математикой (информационными технологиями) узнаваемых стандартов. Кроме того, Zhang Wei имел дело с идеальными лицами (образцами) и их частями, заложенными в компьютерные программы. Лица и их части выступали кирпичиками, деталями, образующими немислимое целое. В сфере художественного творчества Zhang Wei фактически действовал так же, как действовал бы синтетический биолог в поле творчества научного. Он также стремился породить новые формы жизни, смешивая части-кирпичики, на которых держалась эта жизнь.

Развитие синтетической биологии подразумевает использование биологических компонентов для разработки живых систем. Биологические компоненты должны быть

²⁸ Elvis, Madonna and Mao: Exploring Identity in China. Режим доступа: <http://lens.blogs.nytimes.com/2016/06/23/elvis-madonna-and-mao-exploring-identity-in-china/>.

хорошо исследованы и предсказуемы в проявлении своих качеств. В основе синтетической биологии лежит процесс стандартизации. Х. Новотны и Дж. Теста пишут: «Поведение компонентов новой системы не будет достоверно предсказуемо в любой степени, пока они не были произведены на основе известных качеств и общезначимых норм – как части, которые были определены с помощью стандартных измерений в стандартных экспериментах и которые поэтому сами стали стандартами, вокруг которых может быть организован дизайн новой жизни»²⁹. Именно наличие стандартизированных деталей ДНК (десятков, тысяч букв ДНК) позволяет конструировать и перепрограммировать живые организмы с новыми функциями, не встречающиеся в природе.

Именно наличие стандартизированных лиц позволило художнику Zhang Wei конструировать новые лица и новые типажи внешности, вызывающие шквал эмоций, аналогичных тем, какие вызывают всякие гибридные формы жизни, совмещающие несовместимое.

Другой, не менее интересный пример представляет проект художницы Орлэн, занимающейся модификацией собственной внешности. В рамках проекта «Окончательный шедевр: реинкарнация святой Орлэн» она, используя помощь пластических хирургов, превращала свое лицо в легко узнаваемый артефакт, где отражались черты лица знаменитостей. Фактически Орлэн намного раньше Zhang Wei использовала прием комбинации элементов внешности, используя информационные технологии (пластические хирурги имели шаблоны внешности знаменитостей на своих компьютерах).

²⁹ *Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 2010. P. 92.*

Нечеловеческий масштаб проекта был обусловлен не только фактором искусственности ситуации (моделирование внешности происходило под контролем загруженных в компьютер эстетических шаблонов), но и тем, что гибридная внешность Орлэн, с одной стороны, была сугубо индивидуальна (никто не решался на такого рода эксперименты), с другой – абсолютно типична, отражая коллективное бессознательное современной культуры, клубок интенций, направленный не просто на улучшение человеческого тела, но на достаточно жестокое болезненное обращение с ним, пренебрежение телом.

Американская писательница Н. Вульф в своей известной книге «Миф о красоте» сравнивает современные практики эстетического конструирования женского тела с пытками инквизиции, в частности с использованием такого орудия пыток, как «железная дева» (когда человек запирался в железный шкаф в виде женщины с острыми шипами внутри). Эстетическое конструирование телесности не ограничивается облегченными и доставляющими исключительно радость вариантами. Она требует боли, аскезиса и риска. И в этом отношении ушедшая в прошлое практика бинтования ног оказывается ничем не мягче (а подчас и жестче) техник пластической хирургии. Культура лишь варьирует техники преодоления естественности, оставляя неизменной самую существенную их характеристику: испытание страданием.

Н. Вульф пишет: «Мы продолжаем верить в существование некой точки, где пластическая хирургия удерживается в пределах естественных границ, в эдакий образ “совершенной женщины”... Однако это не так. “Идеалу” всегда было тесно в женских телах, благодаря технике теперь он может себе позволить сделать то, чего от него так долго ждали: навсегда покинуть женское тело и воспроизводить

его черты в пространстве. Женщина больше не является “точкой привязки”. “Идеал” в конечном счете становится абсолютно нечеловеческим. (...) Пятьдесят миллионов американцев смотрят конкурс “Мисс Америка”. В 1989 г. пять конкурсанток сделали себе пластическую операцию у одного и того же хирурга из Арканзаса. По сути своей, женщины сравнивают себя, а юноши сравнивают своих девушек с новым видом, который есть не что иное, как гибрид, неженщина»³⁰. Таких гибридов М. Дери называет «морфами»³¹. Живые морфы – потомки морфов, с которыми сталкиваются в компьютерных играх современные подростки и многие взрослые-геймеры. Именно в пространстве виртуальных игр реализуются самые смелые эксперименты с телом, самые яркие проявления морфологической свободы. Как отмечает М. Дери, «морфингу подвержено все, что в принципе может быть введено в виде нулей и единиц в память компьютера. Благодаря морфингу человеческие тела становятся жидкими, превращаясь в текучую духовную субстанцию, способную заполнить собой любой сосуд»³².

Обратим внимание на Орлэн: ее действия по радикальной модификации собственной внешности направлены не

³⁰ Вульф, Н. Мифы о красоте // Дери М. Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков / пер. с англ. Т. Парфеновой. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. 478 с. Режим доступа: <http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html>

³¹ Дери М. Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков / пер. с англ. Т. Парфеновой. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. 478 с. Режим доступа: <http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html>.

³² Дери М. Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков / пер. с англ. Т. Парфеновой. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. 478 с. Режим доступа: <http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html>.

только на достижение эстетических эффектов, но прежде всего на отказ от тела, то есть нечеловеческое по своей сути предприятие, киборгизацию человека. Такие высказывания Орлэн, как: «тело – это платье», отражающие интенцию на расширение формата морфологической свободы, близки трансгуманистическим идеям о преодолении телесного и человека как такового. Вместе с тем технократический прогресс, который подпитывает подобные высказывания и дерзость мысли Орлэн, вполне может быть осмыслен в духе Н. Вульф: но разве можно назвать прогрессом то, что представители обоих полов превращаются в товар и оцениваются как предметы?³³ К слову, либерально настроенная Орлэн, выступая против многочисленных фетишей индустрии красоты, не гнушалась продавать себя весьма своеобразным образом: выставляя как товар свой жир, удаленный во время пластических операций.

³³ Вульф Н. Миф о красоте: стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 445 с.

ГЛАВА 4

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМ (ENHANCEMENT)¹

4.1. Моральное улучшение и проблема биотехнологического усовершенствования человека: постановка проблемы

4.1.1. Определение понятия биотехнологического усовершенствования человека («enhancement») и классификация технологий усовершенствования человека

На протяжении всего своего существования человечество эволюционировало, подчиняясь законам нормирования. Так, например, реагируя на отклонения от нормы, человек пытался восстановить утраченное здоровье или же, ориентируясь на стандарт дееспособного человека, вгонял себя в жесткие рамки образовательных стандартов².

В отличие от практик воссоздания нормы, характерных для медицинской деятельности и системы образования, (подробнее об этом шла речь в Главе 1), практики проектирования и конструирования человека носят глубоко но-

¹ При написании главы использованы результаты исследований, полученных при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-03-00818.

² Юдин Б.Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 13.

ваторский характер, они ориентированы не на наличные образцы, а задаются действующей силой воображения, например стимулируемой неким идеалом совершенства, куда входят такие параметры, как обретение силы, выносливости, усиление внимания, повышение физической привлекательности и т.д. и в потенциале – обретения бессмертия. Человек может помыслить себя принципиально иначе, чем он мыслит о себе сейчас. Почему бы ему не жить лет 150, иметь всегда подтянутую кожу, мышцы или какие-либо другие атрибуты совершенства, без которых сложно будет представить «норму» будущего человека? Утопический формат подобных представлений постепенно становится демократическим: такого рода идеалы предполагается сделать доступными вследствие активного развития технологий усовершенствования человека.

Широкое определение термина «enhancement» подразумевает биотехнологические вмешательства, призванные улучшить человеческую природу, не всегда имеющие отношение к целям поддержания или восстановления человеческого здоровья. Цель такого улучшения – сделать человека совершеннее своего нынешнего понимания совершенства. Мы все в той или иной мере совершенствуем себя в различных видах деятельности, превосходя самих себя на множестве жизненных путей. Технологии «enhancement» являются способом увидеть себя в новом неожиданном ракурсе «сверхчеловека».

Существуют различные варианты перевода термина на русский язык: улучшение, усиление, усовершенствование, расширение. Технологии улучшения человека (Human Enhancement Technologies) направлены на изменение формы тела или его функций, изменение состояния мозга или настроения, изменение ментальных или физических функций в результате размещения инженерных или электронных систем в человеческом теле и т.д.

В последние годы исследование проблемы улучшения человеческих качеств получает мощную институциональную поддержку. Образуются инициативные группы, которые интересуют те или иные вопросы совершенствования человека. Среди них, например, группа по технологиям усовершенствования (the Enhancement Technologies Group), основанная Советом по социальным наукам и гуманитарным исследованиям Канады³, Институт этики и эмерджентных технологий (The Institute for Ethics and Emerging Technologies)⁴, группа по этике и эмерджентным наукам (Ethics+Emerging Sciences Group)⁵. На международном уровне обсуждаются научные, этические и теологические аспекты проблемы расширения человека⁶, проблемы влияния расширения человеческих качеств на сферу занятости⁷.

В академическом философском сообществе проблема расширения человеческих качеств также является одной из

³ См.: <http://www.ucl.ac.uk/~ucbtadag/bioethics/> Занимается исследованиями в области: 1) ментального усовершенствования человека; 2) исследованиями в области генетики и старения; 3) вопросами гендерной идентичности.

⁴ См.: <http://ieet.org/> Группа исследует социальные проблемы развития технологий.

⁵ См.: <http://ethics.calpoly.edu/>. Группа основана в Калифорнийском политехническом государственном университете (California Polytechnic State University), фокусируется на исследованиях риска, этических и социальных последствиях развития эмерджентных наук и технологий.

⁶ См.: *Beyond Therapy. Biotechnology and the Pursuit of Happiness* (A Report by the President's Council on Bioethics). 2003, а также международные доклады и материалы сессии Совета церквей СЕ: Human Enhancement. Scientific, Ethical and Theological Aspects from a European Perspective. Edited by T. Boer and R. Fisher. Church and Society Commission of the Conference of European Churches, 2013. 298 p.

⁷ Human enhancement and the future of work (Report from a joint workshop hosted by the Academy of Medical Sciences, the British Academy, the Royal Academy of Engineering and the Royal Society), 2012.

наиболее обсуждаемых и вызывающих огромный исследовательский интерес. В работах С. Фуллера⁸, Бьюкенера⁹, Дж. Харриса¹⁰ приводятся аргументы за и против технологий улучшения человеческих качеств, демонстрируется, что проблема совершенствования человека порождает новые сценарии социальных отношений, по-новому переосмысливает такие традиционные этические категории, как «справедливость», «благо», «автономия», и соответственно проблематизируя этическое самопонимание субъекта.

Какие технологии могут быть отнесены к технологиям совершенствования человека? Ответ на этот вопрос далеко не однозначный. Можем ли мы, например, считать, прием таблетки от головной боли, улучшающей наше самочувствие, настроение и повышающей нашу трудоспособность, такой технологией? На подобного рода вопросы следуют отрицательные ответы. Сущность технологий совершенствования человека, как правило, не связывают с терапевтическими целями, хотя, безусловно, провести границу между терапевтическим и нетерапевтическим вмешательством подчас бывает очень сложно.

Приведу одну из классификаций технологий усовершенствования человека (табл. 1).

В своем пределе любая технология улучшения человеческих качеств, даже если ее целью является достижение терапевтического эффекта, направлена на радикальное увеличение продолжительности человеческой жизни.

⁸ Fuller, S. *Humanity 2.0. What it Means to be Human. Past, Present and Future.* Palgrav Macmillan. Режим доступа: http://ebookey.org/Humanity-2-0-What-it-Means-to-be-Human-Past-Present-and-Future-Steve-Fuller_1576599.html.

⁹ Buchanan, Al. *Enhancement and the Ethics of Development* // Kennedy Institute. *Journal of Ethics*, 2008. 18: 1-34.

¹⁰ Harris, J. *Enhancing Evolution: The Ethical Case for Making Better People.* Princeton: Princeton University Press, 2007.

4.1. Моральное улучшение и проблема биотехнологического...

И именно с этой целью связан значимый для нашей эпохи феномен: человек, стремясь радикально увеличить продолжительность своей собственной жизни, оказывается готов к радикальному преобразованию своей собственной природы, формируя из нее топос непрерывного социального предопределения.

Таблица 1

Применение технологий совершенствования человека в различных областях¹¹

Название	Функция	Пример	Доступность
Психофармакология	Изменение состояния мозга или настроения	Прозак (улучшает настроение) Риталин (увеличивает концентрацию) Провигил (обеспечивает длительное бодрствование без сна)	В настоящее время доступно; развиваются другие исследования, например касающиеся блокады аппетита
Другие фармакологические действия	Изменения формы тела или его функций	Гормон роста, Виагра (мужские сексуальные функции); эритропоэтин (атлетический облик); стероиды (мышечная масса)	Все в настоящее время доступны

¹¹ Miller, P., Wilsdon, J. Stronger, longer, smarter, faster // From smart pills to designer babies and extended life spans, technology now promises to transform our very nature... Better Humans? The politics of human enhancement and life extension. Demos. P. 13. Режим доступа: demos.co.uk/files/betterhumansweb.pdf.

ГЛАВА 4. Технологический перфекционизм (enhancement)

Продолжение таблицы 1

Название	Функция	Пример	Доступность
Косметическая хирургия	Изменение формы лица или физического вида		В настоящее время приобрело широкое распространение
Преимплантационная генетическая диагностика	Позволяет осуществить выбор эмбрионов с определенными генетическими качествами	Болезнь Хантингтона. Муковисцидоз	Доступны для нескольких десятков заболеваний, разрабатываются новые виды генетических тестов
Гено-терапия	Изменяет генетический профиль определенных клеток тела	Соматическая терапия – различные экспериментальные виды лечения	Терапия на уровне зародышевых клеток доступна как инженерия генетически модифицированных растений, животных, эмбрионов мышей, соматическая генная терапия используется в некоторых видах экспериментального лечения. Терапия на уровне зародышевых клеток человека в настоящий момент запрещена законом в Великобритании, хотя Комитет по науке и технологиям

4.1. Моральное улучшение и проблема биотехнологического...

Окончание таблицы 1

Название	Функция	Пример	Доступность
			Палаты представителей британского Парламента рекомендовал одобрить это в исследовательских целях
Кибернетика	Изменение ментальных или физических функций с помощью имплантации инженерных или электронных систем в человеческом теле	Исследования Кевина Уорвика в Reading University, посвященные взаимодействию человек – компьютер	Проводятся активные исследования
Нанотехнологии	Подобно кибернетике, однако используя еще более высокий уровень миниатюризации	Нано-устройства, которые уничтожают раковые клетки или восстанавливают стенки клеток	В соответствии с оценкой Королевского общества Великобритании будет доступен по меньшей мере через 10 лет
Радикальное увеличение продолжительности жизни	Комбинация техник, позволяющая увеличить продолжительность человеческой жизни до 150 лет и более	Теоретические возможности, горячо обсуждаемые такими учеными, как Aubrey de Grey и S Jay Olshansky	Даже в соответствии с самыми оптимистическими предсказаниями (de Grey) предполагается, что мы в 25 годах от научного прорыва

Человек в современном мире является не константой, а результатом конвенции, связанной с технологиями приписывания и отзыва имени «человек»¹².

В рамках рассматриваемой мною темы уместно вспомнить о том, что биотехнологическое улучшение «полноценных» людей происходит благодаря инструментальному использованию телесности тех, кто по каким-то критериям не считается полноценным человеком, или же чья жизнь не удовлетворяет критериям жизни, которую следует поддерживать. Например, называя пациента с диагнозом смерти мозга «артефактом технологической поддержки», «овощем», «растением», мы в духе инструментальной рациональности способствуем прагматической цели использования органов для улучшения состояния здоровья нуждающихся. Именуя человеческое существо «преэмбрионом», даем возможность ученым осуществлять над ним исследовательские манипуляции в легитимной перспективе и т.д. Переходя в рассуждениях о человеке от персональной «грамматики» к грамматике «вещи», «артефакта» и т.д., мы используем дискурсивное пространство как инструмент легитимации каких-либо действий по отношению к человеческому существу. Исторически складывается так, что наделяя человека в соответствии с определенной нормой человеческого именем «человек», мы отказываем в наделении человеческим статусом тому, кто этой норме не соответствует, наделяем его именами, уничижающими человека. Это в полной мере касается и проблемы усовершенствования, улучшения человека. Однако в контексте радикального применения этих технологий само понятие «человек» становится понятием, которое нужно преодолеть, наполняясь негативными коннотациями, отсыла-

¹² Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/t/pt.htm>.

ющими к болезни, недостаточности, неполноценности. Все силы мысли и действий направляются на их преодоление, фактически на ликвидацию человека, создание человека нового, усовершенствованного. Для него создаются новые имена: «неочеловек», «аватар», «постчеловек», «киборг» и т.д.

Развитие биотехнологий способствовало формированию взаимозависимости между физическим, интеллектуальным и моральным улучшением. При этом возникает взаимопереплетение целей и средств подобного улучшения человека. Человеку стремятся не просто улучшить физические способности, но способствовать улучшению его социального статуса, развитию профессионализма, успешной адаптации в обществе. Смешение этих феноменов стало возможным в свете редукционистских представлений о человеке как машине, ремонттопригодной системе, функционирование которой в любых локусах социальной жизни можно улучшить технологическим путем. Как справедливо отмечает Th. Murray, родители, которые дают гормон роста своим детям, не просто модифицируют их физические качества: «Высота сама по себе не является конечной целью. Целью становится повышение вероятности того, что хорошая и полноценная жизнь ребенка не будет омрачена дискриминацией или неоправданной трудностью навигации по миру. Это не тривиальные заботы для родителей, которые хотят подготовить своего ребенка к взрослой жизни»¹³.

Этическая проблематизация технологий улучшения человека будет осуществлена мною на посредством акцентирования внимания на ряде парадоксов, выделенных и

¹³ Murray, Th.H. Enhancement. The Oxford Handbook of Bioethics. Edited by Bonnie Steinbock. Oxford University Press, New York, 2007. P. 492.

исследованных польским философом В. Татаркевичем¹⁴. Согласно одному из них, «наивысшим совершенством является несовершенство». Согласно второму, «совершенство есть знание человека о его несовершенстве»¹⁵. Первый парадокс связан с необходимостью и оправданностью «бесконечной перспективы на улучшение»¹⁶, несмотря на то что коннотации понятия совершенства отсылают к завершенности, законченности, полноте. Как объясняет данный парадокс А.В. Прокофьев, «в динамике морального сознания, которая определяется идеей принципиальной недосыгаемости нравственного идеала, находят свое законное место оба описанных выше парадокса совершенствования. То, что требует от нас мораль по отношению к другому человеку, легко превращается в вечно удаляющийся горизонт, приближение к которому требует потенциально бесконечного процесса самопреобразования. И даже если поведенческий минимум, заданный требованиями морали, можно представить себе выполненным, то работа над собственным характером и эмоциональными диспозициями не может закончиться никогда. Отсюда вполне логично следует вывод о том, что даже самый продвинутый в нравственном отношении индивид должен воспринимать свой характер и свое поведение как проявление морального несовершенства»¹⁷.

Человека можно исследовать и постигать исходя из различных перспектив. И этическая перспектива является одной из тех, которые исторически рассматривались в ка-

¹⁴ *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. С. 344–349.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Прокофьев А.В.* Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород, 2006. С. 59.

¹⁷ Там же.

честве наиболее важных для демонстрации аутентичности человеческого бытия. Она позволяла выделить в человеке человеческое, закрепив в нем сущностные характеристики, связанные с превосходением самого себя, устремлением к высшему благу (совершенству). Моральное совершенствование неизбежно предполагает автономную стратегию самопреобразования, качество, которое существенно отличает его от многих других видов человеческой деятельности, предполагающих, например, выполнение социальных функций под воздействием различного рода внешних детерминант: «Если продвижение к совершенству навязано извне или является результатом автоматического, рутинизированного воспроизведения поведенческих образцов, то оно теряет свое качество, превращается в нонсенс»¹⁸. Моральное совершенство не должно навязываться извне, оно является результатом внутренней работы по преобразованию самого себя, своего рода «заботы о себе».

В сфере самосовершенствования человек необходимо возвышается над повседневностью, внутренне освобождается от зависимостей (материальных, социальных, психических). И хотя по своим непосредственным предписаниям мораль может и совпадать с некоторыми из внешних принудительных факторов, она недвусмысленно аннулирует их субъективную значимость»¹⁹.

В развивающихся сейчас интенциях, направленных на разработку биотехнологических методов морального усовершенствования человека, автономное самосовершенствование редуцируется до механистического восприятия себя как плохо работающей биологической машины, которую необходимо починить, свобода самосовершенствования превращается в добровольное согласие на совершение

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

этой починки, то есть осуществление биомедицинских манипуляций относительно человеческого тела, которые с необходимостью вызовут благоприятные и поддерживаемые индивидом социальные эффекты (например, он будет более спокойным, а значит, менее агрессивным, или будет склонным к большей эмпатии или же будет способен проявлять склонность к более продуктивному социальному взаимодействию и т.д.).

Отличие морального перфекционизма в классическом смысле от биотехнологического перфекционизма будет состоять в различии путей (способов достижения цели и используемых для этого инструментов) и в конечном эффекте, результате каждого из них. И если биотехнологический перфекционизм будет направлен на максимизацию пользы, то перфекционизм моральный максимизирует объективное качество личности²⁰.

Итак, моральное совершенствование предполагает преодоление собственной личности, подразумевает усилия, направленные на ее максимизацию, проявления ее потенциальных свойств в наиболее полном, завершенном виде. И этот путь преодоления невозможен без постоянной актуализации преодоления человеческого тела, без своего рода борьбы с ним. Моральное сознание с неизбежностью балансирует между двумя полюсами – полюсом воплощенного идеала морального совершенства, святости, на котором полностью подавлены чувственные порывы, и полюсом полного подчинения природному, телесному порядку, где соответственно приходится отказываться от координирующей и властной ипостаси разума. В этом последнем случае субъект исчезает, равняясь по онтологическому статусу с животными, его существование приходится исключать из-под воздействия моральных и юридических

²⁰ Там же. С. 60.

норм, которые обращены прежде всего к разумному существу.

Мораль есть способ измерения специфически человеческого как локализованного между трансцендентным, отдавшись которому человек растворяется и теряет свою индивидуальность, и природным, которое также парадоксально забирает из человека его человеческое, переводя его существование на уровень организма, живой вещи.

Кроме всего вышеперечисленного, следует обратить внимание и на то, что моральное совершенствование не осуществляется вдруг, вернее, если это «вдруг» и происходит и личность осознает переворот морального сознания, после которого невозможно жить, как прежде («на том стою и не могу иначе»), то все же он был бы невозможен без долгого пройденного пути, с его сомнениями, «падениями» и приобретением опыта нравственной жизни.

4.1.2. Базовые модальности оценки технологий улучшения человека: этические аспекты

В свете грядущего усиления человека нас глубоко должен затрагивать вопрос о новом месте человека в системе ценностей. Какими они будут? Сегодня в процессе трансформации социальной ткани бытия мы наблюдаем смещение на периферию ряда ценностей, которые были так значимы еще полвека тому назад. Например, вытеснено из обихода понятие «честь», его отчасти замещает, но не передает всех оттенков значений, понятие личностного достоинства. Уместны аналогии и с другими понятиями: «совестью», «добротой» и др. Моральный словарь не дан на века, он то пополняется новыми понятиями, то истощается, уступая прагматическому духу времени. Следует отметить, что технологии усовершенствования человека также совершают своего рода моральную ревизию, в ре-

зультате которой проверяется на прочность понятийный аппарат современной этики, ряд понятий оказывается невостребованным и отбраковывается, другим, наоборот, уделяется повышенное внимание. Так, редко кому приходит в голову усилить доброту или милосердие, преимущество отдается биотехнологическому улучшению таких качеств, как выносливость, терпение, стрессоустойчивость и др.

В свете развития биотехнологий резонным является следующий вопрос: какие из категорий этики и аксиологии будут представлять современный идеал совершенства, раскрывать образ совершенного человека, проект будущего? Биотехнологическим конструированием мы решаем не только конкретные насущные проблемы, но прежде всего формируем палитру культурных кодов, выстраиваем здание новых социальных отношений. В эпоху развития биотехнологий идея Ж.-П. Сартра о том, что человек есть не что иное, как его проект самого себя²¹, оказывается смещена прежде всего в область работы с физическим материалом, человеческим телом. Однако в процесс работы с этим материалом возникают онтологические искушения, обладающие накалом, ничуть не меньшим, чем любые другие экзистенциальные ситуации.

Например, у нас имеются технологии, позволяющие исследовать генетический материал у эмбрионов. Должны ли мы использовать эти технологии только с целью предотвратить заболевание или осуществлять «дизайн» детей? Или, например, у нас есть технологии, позволяющие увеличивать мышечную массу. Следует ли нам использовать их для лечения мышечной дистрофии или также в целях создания людей с хорошими атлетическими данными?

²¹ *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: о Опыт феноменологической онтологии / пер. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000.

Развитие технологий улучшения порождает предпосылки для развития кризиса социальности. Так, в сфере занятости возникает возможность новых форм конкуренции людей с усовершенствованными телами, обладающими возможностями повышенной работоспособности. Тесно связан с нею кризис на основе использования технологий улучшения человека в сфере репродуктивных отношений: дизайн детского населения, возможно, будет осуществляться с целью создания у детей новых качеств, позволяющих успешно включаться в конкурентные отношения. На повестке дня стоит проблема социальной и политической борьбы за «естественное равенство» тел нижнего класса, не подвергшегося влиянию улучшающих технологий.

Фактически современный трансгуманизм, представляя эссенциалистскую позицию в понимании значимости артефакта, отталкивается от наличия определенной дистинкции «между социальными и природными ресурсами как между ресурсами, распределение которых мы можем контролировать и не можем контролировать»²² и ориентируются на принцип компенсации ресурсов: путем использования социальных ресурсов (благ), то есть тех ресурсов, которые мы можем контролировать, добиться компенсации различий в ресурсах, которые мы не можем контролировать, то есть в естественных ресурсах²³, способствующих развитию у человека тех или иных способностей и создающих неравные предпосылки для достижения жизненных целей.

Всемирная трансгуманистическая ассоциация полагает, что «человеческий вид в его нынешней форме не отражает

²² См.: *Buchanan Al., Brock D., Daniels N., Wikler D. From Chance to Choice. Genetics and Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.*

²³ Там же.

конец нашего развития, но, скорее, являет относительно раннюю фазу развития». По мнению Курцвейла, масштаб улучшения будет возрастать по экспоненте, а не линейным образом. В середине 40-х гг. не-биологическая часть нашего разума будет в миллионы раз мощнее, чем биологическая часть.

Не следует считать, что рассуждения трансгуманистов являются всего лишь мысленными фантастическими экспериментами: в академической среде многих высокоразвитых стран их идеи начинают все больше восприниматься всерьез, а идея усовершенствования человека все сильнее обращает на себя внимание ведущих ученых. Например, директор Центра биоэтики в Университете Пенсильвании Артур Каплан настаивает, что новые технологии «enhancement» являются новым шагом к улучшению себя. Он подвергает критике так называемую теоретическую позицию анти-мелиористов, которые отстаивают определенную сущность, своего рода модель человека, неприкасаемое и неизменное ядро.

Точка зрения анти-мелиористов (по-другому, элиминативистов) представлена в известной аргументации немецкого философа Ю. Хабермаса, подчеркивающего, что этическое самопонимание формируется через восприятие себя как естественно вырастающего телесного бытия²⁴. Он подчеркивает, что моральные порядки защищают оба начала – «природу от телесных, а личность – от внутренних или символических повреждений»²⁵. Воплощение в теле заставляет личность проводить различие между действиями, которые мы приписываем самим себе, и действиями, кото-

²⁴ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. С. 9. Режим доступа: <http://kzdocs.docdat.com/docs/index-4311.html?page=6>.

²⁵ Там же.

рые мы приписываем другим. Телесное существование позволяет делать эти различия в перспективе лишь при условии, что личность **идентифицирует себя со своим телом**. Эта идентификация подразумевает, что личность должна воспринимать свое тело как нечто естественно вырастающее – как продолжение органической, самой себя регенерирующей жизни²⁶.

Манипуляции с генетическим кодом в доличностной жизни, с точки Ю. Хабермаса, способны породить «негарантированность видовой идентичности человека», следствием чего будет трансформация самопонимания в сторону восприятия себя в качестве дизайнерского продукта. Этическая позиция Хабермаса фундирована на феноменологическом различии, сделанном Г. Плесснером, – между «Leib sein» и «Körper haben» – «быть телом» и «иметь тело». Соматическое единство человеческой личности («Leib sein») связано со спонтанным отношением к самому себе, правильное самопонимание формируется через восприятие себя как естественно вырастающего телесного бытия. Это и значит быть самим собой. Еще один пример ярко выраженного протеста против технологий улучшения является позиция Г. Йонаса. Он вводит аксиому запрета на попытки осуществлять направленную эволюцию. В одном из своих интервью он выразил резко негативное отношение к попытке осуществления направленной эволюции: «Когда высокоинтеллектуальные люди утверждают, что мы должны взять в свои руки собственную эволюцию и создать будущих людей в соответствии с собственным пониманием, я реагирую на это негативно и пытаюсь показать, что это в этическом понимании (то есть в метафизическом, а не в понимании обычной гражданской морали) является безответственным. Мое “нет” этому является чересчур катего-

²⁶ Там же.

ричным, но оно не лежит в области доказательства и аргументации»²⁷.

4.2. Усовершенствование и «моральная» фантастика

Современные исследования в области этики улучшающих технологий разворачиваются в плоскости «моральной фантастики». Анализируются сценарии и казусы, которые могут иметь место с человеком будущего. Например, касающиеся возможностей появления сертификатов улучшения, позволяющих их обладателю обеспечить скоростные социальные лифты в различных сферах жизни, в частности при трудоустройстве, в образовательной деятельности, в спорте и т.д.

Фантастическое моделирование близко к технологии форсайт-прогнозирования²⁸, однако в отличие от него фантастика говорит на общепринятом языке, апеллирует не столько к научному способу постижения мира, сколько к ценностям и чувствам человека с улицы, который лицом к лицу сталкивается с технологической реальностью. Использование фантастических сюжетов в философии и биоэтике позволяет моделировать поведение людей в будущем, вызванное технологическими рисками и проблемами, возможным изменением их идентичности и кризи-

²⁷ Vom Profit zur Ethik und zuruck. Technik-Verantwortung im Unternehmen. Hans Jonas im Gespräch mit Ch. Zimmerli und Mitarbeitern der Siemens AG // Ethik für die Zukunft. Im Diskurs mit Hans Jonas. S. 224–243.

²⁸ Форсайт-прогнозирование подвергает разбору различные варианты возможного будущего и анализирует те или иные, способные повлиять на него условия, дает оценку выгодным сценариям развития и информирует общество о необходимых мерах по реализации предпочтительного сценария.

сом самопонимания, обозначить появление новых проблем, касающихся защиты прав человека (а также животных, а, возможно, и роботов) в контексте развития биомедицины. Примеры, основанные на использовании элементов фантастики, освещающие проблему улучшения человека, помогают понять, по каким нормам и правилам может жить усовершенствованный человек в воображаемом мире. Это особенно характерно для утопической фантастики. В фантастическом мире человек вынужден выходить за пределы традиционных представлений о добре и зле, о естественном и искусственном, природном и технологическом, а также примерить на себе новые способы оценки мира, познать различные шкалы ценностей, Исследование фантастики представляет значительный интерес для тематизации различных проблем современной биоэтики, для переосмысления ее тезауруса и расширения проблемного поля. В этой связи я попытаюсь рассмотреть два примера фантастического моделирования, предложенных в книге «От шанса к выбору. Генетика и справедливость» А. Бьюкененом и соавторами²⁹. И, отталкиваясь от этих примеров, попытаюсь кратко обозначить основные зоны напряжения, связанные с развитием генетических технологий улучшений человека.

Казус «Желание совершенного ребенка». Усовершенствование и репродуктивная сфера³⁰

Выдержка из предисловия к диссертации по истории медицины, написанной в 2040 г. В 1990-е, в предшествующие три десятилетия, родители в основном практиковали негативную евгенику, используя тесты для основных хро-

²⁹ См.: Buchanan Al., Brock D., Daniels N., Wikler D. From Chance to Choice. Genetics and Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

³⁰ Там же.

мосомных дефектов, таких как синдром Дауна и абортiroвали «дефективное» потомство. В 2020 г. стандарты «приемлемых» детей ужесточились, предусмотрительные родители рутинно абортировали здоровые плоды, которые имели гены, несущие намного более высокий (по сравнению со среднестатистическим) риск рака груди, болезни Альцгеймера и других заболеваний. В 2030 г. наблюдалась тенденция еще более высоких стандартов. Плоды с «нежелательными» или «менее чем оптимальными» комбинациями генов рутинно абортировались, включая тех, кто не удовлетворял по критерию разумности или даже веса. Широкое использование этих техник родителями, которые могли себе их позволить, подняло средний уровень здоровья, физической силы и интеллектуальных способностей в популяции, тенденция, которая была позитивно воспринята националистами в политике. Однако притязания многих родителей, чтобы их ребенок оказался в высшей квинтили, создали спираль беспредельного процесса генетического улучшения.

Краткий социально-этический анализ

В связи с развитием рисков, вызванных применением технологий усовершенствования человека, возникают следующие вопросы: может ли ребенок потребовать компенсацию от родителей за негативные, с его точки зрения, последствия родительского решения о траектории развития своего ребенка³¹. Не случится ничего страшного, если ребенок будет согласен с выбором родителей относительно тех или иных результатов усовершенствования, однако возможность неодобрения выбора родителей также достаточно велика. И это обстоятельство невозможно упускать из виду. Кроме того, в будущем возможно появление тако-

³¹ Engineering the Human. Human Enhancement between Fiction and Fascination. Springer. 2013.

го рода прецедентов, когда будут сталкиваться различные ценности поколений детей и родителей и в целом разные поколения. При этом предыдущим поколениям будет отводиться роль обезьяны, из которой технологии лепили сверхчеловека.

В острых дискуссиях между родителями и детьми даст о себе знать дефицит универсальных дефиниций таких этических категорий, как благо, справедливость, автономия и др. В этическом вакууме родители могут отстаивать свои права на свободу самореализации и невмешательство в пространство тела, а дети, выражая в своих действиях свое понимание блага, будут отстаивать свою позицию относительно того, что же считать правильным, а что нет.

Конструирование ребенка может проходить на совершенно разных уровнях и касаться не только усовершенствования уже имеющихся детей с помощью различных инновационных артефактов, но и избавления потомства с нежелательными чертами.

Б.Г. Юдин отмечает, что импульс, питающий современное утопическое мышление не иссякает, однако «обретает себя на иной почве – место социальных утопий занимают утопии индивидуальные»³². Такие утопии локальны, поскольку направлены на изменение будущего только самого автора утопии, его детей и близких. Обычно они ориентированы на достижения генетики и «выступают как проявления того, что именуют “приватной”, “семейной”, “домашней” евгеникой»³³. Вместе с тем частный характер современной утопии парадоксальным образом соотносится с глобальными тенденциями ее распространения, связан-

³² Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 261–281.

³³ Там же.

ными с определенными социальными рисками. Латентный глобализм может проявляться в том, что общий универсальный эффект от достижения выгодных государству (или конкретным лицам – заказчикам) целей будет оцениваться таким образом, как если бы он был желателен с точки зрения перспективы частных лиц, превратившись в результат выражения демократической воли граждан. Между тем за подобной демократией будет стоять не столько демократический консенсус, сколько «игра» в него, навязанная (например, средствами массовой информации) перспектива и стратегия принятия решений в отношении своего здоровья, улучшения жизни будущих поколений и т.д.

По этой причине приходится постоянно держать в уме тот факт, что современная возможность реализации технологических проектов связана с развитием «чувства» доверия к технологической инновации. Индивидуальная вера в технологию, то есть частная перспектива технологической утопии, способна стать источником реализации политических действий и открыть горизонты политической драмы.

*Казус «Сертификат генетического улучшения». Усовершенствование и трудовые отношения*³⁴

Катерина и Билл претендуют на должность менеджера в большой фирме. В досье Катерины включен сертификат об улучшении от фирмы Opti-Gene, Inc. В нем подтверждается, что обладатель данного сертификата подвергался воздействию прогрессивных генетических технологий и в связи с этим менее подвержен простуде и другим респираторным инфекциям, менее склонен к депрессии и лучше выполняет тест на запоминание.

Билл, у которого недостаточно денег для осуществления генетического улучшения, выражает протест, что занятие должности на основе генетического улучшения так же

³⁴ Там же.

несправедливо, как занятие должности на основе расовой принадлежности или гендера, – это не что иное, как деструкция равных возможностей и пародия на систему заслуг (merit system). Катерина: «Преимущество означает позицию, отдаваемую лучшему кандидату, а я лучший кандидат, так в чем же дело?»».

Краткий этико-социальный анализ проблемы

Развитие технологий усовершенствования человека в области трудовых отношений должно проходить параллельно с учетом личного и общественного регулирования. Особыми проблемными точками уже будут, скорее всего, не столько лекарства-усилители, сколько усиливающие его работоспособность устройства. Должны ли система запретов и ограничений на использование таких устройств быть существенно иной по сравнению с нормативной базой, которая будет регулировать другие сферы развития технологий улучшений, – еще предстоит обсуждать. Однозначный ответ на вопрос достаточно проблематичен, поскольку можно представить себе ряд профессий, (например, хирургов, проводящих многочасовые операции), где усиление физических качеств, будь-то с помощью препаратов, усиливающих концентрацию внимания и производящих тонизирующий эффект, или же с помощью каких-либо устройств, будет востребовано и скорее всего оправдано обществом, так же как оправдываются различного рода разработки, нацеленные на усовершенствование человека в военной сфере.

В совместном докладе «Усовершенствование человека и будущее труда»³⁵, сделанном от лица британской Академии наук, Академии медицинских наук, Королевского общества и других учреждений рассматриваются два направ-

³⁵ Human enhancement and the future of work (Report from a joint workshop hosted by the Academy of Medical Sciences, the British Academy, the Royal Academy of Engineering and the Royal Society). 2012.

ления регулирования технологий усовершенствования человека: путь сверху вниз, то есть регулирование на уровне правительства и путь снизу вверх, то есть осуществление саморегулирования самими работниками.

При этом возникает риск использования технологий улучшения вместо улучшения условий труда. Борьба со сложными условиями труда может оказаться задачей для самого работника. И осуществлять ее он будет не на рабочем пространстве и не правовыми методами или выражением протеста в той или иной форме, а путем модификации своего тела. Тело научат не возражать и принимать как должное все, что ранее вызывало реакцию раздражения. Опосредованное социокультурное конструирование будет дополняться прямым воздействием на человеческое тело.

Уже многие годы подобного рода стратегия действует в отношении гиперактивных школьников во многих странах мира. Гиперактивность, которую (за исключением действительно патологических случаев) можно расценивать как реакцию на раздражающие ребенка факторы, например на компьютерные игры или шум, разлад в семье и т.д., гасится не их ликвидацией, а более простым способом – принятием лекарственного препарата.

4.3. Фармакологическое усовершенствование и сфера труда

4.3.1. Этические аспекты применения «умных лекарств» в области трудовых отношений

В последние годы тренд усиления человека в целом и его когнитивных способностей в частности становится все более выраженным. Об этом свидетельствует увеличение объема продаж и расширение рынков сбыта различного рода фармакологических средств – усилителей концен-

трации внимания, памяти, работоспособности и когнитивных навыков.

Под когнитивным усовершенствованием человека понимается усиление или расширение ключевых свойств сознания (мощности интеллекта) путем совершенствования или увеличения внутренней или внешней системы обработки информации³⁶.

Спектр методов и технологий, обеспечивающих выраженный эффект когнитивного улучшения, предельно широк. Он включает в себя не только медицинские, но и психологические вмешательства (например, использование техник гипноза и самогипноза), но также улучшение технологических и институциональных структур, обеспечивающих полноценное развитие индивида. Вместе с тем все чаще понятия когнитивного улучшения, усовершенствования, нейроусиления (нейрэнхансмент) используются в узком значении, подразумевающем использование фармацевтических средств в целях улучшения когнитивных функций у человека с когнитивными способностями, соответствующими среднестатистической норме.

«Умные лекарства» относятся к лекарственным препаратам, которые принимаются не для лечения конкретного заболевания, а для «повышения» когнитивных функций сверх того, что, как правило, считается нормальным у человека³⁷. Их относят к области «косметической психофармакологии» (термин, введенный Петром Крамером)³⁸.

³⁶ *Bostrom, Nick. Sandberg. Anders Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges // Sci Eng Ethics (2009) 15:311–341 // <http://www.nickbostrom.com/cognitive.pdf>*

³⁷ *Buyx, Al. Smart Drugs: Ethical Issues / Handbook of Neuroethics. Springer Science+Business Media Dordrecht, 2015. P. 1192.*

³⁸ *Kramer, P. D. Listening to Prozac: A psychiatrist explores antidepressant drugs and the remaking of the self. New York: Viking, 1993.*

В отличие от терапевтической психофармакологии «косметическая психофармакология» направлена не столько на устранение патологий, боли или уменьшение страданий, сколько на улучшение когнитивных свойств человека. То есть в этом случае терапия не носит такой необходимости, как в случае с действительно конкретными заболеваниями в организме.

Словосочетание «умные лекарства» помогает подчеркнуть, что это средство улучшения не включает в себя другие медицинские, нелекарственные технологии, улучшающие познавательные способности, например обучение и питание, транскраниальную магнитную стимуляцию (ТМС), глубокую стимуляцию мозга (ГСМ), или интерфейсы мозг–компьютер (ИМК)³⁹.

Особая область применения «умных лекарств» связана со сферой занятости, с трудовыми отношениями, где зачастую возникают проблемы сложности адаптации индивида к тем или иным условиям, например, таким, как необходимость длительного физического и психического напряжения или многочасовая концентрация внимания.

Рассмотрим следующий случай, позволяющий дать представление о некоторых социально-этических проблемах применения «умных лекарств» в сфере труда.

Н. и К. претендуют на вакантную должность в престижной компании.

Во время беседы с работодателем сотрудникам задают вопросы, касающиеся их когнитивных способностей. В особенности работодателя интересует способность к длительной концентрации внимания в условиях длительной монотонной офисной работы и стрессоустойчи-

³⁹ Вух, Al. Smart Drugs: Ethical Issues / Handbook of Neuroethics. Springer Science+Business Media Dordrecht, 2015. P. 1192.

вость. В процессе интервью с работодателем оба кандидата выглядят достойными, однако решающим аргументом в пользу К. оказывается его заявление о том, что он готов с первых же дней работы принимать особые препараты для увеличения производительности труда.

Ситуацию, описанную выше, нельзя рассматривать исключительно как плод фантазии автора. Уже сейчас несложно представить себе ряд профессий (например, хирургов, проводящих многочасовые операции, или дальнобойщиков), где усиление когнитивных способностей, будь-то с помощью препаратов, усиливающих концентрацию внимания и производящих тонизирующий эффект, или же с помощью каких-либо устройств, будет востребовано и скорее всего оправдано обществом, как нашло оправдание употребление кофе, энергетических напитков и других стимуляторов.

Например, дальнобойщикам может быть гораздо эффективнее и приятнее выпить соответствующее лекарство, усиливающее их способности концентрации на дороге, чем ждать от работодателя встречных шагов для облегчения своей работы. Работодатель может сознательно провоцировать такое поведение наемного рабочего, поскольку для выполнения определенных функций ему требуется не столько личность, сколько идеальный биоробот, полностью справляющийся со своими обязанностями.

На фоне этих процессов не будут ли лица дееспособного возраста, не использующие усилители, рассматриваться как в некотором роде «инвалиды» в связи с возможными отклонениями от новых норм трудовой деятельности? Возможно, нормой человеческого способа существования станет тотальная зависимость от когнитивных усилителей, предпосылки к этому активно развиваются уже в наши дни. Нацеленность медицины на усиление станет не менее важной ее нацеленности на восстановление.

В этой связи уместно обратить внимание на идею П. Вирилио, отметившего в работе «Открытые небеса», что наше состояние «не будет отличаться от того, в каком находится любой калека», которого можно назвать «моделью нового человека»⁴⁰, то есть речь идет о становлении модели человека-с-протезом, вне зависимости от того, какого рода и вида будет этот протез: иметь форму внешнего инструмента, усиливающего человеческие физические качества, форму лекарства, резко повышающего когнитивные свойства индивида, форму генетического допинга, повышающего выносливость и спортивные способности.

Современной системе инфраструктур будет проще иметь дело именно с таким «протезированным» индивидом, который будет успешно выполнять ее требования. Вместе с тем подобное ультра-протезирование способно усилить социальную дискриминацию по отношению к тем, кто и так находится на периферии социальной жизни, тем, кто нуждается в «протезах» различного рода по медицинским показаниям, а не действует в режиме «Citius, Altius, Fortius» («Быстрее, выше, сильнее, а еще умнее»). «Усиленная» нормальность вызовет процесс новой стратификации нормальных и ненормальных и, следовательно, сформирует новый запрос к психологии, психиатрии и фармакологии.

Контекст появления технологий улучшения человека, направленных на усиление его дееспособности, можно исследовать совершенно в различных контекстах: политических, социальных, экономических. Ниже я бы хотела привести некоторые соображения на эту тему, акцентировав внимание на ряде философских идей.

⁴⁰ Булатов Д. Киборг-букашечки и робо-козявочки. Режим доступа: <http://doktrina.ncca-kaliningrad.ru/?a=4>.

В концепции Х. Арендт, изложенной в ее работе «*Vita activa*, или о деятельной жизни», вводится различие между трудом (работой) и созданием (изготовлением). В тени этих понятий скрывается представление о том, что определение человека в качестве человека исторически соотносится с тем, какого рода деятельность он выполняет. При ответе, например, на вопрос: «Что значит быть человеком в Древней Греции в аспекте трудовой деятельности?» – следует учитывать, что здесь институт рабства был «намеренной попыткой исключить труд из числа условий, на которых людям дана жизнь. То, что общечеловеческой жизни с другими формами животной жизни, было сочтено не-человеческим. Это, естественно, также причина, почему люди могли считать, что у рабов не-человеческая природа»⁴¹. Подлинной деятельностью считалась деятельность политическая, поскольку именно она позволяла человеку проявить свои способности разума и выразить свое право голоса, показать себя как субъекта политической воли, как автора поступка. То есть полное подчинение необходимости, которое как раз и демонстрировал рабский труд, в древнегреческой культуре, характеризовало человека как недочеловека, как животное, исключенное из процесса коммуникации свободных граждан. «Если человека определяют как работающее животное, то он действительно не может быть ничем существенно другим, чем животное, в лучшем случае высшее из родов животных, населяющих землю»⁴². Для Нового времени характерна трансформация отношения к труду: начинает цениться труд, данный в аспекте его производительности, труд, создающий не уникальные произведения, то есть не труд мастера, но труд

⁴¹ Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни. Режим доступа: <http://www.fedy-iary.ru/html/012013/02012013-04a.html>.

⁴² Там же.

animal laborans, осуществляемый работой не разума, но тела, являющий собой апофеоз физической силы.

На какое понимание труда ориентируются адепты технологий улучшения человеческих способностей в сфере занятости? На первый взгляд, уместным здесь кажется ответ, что речь идет о понимании трудовой деятельности по аналогии с пониманием, присущим античности. Так, избавляя человека от необходимости серьезно напрягаться физически или умственно с помощью биотехнологических средств, ему как бы дается шанс снять с себя идентичность подвергающегося эксплуатации рабочего, однако этот отказ от рабской, подчиненной роли не означает, что он автоматически станет разумным существом, обладающим широким, не автоматизированным мышлением и политической волей, которое имела в виду учитывающая древнегреческий контекст Ханна Арендт. Речь идет прежде всего о воспроизводстве и усилении парадигмы трудовых отношений, сложившейся в Новое время. В эпоху развития технологий усовершенствования рабочий останется объектом эксплуатации. Возможность усиления концентрации внимания или физических возможностей не высвобождает энергию, например, для творческих видов деятельности, а предоставляет работодателю получать более высокую производительность труда. А также отбирать для себя персонал, способный, вследствие наличия определенных улучшенных качеств, работать более эффективно, более качественно, приносить прибыль компании, но не своему человеческому потенциалу.

Кроме того, технологии усовершенствования человека несут риски создания идеального рабочего, хабитус которого будет полностью соответствовать модели чистой эксплуатации, для которой не будут характерны ни отстаивание прав личности, ни желания по поводу смены рабочей атмосферы, ни какие-либо подобные иные факторы. Это та

модель идеального раба, поведение которого выстраивается не с точки зрения культуры, а с внутреннего «жеста» биотехнологии, предписывающего человеческому бытию способ бытия послушным животным. В этой связи вспоминается знаменитый вопрос Ф. Фукуямы: «Если мы действительно сможем вывести две породы людей; одну – с седлами на спинах, а другую – со шпорами на сапогах?»⁴³. Изменится ли что-то в этом случае? Человеческая история будет твориться и дальше. Из материала первой породы целеполагающей активностью второй.

4.3.2. «Умные лекарства» в одном российском трансгуманистическом сюжете

Темы, связанные с использованием чудо-эффектов «умных лекарств», активно используются современными трансгуманистами.

Например, с целью разрешить свободное обращение (вывести его из Списка психотропных веществ) популярного на Западе модафинила активисты российского трансгуманистического движения создали петицию, наполненную пафосом борьбы с многочисленными ночными авариями и ночными травмами на производстве. Вот выдержка из нее: «Десятки тысяч людей ежегодно погибают в ДТП. Большая часть из них попадает в аварии из-за того, что они, вынужденные ехать ночью, просто засыпают за рулем. Смежил человек на несколько секунд веки – и все, его жизнь оборвалась. Еще больше людей остаются инвалидами после ночных аварий. А ведь если бы они перед дальней дорогой приняли 100 мг модафинила – возможно, всех этих смертей и не было бы...То же можно сказать и о

⁴³ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Режим доступа: <http://alt-future.narod.ru/Future/Fnpb/fukunpb2.htm#8c>.

травматизме на производстве в ночное время и многих других областях. Совершенно не случайно 20% зарубежных ученых и студентов за рубежом время от времени принимают модафинил (и другие похожие препараты) – они хотят больше узнать, больше успеть, больше открыть!»⁴⁴

Примечательно, что авторы петиции используют знаковую фигуру российской рок-музыки В. Цоя, погибшего в аварии и, по предположению, заснувшего за рулем, как бы заручаясь поддержкой его многочисленных фанатов, а также приводят пример активно употребляющих модафинил бодрых американских вертолетчиков, тем самым опираясь на представления о стратегических интересах России. В комментариях к этой трансгуманистической инициативе указывается, что модафинил в целях лечения СДВГ в скором времени сможет заменить широко распространенный риталин. Указываются и другие преимущества, создающие образ чудо-таблеток нового поколения, способных стать если и не панацеей от многих заболеваний, то лечить характерные для нашей цивилизации наиболее значимые недуги.

В этой связи отдельного внимания заслуживает акцент на «инновационную» составляющую модафинила. Модафинил фигурирует в петиции как средство, удовлетворяющее интересы и потребности государства, вступившего в эру инновационной экономики. Остановлюсь на инновационности более подробно, поскольку аналогичные тезисы характерны для многих проектов, представляющих различные варианты конструирования человека. Например, в российском проекте трансгуманистической направленности «Детство-2030» идея модификации человека (ребенка) сопряжена с необходимостью перехода России на иннова-

⁴⁴ Атака на модафинил – и на прогресс. Дадим отпор! Режим доступа: <http://livingtomorrow.livejournal.com/188158.html?page=8>.

ционный путь развития и ее включение в мировую конкуренцию. Авторы трансгуманистического проекта «Россия-2045», выдвигая идею радикального преобразования человека и в потенциале достижения постчеловеческого состояния, также отталкиваются от инновационной социально-экономической составляющей, полагая, что новая общественная формация и инновационный технологический уклад определяют необходимость создания нечеловечества – сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивного развития NBIC (нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-роботикс) технологий⁴⁵. Необходимо подчеркнуть, что мотивы, которые вступают в борьбу за право изменять человеческую природу, как правило, тесно связаны с финансовой составляющей, имеющей лишь косвенное отношение к установлению формата справедливых социальных отношений и еще менее чувствительных в отношении таких основополагающих этических понятий, как автономия или благо.

Инновационная составляющая требований трансгуманистов, касающаяся применения «умных лекарств» наподобие модафинила, – неизменный атрибут большинства трансгуманистических проектов. Субъект должен соответствовать системным требованиям инновационного социально-экономического развития. И он значим лишь как необходимый элемент успешного функционирования инновационного общества и в целом интересен не столько своими настоящими человеческими качествами, сколько будущими постчеловеческими, позволяющими этой системе успешно функционировать.

С другой стороны, безусловно, нельзя отгородиться и от голосов тех, для кого модафинил является лекарственным средством, обеспечивающим необходимое качество

⁴⁵ *Попова О.В.* Современная технократическая утопия: российский контекст // *Человек*, 2012. № 5. С. 54–62.

жизни. Так, на форуме, посвященном данной петиции, раздаются голоса, подобные следующим: «Есть много людей, которым он (модафинил. – *О.П.*) необходим для более-менее нормального существования, раньше заказывали по почте из-за бугра, а теперь что делать? <...> Вот сижу – думаю... осталось 100 таблеток на 100 рабочих дней, после чего придется становиться безработным инвалидом либо самому ездить за ним за границу, за что сесть можно...»⁴⁶.

Конфликт терапевтического и нетерапевтического способов применения модафинила и риталина очередной раз заостряет проблему терапевтического и нетерапевтического использования тех или иных лекарственных средств. Что должно оправдывать применение той или иной «умной» таблетки: улучшение здоровья пациента или же этически релевантным является просто улучшение у пациентов качества жизни⁴⁷.

В книге Б. Брайсона «Я здесь чужой»⁴⁸ показана разница в презентации лекарственных средств различными компаниями США и Великобритании. Например, в США лекарство от гриппа будет предлагаться как магическое средство, гарантирующее полное выздоровление, в то время как в Великобритании лекарство будет лишь облегчать состояние больного. Причины этого носят культурнообусловленный характер. Британцы не ожидают от лекарств, купленных без рецепта, быстрых изменений качества своей жизни, в то время как американцы хотят чувствовать себя более или менее отлично (совершенно) все время. Б. Брайсон задает резонный вопрос: что означает чувство-

⁴⁶ Атака на модафинил – и на прогресс. Дадим отпор! Режим доступа: <http://livingtomorrow.livejournal.com/188158.html?page=8>.

⁴⁷ *Sahakian B.J. and LaBuzetta J.N.* Bad Moves. How decision-making goes wrong and the ethics of smart drugs. Oxford University Press, 2013.

⁴⁸ *Bryson, B.* I'm a Stranger Here Myself. 1999, New York: Broadway Books.

вать себя более или менее отлично (совершенно)? И отвечая, связывает это чувство со способностью жить при ограниченном сне, концентрироваться в течение длительного периода времени, иметь улучшенную память.

Такого рода перфекционистское понимание жизни является технологичным, настроенным на достижение жизненно важных целей (получение образования или работы) кратчайшим путем. Расширение во всем мире рынков сбыта и сфер применения когнитивных усилителей свидетельствует не только о том, что появляются научно-технологические основания для трансформации человеческой природы, но не в меньшей степени о том, что сам человек уже внутренне готов, согласен с такой трансформацией. Его внутренний голос вытесняется ускоряющейся машинерией современной жизни. Его естественность и спонтанность подавляются технологически. На фоне этих процессов традиционная этика, требующая преодоления собственной природы собственными же волевыми усилиями, оказывается неуместна, как неуместны оказываются этические суждения при оценке поведения механизма или вещи.

4.4. Биотехнологическое конструирование детства

4.4.1. Биотехнологическое конструирование и нормализация человеческого тела

Биотехнологии, направленные на модификацию человеческого тела, всегда ориентированы на определенный канон, образец, идеал человеческого тела. Он формирует эталон желанной нормы как для индивида, так и для общества в целом.

Ощущение себя в теле, чувство собственного тела оказываются неотъемлемыми от культурно-исторических кон-

венциональностей, осуществляющих моральную и эстетическую канонизацию телесности⁴⁹. При этом любое новое знание, каждый новый дискурс о теле раскрывают новые грани, давая возможность использовать это знание, тем самым объективируя телесность и осуществляя власть над ней, используя ее в тех или иных целях.

Тело дается для постижения в качестве воспроизводимого культурного конструкта. Оно постигается закрепленным (легитимизированным) способом. «Рождение и закрепление тела-канона в качестве исторической телесной нормы (этической, сексуальной, анатомической, социальной и политической) находится в зависимости прежде всего от тела, которое познано, от тела-знания»⁵⁰. Воспользовавшись этой точкой зрения как своеобразным методологическим подспорьем, рискну утверждать, что телесность, которая вызывает вокруг себя познавательную ситуацию, может провоцировать изменения в моральной теории и практике.

М.М. Бахтин в произведении «К философии поступка» полагает, что каждая содержательная норма должна быть специально обоснована в своей значимости соответствующей наукой: логикой, эстетикой, биологией, медициной, одной из социальных наук. Такая мысль может быть выражена еще более радикально: каждая содержательная норма должна быть специально обоснована в своей значимости соответствием телесным характеристикам человека, который представляет собой возможность применения

⁴⁹ Тело дается нам в горизонте исторического выбора, уже совершенного за нас Другим, считает В. Подорога (см.: *Подорога В. Феноменология тела*. Режим доступа: http://telesnost.ru/omega/filosofiya/fenomenologiya_tela_ch_3.htm).

⁵⁰ *Подорога, В.* Полное и рассеченное // Психология телесности между душой и телом. М.: АСТ, 2005. С. 70.

этой нормы. Тело нерожденного, тело ребенка, тело взрослого, дееспособного и тело психически больного – это разные реальности телесного, которые требуют применения различных, а зачастую и противоречащих друг другу норм. Вследствие этого возникает потребность возрастной дифференциации правовых и моральных норм, как норм, имеющих контакт с различными реалиями телесного, с телесностью, обладающей различной семантикой. Фундаментальным оказывается тот факт, что мораль применима лишь к той группе человеческих существ, которые обладают определенными телесными (биологическими) характеристиками. Тело эмбриона и тело дееспособного человека как два совершенно различных типа телесности (по физиологическим и личностнообразующим качествам) предполагают отличные друг от друга моральные критерии. Именно второй тип порождает включенность в моральные и правовые отношения в качестве равноправного участника, партнера, автономного существа, подключенного к общечеловеческой коммуникации, в то время как первый находится под патерналистской опекой взрослого или различного рода институтов, компенсирующих его определенную степень неполноценности, недотягивания до стандартов дееспособности.

В связи с этим в современных либеральных дискуссиях о статусе эмбрионов, правах плода-пациента, эвтаназии образ человека, его идентичность двойится – мы способны выделять субъектов морали и тех, чье моральное Я либо не артикулировано либо репрезентировано в опекающем ближнем (это касается эмбрионов, детей, тяжелобольных, психически больных и т.д.). Собственно, речь идет не о правах самих этих существ, а о праве на защиту этих существ.

Разделяя тождество человека (как тождество субстанции, материи, из которой состоит конкретное человеческое тело)

и тождество личности (определяемое через наличие самосознания), Локк как бы отдает приоритет в степени полноценности (личности в полном смысле слова) именно индивидуальному автономному целеполагающему самосознанию, способному вступать в отношения с другими людьми, которое в соответствии с концепцией естественного права наделяется правами на жизнь, собственность и свободу. Использование идей Локка в биоэтической практике может вызывать, например, размышления о неполноценности, ущербности тех, кто еще не обладает самосознанием, сливаясь с собственным телом (эмбрионы), и тех, кто им уже обладает не в полной степени (например, больные болезнью Альцгеймера, больные с психическими отклонениями).

Так, эксперименты, которые могут проводиться над эмбрионами, репрезентируют тело эмбриона в его лишенности к самовыражению, защита прав эмбриона как существа, находящегося на основании отсутствия способности к формированию коммуникативной идентичности на более низкой стадии онтологического развития, может осуществляться лишь через определенного рода патернализм, который фиксируется в междисциплинарном пространстве современного знания, соотнесенного с полем этических и правовых норм. Этот патернализм позволяет придавать телесному образованию эмбриона статус человеческого существования и точно так же лишать его прав на это существование.

Вместе с тем это своего рода локальный периферийный патернализм неполноценных (не дотягивающих до стандартов). В отношении взрослого автономного существа наблюдается противоположная ситуация: для эпохи биотехнологий характерно, что врачу приходится соотносить собственную волю по отношению к страдающему лицу с волей самого этого лица. «В медицинской установке сознание фокусировалось в точечную позицию «наблюда-

теля», для которого тело вынесено вовне в качестве «объекта». Воздействовать на это тело сознание может лишь через посредство другого внешнего тела – медикамента»⁵¹.

Биоэтическое знание констатирует правилом информированного согласия⁵² определенную степень независимости телесности от манипуляций, производимых с помощью врачебного знания. Однако подчеркнем, что это правило касается все же нормализованных полноценных субъектов морали, тех, кто способен благодаря наличию самосознания выражать свою волю. Даже во время наркоза субъект, по сути, перестает быть нормализованным и полноценным. Для хирурга, который руководствуется логикой «от имени знания», такой пациент становится «учебным материалом» или «операционным полем».

Итак, в таком ключе рассуждений информированное согласие касается только тех человеческих существ, которые подпадают под категорию автономных. При этом проблема манипуляций над человеческим телом не снимается полностью: фактически телесность независима от очевидных манипуляций, пока существует некая конвенциональная договоренность (людей экспертов – «во имя знания») относительно обладания полнотой автономии – полноценности, нормализации по определенным критериям (возрастным, психическим, физическим параметрам).

⁵¹ Там же.

⁵² Понятие информированного согласия подразумевает полноту информирования пациентов, в особенности в отношении риска предполагаемого медицинского вмешательства.

4.4.2. Образы детства в социокультурной динамике⁵³

Ребенок в истории гуманитарной мысли до второй половины XIX в., как свидетельствуют исследования социологов, культурологов, историков медицины и философов, не был предметом особого интереса со стороны интеллектуалов. О детстве речь шла преимущественно как о переходящем периоде человеческой жизни⁵⁴. Кроме того, детство рассматривалось⁵⁵ лишь постольку, поскольку человек проявлял особенный трепетный интерес к началу собственной жизни, точно так же как геронтологическая проблематика осмысливалась в основном, поскольку неизбежной оказывалась проблема смерти и умирания. Отсутствие интереса к проблематике детства на протяжении очень длительного времени отражало (без)действие в этом контексте базовых векторов социальной политики.

И лишь развитие представлений «о ребенке, прежде всего, как о теле – биологическом объекте, нуждающемся в уходе, – сформировало особую *биополитику детства*»⁵⁶. Детство стало вызывать повышенное общественное внимание. На нем сконцентрировались взгляды педагогов, медиков, юристов. Детство стало полем притяжения для политических и экономических оценок.

⁵³ Подробнее см.: *Попова О.В.* Ребенок как объект социокультурного проектирования: в поисках модели человека будущего // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. Вып. 6. М., 2012. С. 130–151.

⁵⁴ Ни в коем случае не предполагалось тотальной детерминации детским периодом жизни всей последующей взрослой жизни, как это характерно для современной западной культуры, во многом заданной психоаналитической парадигмой.

⁵⁵ За исключением сочинений с педагогической направленностью.

⁵⁶ *Погорелова О.* Биополитика детства. Рецензия на книгу: *Социальная политика и мир детства в современной России*. Е.Р. Ярская-Смирнова, Е.П. Антонова (ред.). М.: Вариант, 2009.

Более того, детство становится объектом приложения различных нормирующих практик, испытания границ самой нормы, ее устойчивости, возможностей ее усовершенствования и как следствие индикатором кризиса тех или иных нормативных практик, перманентного кризиса нормы как таковой.

Обращу внимание на то, что образы детства варьируются в соответствии с доминирующими в рамках той или иной эпохи культурными настроениями и алгоритмами мышления. В частности, И.С. Кон выделил следующие образы детства: 1) эпоха классицизма: детство как уклонение от нормы, т.е. от взрослого состояния; 2) эпоха просвещения: ребенок как объект воспитания, детство как этап подготовки к будущей социальной жизни взрослых (отсутствие понимания детства как самоценности, функциональная оценка детства; 3) эпоха романтизма: детские дети, которые ценны сами по себе, обладатели максимума возможностей, которые затем, в процессе взросления, рассеиваются и теряются; 4) реализм XIX в.: интерес к детству, проходящему в неблагоприятных (а порой, жестоких) социальных условиях; 5) в XX в. происходит все большее и большее усложнение и обогащение граней детских образов, все более тонко и подробно вырисовываются характеры детей⁵⁷. К этой классификации образов необходимо добавить биотехнологический образ детства. Именно он чаще всего испытывает на себе трансформацию нормы, демонстрирует кризис сложившихся в биомедицине нормативных практик.

Диапазон направлений биомедицинского воздействия на ребенка весьма широк. Современные технологии все чаще проявляют себя как технологии власти. Искусственное

⁵⁷ Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 6–11.

поддержание жизни, генетический контроль будущих поколений, клонирование и трансплантация искусственных органов изменяют представление о фундаментальных антропологических константах, он все более представлен как сделанное (артефакт), предмет эстетических и властных манипуляций.

В первую очередь воздействие механизмов биовласти способны испытать на себе наиболее беззащитные, уязвимые в своем статусе люди: дети, больные, материально необеспеченные и лица преклонного возраста, то есть те, к кому не применимо распространенное либеральное понимание автономии. На современного ребенка обращены различные стратегии биополитики. Он становится объектом для пренатальной диагностики, после рождения – главной мишенью для проведения иммунизации и генетических скринингов и т.д.

Мое внимание будет сконцентрировано на анализе двух тенденций биополитического воздействия, подразумевающих коррекцию психического и физического бытия личности ребенка. С одной стороны, речь пойдет о возможностях использования психостимуляторов в целях обеспечения нормализации психического развития ребенка, с другой – о возможностях применения методов хирургии для осуществления гендерной нормализации ребенка. При этом будет показано, что целью использования биомедицинских практик, направленных на коррекцию психофизиологического состояния индивида, может стать не просто улучшение физических и психических параметров его жизнедеятельности (в соответствии со среднестатистической нормой), но такая оптимизация его жизни, такое ее усовершенствование, которое сложно будет подвести под понятие терапевтического эффекта.

4.4.3. Нейрофармакология и пути оптимизации развития индивида: этико-философские аспекты использования «умных лекарств» в детском периоде онтогенеза

Развитие нейрофармакологии, спроецированное на онтогенез ребенка, можно рассматривать как один из примеров создания медицинской технологии с интегрированной политической функцией. Повышенный интерес со стороны общества и властных структур к нейролептикам и психостимуляторам обусловлен очевидным осознанием факта их использования в качестве средств для управления развитием личности и придания ей желательных черт. На этапе взросления, характеризующемся особой уязвимостью ребенка, выступающего субъектом социализации и испытывающим детерминацию созданными профессиональными сообществами и конвенционально принятыми (в психиатрии и образовании) нормами нейрофармакологии, использование нейростимулирующих средств приобретает биополитический окрас. Это можно продемонстрировать на распространяющейся в мире тенденции активного применения лекарственных препаратов для коррекции поведения детей, страдающих отклонениями от поведенческих норм, в частности проявляющихся при синдроме гиперактивности.

Цель применения нейротехнологий – формирование желательных образцов поведения, обеспечивающих социальный конформизм и развитие в унисон с системой инфраструктур (образовательных, медицинских, политических). Индивиды, чье поведение совместимо со всей совокупностью инфраструктур, оказываются вписаны в категорию толерантных граждан наличного политически стабильного государства.

Зависимость ребенка может принимать ярко выраженные крайние формы – когда он становится объектом эксплуатации со стороны взрослых, и менее заметные, но настолько же жесткие, когда ребенка, пластичность которого составляет одну из главных характеристик существования, заставляют отождествлять себя со способом бытия, навязываемым различного рода политическими концепциями субъекта, и в них находят пути его развития. В онтогенезе предполагается подгон персональных особенностей ребенка под заданный поведенческий стандарт, в чем проявляется упорядочивающая сущность власти.

Философское осмысление чрезмерного увлечения нейрофармакологией подразумевает поиск ответов на такие фундаментальные вопросы, как: Что такое человек? каковы сущностные характеристики его развития?

Очевидно, что подобные вопросы не имеют однозначного ответа и предполагают научное обоснование в рамках той или иной дисциплины. Этический анализ поставленной проблемы может быть проведен на фундаменте философско-антропологической парадигмы А. Гелена, рассматривающего человеческое существование в рамках деятельностного подхода, согласно которому специфически человеческий способ бытия задается тенденцией саморформирования. Выделенность человеческого способа существования из природной заданности проявляется специфическим образом: в животном и растении природа не только выражает назначение, но и сама его воплощает. Человеку же она дает лишь назначение и ему самому предоставляет его воплощение. В духе философии Ницше А. Гелен называет человека «неустановленным животным»⁵⁸, ибо человек, во-первых, как-то «не готов»,

⁵⁸ Гелен А. О систематике антропологии / пер. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и

не остановлен в своем движении, еще является для самого себя предназначением и целью обработки. Ключевыми моментами философии А. Гелена являются следующие: 1) онтологические характеристики детского периода онтогенеза, производные его «конституциональной ненадежности», становятся определяющими антропологическими характеристиками; 2) социум должен обеспечить условия для гармоничного развития; 3) специфически человеческое качество развития характеризуется его длинной временной протяженностью; 4) в процессе развития человек формирует самого себя с помощью деятельности.

А. Гелен акцентирует внимание на онтологически обусловленной конституциональной ненадежности человека. Очевидно, что период детства представляет эту бытийственную характеристику в аспекте максимально интенсивного проявления. В то же время человеческое существо как деятель обладает способностью к самодисциплине, которая задает ему меру моральности, и является балансом между социальными требованиями к индивиду и его личными устремлениями к самоформированию. Исторически формирование самодисциплины у ребенка требовало усилий как со стороны общества, так предполагало активное участие в этом самого ребенка, соучастие и взаимное развитие. Человек всегда ощущал свою жизнь как истинно человеческую в актах самопреодоления, самотрансформации, в процессе которой и вырабатывалась самодисциплина, а, следовательно, происходило нравственное развитие личности, обеспечивая возможность повышения производительности труда. Принципиально то, что важный ресурс медикализации синдрома дефицита внимания с ги-

перактивностью (а следовательно, исключения этого синдрома из области поведенческих расстройств, корректируемых педагогическими мерами и средствами психотерапии) – это фармацевтическая промышленность, в частности, такая всемирноизвестная компания, как «Новартис», производящая риталин и его аналоги и осуществляющая поддержку организаций пациентов, страдающих дефицитом внимания.

Следует отметить, что синдром дефицита внимания (ADD-attention deficit disorder) впервые как заболевание был упомянут в 1980 г. в руководстве американской ассоциации психиатров «Руководство по диагностике и статистике умственных расстройств». Однако впоследствии название синдрома было изменено. И в последнем издании «Руководства» оно уже звучало как «дефицит внимания – гиперактивность», где слово «гиперактивность» было добавлено как определяющая характеристика. Это очень показательно, поскольку демонстрирует определенную долю условности очертаний самого синдрома, зафиксированных уже в названии, с другой стороны, приставка гиперактивности значительно расширяет его содержательный диапазон. Историческая трансформация критериев синдрома «гиперактивности» отмечается в учебнике по психиатрии под ред. Р. Шейдера, где признается, что «диагностические критерии синдрома нарушения внимания с гиперактивностью с годами менялись»⁵⁹.

Некоторая произвольность в постановке диагноза отмечается в западной литературе достаточно часто. В частности, Ф. Фукуяма приводит позиции американских психиатров Э. Холчоуэлла и Д. Рейти, которые «в своей книге

⁵⁹ Уэндер П., Шейдер Р. Синдром нарушения внимания с гиперактивностью // Психиатрия. Режим доступа: <http://www.practica.ru/BK5/18.htm>.

“Вынужденные отвлекаться” утверждают: Как только Вы поймете, что это за синдром, вы тут же начнете видеть его повсюду»⁶⁰.

Неоднозначность критериев синдрома выявляется и в классических учебниках по психиатрии. В учебнике П. Уэндера и Р. Шейдера «Психиатрия» констатируется невозможность отделить биологические факторы риска синдрома нарушения внимания с гиперактивностью от семейных и социальных, кроме того, сами авторы подчеркивают, что даже полное обследование иногда не позволяет поставить окончательный диагноз.

Невнимательность и отсутствие внимания у ребенка в качестве основных признаков синдрома нарушения внимания с гиперактивностью вполне понятны на фоне усиливающегося кризиса института семьи, вызывающего у ребенка эмоциональный дисбаланс, а также кризиса системы образования вследствие снижения уровня финансирования, следствием чего является отсутствие особых условий, адаптирующихся к возможностям ребенка.

Этот факт отмечается психиатрами: «К сожалению, возможностей для специализированного обучения неуспевающих становится все меньше, так как по экономическим и политическим причинам финансирование системы образования непрерывно сокращается»⁶¹. В таком случае очевидной становится трансформация проблемы ответственности государства за создание благоприятных условий для раскрытия личности ребенка, его уникальности в проблему медикаментозную.

⁶⁰ Цит. по: *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции // пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с. Режим доступа: <http://alt-future.narod.ru/Future/Fnpb/fukunpb.htm>.

⁶¹ Там же.

На Западе (США, Израиль) – нелеченный синдром нарушения внимания с гиперактивностью является распространенной причиной исключения ребенка из школы.

Этот факт выводит на более общие размышления о том, как может осуществляться давление на ребенка и его родителей с помощью существующей системы институтов, в которую вписано развитие индивида. Для ребенка институты образования и здравоохранения, сопровождая и корректируя путь его развития, являются мощными детерминантами становления индивидуальности. Логически вероятно, что родители, поведение детей которых по своим поведенческим характеристикам не соотносится с нормами, принятыми в той или иной институциональной системе, будут вынуждены пойти по более легкому пути лекарственной терапии, с целью не лишить ребенка возможности институализированной социализации; наряду с этим со стороны педагогического персонала весьма вероятно высокая поддержка повального увлечения лекарственной терапией по причине облегчения процесса адаптации ребенка к системе институтов. На фоне ставших реальностью этих возможных тенденций в США возникло серьезное движение родителей против учителей, заставляющих принимать детей в школе психостимуляторы, и ряда учителей против психологов и психиатров, злоупотребляющих своей властью при постановке диагнозов.

Подобно современным средствам коммуникации, меняющим представление о времени и пространстве, преодолевающим расстояние за считанные секунды, современную психостимулирующую фармакологию можно рассматривать в контексте этого убыстряющегося темпа жизни как попытку преодолеть естественный и необходимый путь личностного развития и роста с помощью необоснованно прописываемой фармакотерапии. Попытка победить время исходя из познанных законов природы становится фактом

для мира физических явлений. Гораздо труднее применить этот принцип к эмоциональной сфере, к сфере человеческих отношений или к характеру личности, поскольку в жизни каждого человека существуют последовательные стадии роста и развития, имеющие строго заданное временное измерение. Беззащитность ребенка вкупе с неведением взрослых относительно соотношения вреда-пользы вследствие воздействия на сознание личности нейрорептиков и психостимуляторов порождают эффект тотального отчуждения от сознательного образа жизни. Упрощение ситуации развития будущей личности и однобокое понимание ее коррекции не с помощью обеспечения лучшей коммуникации с ребенком и создания определенных условий раскрытия его потенциала, а за счет лекарственного воздействия свидетельствует о примитивном понимании жизни личности и редуцировании ее к уровню человека-машины, механизма, который может быть механически, бездумно исправлен.

Вышеперечисленные негативные аспекты повального увлечения лекарственной терапией выводят на следующую существенную проблему – какой дефиниции психического здоровья мы должны придерживаться, чтобы от нее не пострадал наиболее уязвимый. В модель психического здоровья, как правило, закладывается представление об адекватности индивидуального образа жизни предъявляемым к нему социальным требованиям, что в определенных ситуациях может привести к стигматизации личности, если ее индивидуальность противоречит социально принятым канонам поведения (в этом случае стирание индивидуальности становится социально приемлемым, а по медицинским показаниям и необходимым). Поэтому критерии психического здоровья должны представлять собой меру между требованием общества к индивиду и его правом на индивидуальное развитие.

Ю. Хабермас в связи с возможностью распространения евгенической практики в книге «Будущее человеческой природы» отмечает: «Моральное сообщество... должно в конечном счете быть способно развить из наших спонтанных жизненных процессов критерии телесного существования, которое оценивается как больное или здоровое. Эти критерии должны быть всегда убедительными. Такова моральная точка зрения на не инструментализирующее обхождение с личностями, которых мы воспринимаем во втором лице»⁶². Ребенок требует именно такого не инструментализирующего обращения.

Инструментализирующее обращение с ребенком может характеризоваться признанием его неполноценности вследствие исключенности из пространства свободной коммуникации. В соответствии с либеральными стандартами мышления полноценность человека предполагает определенную степень автономности собственного тела и автономно осуществляемую жизнедеятельность. Логика принятия подобных критериев порождает следующее негативное последствие: зависимые эмбрионы или дети, инвалиды, как, впрочем, и вообще все категории больных граждан могут вызывать ассоциации неполноценности их человеческого способа существования.

В психиатрии дело осложняется тем, что приходится констатировать не физическое нездоровье как таковое, а иметь дело с не прояснённым концептом психического здоровья, к которому нельзя подойти, руководствуясь глубоко эмпирическими методами. Относительно психиатрии можно утверждать, что критерий здоровья здесь становится этическим, поскольку напрямую связан с правом на самодетерминацию личности.

⁶² Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. Режим доступа: <http://fanread.ru/book/8557258/?page=10>.

Психиатрия, чем она, наверное, и отличается от других направлений медицины, не руководствуется среднестатистическим критерием нормы. Экспертная оценка зачастую носит конвенциональный характер. Психиатрия вынуждена быть и нормативной (ценностной) и естественнонаучной дисциплиной, поскольку действует не столько с больным организмом, с индивидуальностью, воплощенной в теле, сколько с личностью.

Новый расклад в (био)политических играх способствовал закреплению сословия психиатров как нового носителя истины. Массовая востребованность психиатрии, согласно М. Фуко⁶³, объясняется тремя процессами генерализации: смычкой психиатрии и административной регуляции, семейным и политическими запросами к психиатрии. Современный этап развития психиатрии, с точки зрения Ф. Фукуямы, выявляет три сильных политических тренда, связанных с распространением психотропных средств в США. «Первый – это желание со стороны обыкновенных людей как можно больше вывести свое поведение в область медицины и тем самым снять с себя ответственность за свои действия. Второй – давление сильных экономических интересов, способствующее этому процессу. Среди носителей этих интересов – люди, оказывающие социальные услуги, например учителя и врачи, которые всегда предпочтут прямой биологический путь сложным обходным путям воздействий на поведение, а также фармацевтические компании – изготовители этих лекарств. Третий тренд, возникающий из попыток все на свете отнести к медицине, – это

⁶³ Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/foucault=les_anormaux=ann.htm.

тенденция расширять область применения лекарств на все большее число состояний»⁶⁴.

Необходимо также обратить внимание на экономическую составляющую синдрома гиперактивности и дефицита внимания. Вследствие взаимодействия экономики с общественными силами (когда, например, гранты на исследования синдрома гиперактивности выдаются фармацевтическими компаниями, а общественные организации также поддерживаются ими) может возникнуть интродуктивная лояльность к массовому распространению того или иного препарата и формирование завышенной потребности в лекарственном средстве, развитие лекарственной зависимости. Развитие подобных тенденций в медицине отодвигает интересы больного на периферию и способствует рассмотрению его в качестве средства, обеспечивающего приток денежных инвестиций. Это чревато приспособлением имеющихся норм (как медицинских, так и социальных) под законы рынка. Нормы как социальные ценности в этом случае приобретают вполне очевидный финансовый эквивалент. Объективное исследование расстройств поведения в этом случае подменяется интересами финансовых групп.

Современное историческое смещение акцентов с развития у ребенка педагогическими средствами навыков самодисциплины на медикализацию всего образа жизни в совокупности со стремлением обратить детей и их родителей в целевую аудиторию маркетинговых стратегий фармацевтических компаний порождают риск гипердиагностики. В США наблюдается тенденция лоббирования синдрома дефицита внимания в качестве инвалидности. По сло-

⁶⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 82.

вам Ф. Фукуямы, «утилитаристы редко принимают в расчет пользу и вред более тонкой природы, которые не так легко измерить или последствия которых сказываются на душе, а не на теле. Легко построить обвинение против такого вещества, как никотин, который имеет ясно определяемые отдаленные последствия вроде рака или эмфиземы легких, но труднее выступить против прозака или риталина, которые сказываются на личности и характере»⁶⁵.

Исследования М. Фуко демонстрируют, что норма в психиатрии понимается как правило поведения, как абстрактный закон, как принцип сообразности, ей противостоят неправильность, беспорядок, чудачество, эксцентричность, несоответствие общему уровню. Но ее укоренение в органической или функциональной медицине, укоренение через неврологию, позволяет психиатрии присвоить норму и в другом смысле – как функциональную регулярность, как подобающий, слаженный принцип функционирования; это «нормальное», в отличие от патологии, болезни, дезорганизации, дисфункции⁶⁶. Ненормальное не просто осуждается как аморальное и подвергается коррекции педагогическими средствами, но требует медицинского вмешательства.

Обращу внимание еще на один аспект, указывающий на результаты применения фармацевтических средств как технологий улучшения человека. Использование риталина и подобных ему аналогов с целью обеспечения индивиду необходимого успешного функционирования порождает искушение расширением спектра действия препарата,

⁶⁵ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ». 2004. Режим доступа: http://www.e-reading.by/chapter.php/143497/20/Fukuyama_-_Nashe_postchelovecheskoe_budushchee.html.

⁶⁶ Там же.

приписыванием ему функций когнитивного усилителя, так необходимого дееспособному человеку, например периодически испытывающему кризис в сфере занятости. И в этой связи возникает вопрос: на фоне усиления тенденций медикализации не будут ли лица дееспособного возраста, не использующие усилители, рассматриваться как в некотором роде «инвалиды», в связи с возможными отклонениями от новых норм трудовой деятельности? «Усиленная» нормальность вызовет процесс новой стратификации нормальных и ненормальных и, следовательно, сформирует новый запрос к психологии, психиатрии и фармакологии. Это проблема касается не только применения фармакологических средств, подобных риталину, но и многих других технологий улучшения человека. Искоренение неравенства как декларируемый аттрактор применения технологий улучшения человека является абсолютно недостижимой целью, поскольку по нарастающей провоцирует появление новых видов неравенства, опыта справиться с которыми у человечества до сих пор не было.

Развитие технологий улучшения порождает предпосылки для развития кризиса социальности. И если в сфере занятости возникает возможность новых форм конкуренции людей с усиленными, улучшенными телами (например, путем использования генетического допинга у спортсменов), то в сфере репродуктивных отношений, в отношении детей дизайн детского населения будет осуществляться с целью создания у них новых качеств, позволяющих успешно включаться в конкурентные отношения, быть в дальнейшем успешным «человеческим капиталом». Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что мотивы, которые вступают в борьбу за право изменять человеческую природу, как правило, тесно связаны с финансовой составляющей, имеющей лишь косвенное отношение к установлению формата справедливых социальных отношений

и еще менее сенситивных в отношении таких основополагающих этических понятий, как автономия или благо.

4.4.4. Между терапией и улучшением телесности: казус Леноры

Свой дальнейший анализ я бы хотела посвятить анализу физической модификации телесности ребенка, представив ее гендерно-половой аспект. Речь пойдет о тонкой грани между терапией и улучшением, которая возникает, когда речь идет о стандартизации и идеалах, касающихся идентичности человека, его образа, вписанного в стандарты нормальности.

Я буду опираться на работу: Gerald N. Callahan «Между XX и XXI: интерсексуальность и миф о двух полах»⁶⁷. Я заимствую из этой работы историю Леноры – ребенка, в жизни которого разыгралась драма «третьего пола».

Ленора родилась как любой другой обычный ребенок, без признаков физического уродства или явных признаков какого-либо заболевания. При первичном медицинском осмотре определили, что она является девочкой, хотя врач и обратил внимание на наличие гипертрофированного клитора. Завернутая в белье нежных оттенков розового, она благополучно выписалась из роддома. В возрасте семи лет Ленора переболела корью и во время врачебного осмотра у девочки также обнаружили гипертрофированный клитор, однако он не превышал норму радикально, поэтому врачи не проявили особой озабоченности и не предприняли никаких действий. В возрасте 13 лет у Леноры стал развиваться волосяной покров в соответствующих зонах, как и полагается молодой девушке. Однако в отличие от своих

⁶⁷ *Gerald N. Callahan. Between XX and XXI: intersexuality and the myth of two sexes. Chicago Review Press. 2009.*

сверстниц Ленору обошел стороной менструальный цикл, ее грудь оставалась плоской, как у мальчика. Неожиданно у девушки в этом возрасте развивается тонзиллит, и ее кладут в больницу для удаления гланд. Во время медицинского осмотра врач также обнаружил гипертрофию клитора Леноры, однако, кроме того, он провел более тщательное обследование и обнаружил, что влагалище Леноры было в зачаточном состоянии, слишком коротким и слишком маленьким, чтобы нормально функционировать. Это, а также то, что грудь Леноры была плоской и у нее отсутствовали менструации, озадачило врача. Он направил девушку в Специальный медицинский центр для детей-подростков в Лос-Анджелесе для дальнейших исследований. Здесь было проведено полное обследование.

В процессе обследования был выявлен умеренный гирсутизм на лице, отсутствие развития молочной железы, гипертрофированность клитора, который функционировал как маленький пенис с отверстием мочеиспускательного канала. Влагалище было небольшим. Манеры девушки более соответствовали мальчишеским.

Был также проведен генетический анализ. И здесь результаты исследования оказались чрезвычайно интересными. В клетках Леноры не нашли полового хроматина, наличие которого является признаком женской идентичности. Дальнейшие исследования показали, что большинство клеток Леноры имело правильное количество хромосом, но также обнаружилось, что внутри каждой клетки скрывались X и Y-хромосома. Клетки Леноры, с точки зрения генетики, были мужского пола.

Анализ гормонов Леноры показал дефицит женских гормонов. Проведенное вслед за генетическим исследованием психиатрическое исследование продемонстрировало, что Ленору не приводили в замешательство вопросы о том, какого она пола, однако она демонстрировала некоторые

мужские агрессивные модели поведения и фантазии. На основе проективных методик было выявлено, что ее гендерная идентичность обладала некоторой двойственностью. При этом на сознательном уровне паттерны идентичности полностью соответствовали присвоенному при рождении полу.

Во время дальнейших исследований у Леноры обнаружили рудиментарные Фаллопиевы трубы и некое подобие матки, неопущенные яички и отсутствие яичников.

Врачи, действуя в рамках строгой патерналистской модели, приняли решение об их удалении, а впоследствии и осуществление клитероктемии, даже не проинформировав об этом родителей. Вслед за этим Леноре стали проводить гормональную терапию, чтобы она смогла развиваться как полноценная женщина (что способствовало формированию женской груди). Докторов не смутили факт наличия мужской Y-хромосомы и ее гендерная неоднозначность, проявившаяся в тестах. Как пишет Gerald N. Callahan, лучшее будущее для Леноры оказалось будущим *«хирургически упрощенной, химически усовершенствованной женщины»*⁶⁸.

Опираясь на отчет доктора Tibbs, Gerald N. Callahan пишет, что «никто не рассматривал вариант оставить Ленору такой, какой они ее обнаружили. Ленора при поступлении не вписывалась ни в одно из двух пространств, уготованных человеческим умом для человеческих существ — она определенно не была ни мальчиком, ни девочкой. Сочувствие, нравственность, доброта, безусловно, сыграли свою роль в принятии решения врачами, но также имела место определенная глубокая предрасположенность»⁶⁹.

⁶⁸ Gerald N. Callahan. Between XX and XXI: intersexuality and the myth of two sexes. Chicago Review Press, 2009.

⁶⁹ Там же.

Кроме того, очевидно, на врачебное решение повлияло то обстоятельство, что Ленора уже 14 лет жила как девушка и также наверняка были учтены трудности, связанные с реконструктивной хирургией: придать гениталиям более маскулинную форму было бы достаточно сложно.

Случай Леноры, описанный Gerald N. Callahan, представляет значительный интерес для исследования проблемы гендерно-полового биотехнологического конструирования.

Ленора не вписывается в пространство гендерно-половой нормальности, и врачебное сообщество выступает субъектом нормализации, выбирая, какая физическая реальность (телесность) предпочтительнее для того или иного индивида. В отношении гендерно-половой идентификации врачебное сообщество выступает носителем истины, которая не терпит промежуточных вариантов при определении пола и если социум со временем (конечно же, в зависимости от общественных устоев) может предоставить право выбора и пола, и гендера, то в отношении детей при отсутствии определенности определенность конструируется средствами биотехнологий., чтобы подобно Леноре получить варианты *хирургически упрощенных, химически усовершенствованных юношей и девушек.*

Поведение врачей полностью соответствовало общепринятой схеме лечения больных, подобных Леноре. В основе этой схемы лежат глубокий патернализм и представление врачей о том, что они являются экспертами в определении блага пациента. И, следовательно, им дается право конструировать телесность ребенка в соответствии с этим пониманием. Эта установка в отношении детей-интерсексуалов господствует и сейчас.

Летом 2006 г. Педиатрическое эндокринологическое общество Лоусон Уилкинс и Европейское общество дет-

ской эндокринологии собрались вместе (50 международных экспертов в этой области), чтобы ответить на некоторые из вопросов, которые окружают рождение интерсекс-ребенка. Их доклад появился в 2007 г. под названием «Консенсус по вопросам лечения интерсексуальных расстройств» (Consensus Statement on Management of Intersex Disorders)⁷⁰. В данном докладе были прописаны основные этические стандарты по обращению с пациентами, страдающими расстройствами сексуального развития. Как отмечается в докладе, «стандарты по уходу в целях обеспечения лучшего клинического менеджмента в области расстройств сексуального развития включают: определение пола для всех; избегание присвоения гендера до экспертной оценки новорожденных; открытое общение; мультидисциплинарную группу по оценке и менеджменту; участие семьи/пациента в принятии решений, уважение и внимание к проблемам пациента/семьи; строгую конфиденциальность»⁷¹. Особый интерес представляет концепт «определение пола для всех». Каждый должен быть определен как мальчик или девочка. Необходимо выбрать между двумя опциями (мальчик–девочка), принимая во внимание мнение членов группы экспертов и родителей исходя из представлений о том, какой выбор для этого ребенка является лучшим. Решения о выборе пола ребенка должна принимать основная группа, состоящая из педиатрических эндокринологов, хирургов, урологов, гинекологов или психологов/психиатров, генетиков, неонатологов, соци-

⁷⁰ Hughes, IA and Houk, C. and Ahmed, SF and Lee, PA and LWPES/ESPE Consensus Group. Consensus Statement on Management of Intersex Disorders. Режим доступа: http://endoinfo.ru/guide_lines/espe_intersex.pdf.

⁷¹ Callahan, Gerald N. Between XX and XXI: intersexuality and the myth of two sexes. Chicago Review Press, 2009. P. 116.

альных работников, медицинских сестер и медицинских специалистов по этике⁷².

Описанный выше случай Леноры лишь детализирует возможную практику медицинских манипуляций в отношении детей-интерсексуалов, но не акцентирует внимание на субъективных аспектах восприятия подобных манипуляций. Мы можем оптимистически полагать, что эффект, полученный от хирургического вмешательства, положительно повлиял на дальнейшую судьбу девушки и стал для нее необходимым шагом в формировании идентичности. Между тем выбор врача или консилиума врачей относительно пола ребенка, то есть фактически конструирование оснований последующей гендерной идентичности, – это огромная зона ответственности, с непредвиденными как для врача, так и для самого субъекта, эффектами.

Janik Bastien, профессор социологии Монреальского университета в Квебеке, будучи от рождения также интерсексуалом, в описании собственной судьбы делает акцент на поражении индивида перед патерналистскими практиками медицины и ее нормами. Она пишет: «Нам мало известно о нашей личной истории. Или осознаем лишь половинчатую правду, результат медицинского патернализма и ложного предположения, что то, что мы не знаем, не навредит нам»⁷³. Решения, касающиеся медицинского вмешательства в тело интерсексуалов, отражают трагедию выбора между попыткой быть самим собой (сохранив свое телесное инакобытие) и адаптацией к гендерно-эстетическим канонам телесности, поддавшись медицинскому нормированию. Что значимо, в отношении интерсексуалов

⁷² Там же.

⁷³ Bastien-Charlebois, Janik. My coming out: The lingering intersex taboo. Режим доступа: <http://montrealgazette.com/>

нормирование выступает как эстетическая, косметическая практика, скрывающая дефекты, здесь медицина выступает в функции не только лечения, но и косметического «усовершенствования» человека. Кроме того, программа полового усовершенствования должна осуществляться в срок, ведь немаловажным может оказаться не только фактор психологических рисков и рисков для здоровья, на которые обращает внимание медицина, предлагая сделать операции по коррекции пола, но и экономический фактор, с которым приходится считаться молодым людям.

Janik Bastien, которую поставили перед необходимостью удаления гипертрофированного клитора, не столько по медицинским основаниям, сколько по эстетическим, обращает внимание на давление, которое испытывает индивид перед махиной медицины: «Незадолго до 17-летия, моя мама однажды сказала мне, когда мы ехали в ее машине, что, если я хочу бесплатную операцию, я должна заявить об этом до 18-летия, иначе это будет считаться косметической хирургией и придется заплатить за это, что будет довольно дорого и недоступно для молодого человека, каким я была. Я столкнулась с ультиматумом... Потерявшая почву под ногами и загруженная, я прошла через машину конформизма, как автомат по рельсам»⁷⁴. Она с горечью замечает: «Я не встретила никого, кто был счастлив от лечения, которому они подверглись и на которое они не давали согласия или кто счел нормальным подвергнуть юношей и девушек косметическому лечению, не имеющему отношения к спасению жизни, без их согласия»⁷⁵.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ На сегодняшний день лишь одна страна запрещает вмешательство без взаимного согласия, не имеющее целью спасение жизни, носящее косметический эффект в отношении интерсекс-детей – это Мальта. См.: Там же.

Выше я обращала внимание на открытый М. Фуко процесс перехода нормы из области морали в область функциональной медицины, позволяющий превратить норму в нормальное как подобающий, слаженный принцип функционирования в отличие от патологии. В отношении интерсексуалов данный процесс выражен очень отчетливо: нарушение гендерных норм или потенциальное их нарушение, так же как и потенциальное несоответствие духу гендерной дифференциации (с четким разделением половых ролей) чревато определением физического состояния индивида, его развития как патологии. Об этом возмущенно пишет упомянутая выше Janik Bastien: «...я услышала из уст самой Энн Фаусто Стерлинг, когда она посетила UQAM в 2009 г., университет, где я сейчас работаю, что врачи приняли в 2005 г. новую терминологию для описания нас: “Нарушения полового развития”. Я была в ярости. ...Я не была нарушением. Размещение моего тела в рамке патологии было именно тем, что поставило меня на путь переживания медицинской сексуальной агрессии и телесных лишений⁷⁶».

4.4.5. Генеология «ненормального» индивида

Вспомним генеологию ненормального индивида, реконструированную М. Фуко. Она демонстрирует, что телесные каноны прежде всего следует рассматривать как гендерные каноны. Основанием властного воздействия на индивида являются нарушения санкционированных социальной общностью половых ролей. В этом и проявляется сущность половой морали как общественного феномена, который наряду с прочими целями призван обеспечить в обществе некую половую нормализацию, идентичность.

⁷⁶ Там же.

М. Фуко для раскрытия различных аспектов этой темы вводит в философский дискурс понятия монструозности. Монструозность предполагает перверсию, произошедшую на соматическом уровне, чаще всего отвергающую предполагаемую дифференциацию половых ролей. Однако монструозность – это не просто уродство, ее критерием не является сбой, произошедший в физическом плане. Монструозность, согласно М. Фуко, есть только там, где противоестественное беззаконие затрагивает, попирает, вносит сбой в гражданское, каноническое или религиозное право. М. Фуко делает акцент именно на попрании общественных норм, совершении преступления, которое не может быть оправдано естественными причинами, не вызывается исключительно ими. Как удивительно точно подметил отечественный психиатр А. Белкин, автор книги «Третий пол», много лет жизни посвятивший исследованию проблем интерсексуалов: не такая уж большая беда – родиться пасынком природы. Лишь бы общество не рассматривало тебя как своего пасынка⁷⁷. Итак, речь идет о том, что на любые кажущиеся естественными проявления чувств общество может наложить клеймо противоестественности.

Исторически понятие монструозности возникало в связи с осознанием двойственности, гибридности человека, которая проблематизировала не только биологические нормы, но прежде всего ставила под вопрос нормы морали и права. Монструозность – не сродни уродству, поскольку последнее не угрожает закону, она подразумевает нечто запрещенное либо не осмысленное законом, такое состояние, которое вызывает безмолвие закона. Как пишет М. Фу-

⁷⁷ Белкин А. Третий пол. Судьбы пасынков Природы, М.: Олимп, 2000. Режим доступа: <http://litlife.club/bg/?b=2909>.

ко, «человеческий монстр – монстр не только потому, что он является исключением для своего вида, но и потому, что он вносит замешательство в юридическую систему (идет ли речь о законах брака, канонах крещения или правилах наследования)»⁷⁸. Так, решение громких дел, связанных с гермафродитизмом, затрагивало не только юристов, но вовлекало и медиков. Силы закона оказывалось недостаточно, чтобы понять природу поступка, выбрать между наказанием и оправданием. Медики заставляли юристов считаться с противоестественностью самой природы.

Исследование проблематики монструозности М. Фуко заставляет рассматривать проблематику морали не только в связи с сферой индивидуального свершения, поступками или общественно значимыми нормами, но и принимать во внимание то, что мораль неизбежно соотносится с проблемой телесной идентичности. Человек же должен нести в себе как минимум тройной порядок подчинения: закону естественному, куда можно отнести необходимость четкого осознания своей половой идентичности без промежуточных вариантов, с четким разделением половых ролей, принятие стандартизированных образцов поведения, как будто бы заданных самой природой, кроме того, порядок подчинения этики естественной этике общественной, возвышающейся над природными началами нравственности, как право позитивное возвышается над правом естественным. И, в-третьих, за счет наличия свободы воли высшей степенью детерминации оказывается закон, который

⁷⁸ Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/foucault=les_anormaux=ann.htm.

утверждается благодаря моему волеию. У М. Фуко третий тип детерминации неявно обозначается в понятии «заботы о себе», подразумевающим автономный выбор человеком определенного стиля жизни, модели поведения, в рамках которой происходит совершенствование себя, предполагающее конституирование собственной жизни как произведения искусства.

Исследование проблемы биотехнологического конструирования детства артикулирует проблему выражения «детского голоса» в принятии решений, касающихся их здоровья, их идентичности, физических и ментальных качеств. Ребенок не может говорить о себе в полную силу, полноправно, его голос как бы нуждается в онтологической доработке, которую по сложившейся традиции делегируют взрослым или сформированным ими институциям. Взрослые как субъекты имеют дело с осмысленным миром и сами привносят в него мир значения, приписывая тому или иному явлению определенную ценность. В отношении проблем детства эта особенность мироотношения выливается на практике в субъективное понимание потребностей ребенка: даже если действия взрослых по отношению к ребенку основаны на желании оказать ему благо, сама дефиниция блага задается взрослым без участия ребенка. Ребенок не может осуществить упомянутую выше «заботу о себе», право на это делегируется представителям мира взрослых, в котором (при современном состоянии биотехнологической отрасли и особой миссии биовласти⁷⁹) особую роль занимают родители и медицинский персонал. Парадокс развития современной медицины состоит в углублении ее ориентации не столько на воссоздание нор-

⁷⁹ Подробнее об этом см.: *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. М., 2001. 177 с.

мы, сколько на проектирование человека⁸⁰. Мы имеем дело с такими достижениями современной биомедицины, которые не только лечат человека, но предоставляют возможность изменения антропологической нормы. Трансформативный потенциал биотехнологий позволяет «взрослому» не ограничиваться функцией восполнения недостатков или восстановления здоровья, но мыслить о здоровье ребенка уже совершенно в других категориях, отражающих возможности биотехнологического перфекционизма: улучшения, усовершенствования, оптимизации, наделяющих медицину голосом этика и художника.

4.4.6. Казус «трех родителей»

В феврале 2015 г. в Великобритании нижней палатой парламента было одобрено применение методов геной инженерии для создания «ребенка от трех родителей», то есть человека, в клетках которого будут присутствовать ДНК от двух женщин и мужчины. При этом будут использованы половые клетки родителей и ДНК митохондрии, полученной от здоровой женщины. Предполагается, что родившийся ребенок не будет страдать заболеваниями, которые могли бы быть ему переданы по наследству вследствие дефектов в митохондрии его матери, например такими, как мускульная дистрофия или порок сердца⁸¹.

Казус «трех родителей» вызвал диаметрально противоположные оценки, апеллирующие к ценностям науки, религиозным ценностям, ценности приватной жизни и т.д.,

⁸⁰ См.: Юдин Б.Г. Медицина и конструирование человека // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 13.

⁸¹ В Британии одобрено создание детей «от трех родителей» // Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/society/2015/02/150203_uk_voting_three_person_babies.

ярко продемонстрировав ситуацию несоизмеримости концептуальных аргументов.

Камнем преткновения стал вопрос о производстве «дизайнерских детей», то есть проектировании черт будущего ребенка (его внешности и характера) на заказ в соответствии с предпочтениями родителей. И хотя сторонники новой технологии утверждают, что модификация митохондрий не влияет на индивидуальные характеристики будущего ребенка, это не отменяет самого факта генетического конструирования – практики, в отношении которой возникает множество вопросов как этического характера, так и связанных с непредвиденными рисками для здоровья будущего ребенка. Например, такого рода: как могут семейные пары дать полноценное информированное согласие на рождение ребенка с чужеродной ДНК («от трех родителей») ввиду неполноты информации о последствиях самой процедуры, невозможности калькуляции рисков.

Казус «трех родителей» продемонстрировал феномен очищения социальных связей от привычного понимания «социального», о чем прекрасно сказала Х. Новотны: «“Социальная связь” в самом истинном смысле этого термина, которая на протяжении столетий была обличена в форму социальных соглашений, в отношениях любви и власти, теперь предстает в своей неприкрытой генетической наготе»⁸².

⁸² *Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 2010. P. 12.*

4.5. Клонирование человека: между совершенством и коммодификацией

4.5.1. Клонирование как культурный проект

Проблему клонирования человека следует рассматривать, прежде всего, в широкой социокультурной перспективе. Такой подход позволит осознать, почему невозможен абсолютный запрет клонирования. В этой связи акцентирую внимание на тезисе Ж. Деррида, выдвинутом им во время одного интервью: «Если бы клонирование началось с клонирования...».⁸³ Итак, существует нечто, что стоит за рамками расхожих биологических представлений о клонировании, но, тем не менее, определяет возможность легитимации тех или иных вариантов такой биотехнологической практики, как клонирование. Обращусь к словам Ж. Деррида: «Если мы тщательно исследуем концепт клонирования – репродукции двух идентичных индивидов, двух идентичных структур живых существ, – оно существовало всегда; оно происходило все время в репродукции в целом. Репродукция в целом не может быть подвергнута контролю или запрещена; мы не можем отрицать, что нечто идентичное всегда возвращается и умножается. Идентичное возвращается все время. Тем или иным способом, в семье, в языке, в нации, в культуре и образовании, в традиции... Без идентифицирующей репродукции также не может быть культуры»⁸⁴.

⁸³ *Derrida, Jacques. For What Tomorrow...: A Dialogue. With Elisabeth Roudinesco. Translated by Jeff Fort. Stanford: Stanford University Press, 2004.*

⁸⁴ Там же.

Клонирование предстает и метафорой, и квинтэссенцией процессов, происходящих в культуре, именно эти процессы задают легитимность тех или иных биомедицинских практик и клонирования в том числе (и в целом различных форм идеологии конструирования человека, в основе которых лежит интенция на массовое воспроизводство человека определенного типа). В этой связи запретить клонирование во всех его видах (репродуктивное, клонирование животных, клонирование в исследовательских целях) означало бы полностью закрыть проект современной культуры.

Как клонирование репродуктивное, так и клонирование терапевтическое основаны на действии одних и тех же принципов, одного и того же закона: повторения и обезличивания. Апологеты клонирования, отталкиваясь от идеала усовершенствованного человека, на самом деле всегда грезят о тиражируемости этого идеала: идеальные клонированные работники, идеальные клонированные доноры, клонированные лидеры или солдаты утопичны до определенных пор и т.д., отсылают прежде всего к формату идеи, которая в определенных исторических рамках начинает подпитываться энергией технологического воспроизводства и со временем может обрести воплощение, стать необходимым проектом. Апологеты клонирования грезят не об индивиде, но о массе, наполненной выгодными заказчику индивидами. Они будут создавать новый тип армии, системы образования, здравоохранения и других социальных институтов, где может быть востребована тиражируемость определенного типа человека.

Подчеркну, что клонирование человека – пока еще абсолютно неприемлемая и нелегитимная практика – находится в зоне противостояния различных культурных традиций и проектов, хаотично переплетающихся в нашем

мире. Социокультурный запрос на массовое тиражирование вещей (клонирование артефактов, в том числе гуманоподобных) подготовил почву для легитимизации клонирования человека. Однако этому культурному проекту противостоят не менее значимый культурный вектор, защищающий индивидуализм, уникальность человеческого бытия, его неповторимость, невозпроизводимость каждого конкретного индивида. Защита интересов «неповторимого» человека осуществляется посредством артикуляции целого ряда нерешенных этико-антропологических проблем, являющихся консервативными факторами, сдерживающими развитие практики клонирования человека.

Кратко освещу основные из них:

- проблема безопасности (как сохранение жизненно важных параметров индивида, его антропологической нормы: медицинской, социокультурной и т.д.);
- кризис социальности (в связи с «недееспособностью» понятий воспроизводства и семьи; неопределенностью положения клонированного ребенка по отношению к «родителю»);
- кризис самопонимания личности клона, негативное влияние знания о факте клонирования на психологическое развитие личности клона;
- необратимая утрата свободы личности: поскольку человек как артефакт задан, спроектирован, он не свободен;
- ущемление человеческого достоинства;
- проблемы гендерной этики (уязвимость здоровья женщин, доноров яйцеклеток – касается терапевтического клонирования и клонирования в исследовательских целях);
- проблема коммодификации телесности, превращения тела в товар (речь прежде всего идет о донорстве женских яйцеклеток, необходимых для осуществления практики клонирования в исследовательских целях);

- проблема человеческой дезадаптации, «шока будущего» (Э. Тоффлер);
- проблемы религиозной этики;
- клонирование и проблемы евгеники (следствием спроектированного биогенетического неравенства становится возможность появления социального неравенства).

Ниже я бы хотела обратить внимание на две кардинально противоположные, на первый взгляд, сферы тематизации клонирования. С одной стороны, речь пойдет о клонировании человека как фантастическом мысленном эксперименте, где отчетливо выделяются утопические ожидания современного человека, его недостатки, его потребности, его современные идеалы, с другой – о терапевтическом клонировании (клонировании в исследовательских целях) – вполне сложившейся практике, которая имеет дело не столько с фантастикой, сколько с прагматикой реальной жизни, с коллизиями автономии и зависимости, коммодификации (овеществления) тела, экономическими спекуляциями и проблемой справедливости.

Новый формат социальных перемен, своего рода кризис социальности, вызываемый феноменом клонирования человека, пока что интуитивно прочувствован лишь в научной фантастической прозе, а также в фантастических сюжетах, обыгрываемых в академических изданиях, посвященных проблематике усовершенствования человека.

4.5.2. Клонирование человека и усовершенствование

Феномен клонирования человека многоаспектен. Рассмотренные выше заимствованные из области фантастики примеры интересны как вымышленные прецеденты

для анализа различных траекторий развития будущего, новых векторов социального нормирования, новых антропологических констант и путей формирования идентичности и т.д.

Нравственные коллизии, возникающие вследствие легитимации клонирования, артикулируют прежде всего аргумент на основании видовой принадлежности. Этическая аргументация на базисе видовой принадлежности (этика вида в терминологии Ю. Хабермаса⁸⁵) затрагивает очень сложные в технологическую эпоху вопросы: Когда человек прекращает быть членом своего вида? Собственно каковы рамки человеческого? В контексте проблемы клонирования актуализируется вопрос о том, является ли клонированный индивид полноценным членом человеческого вида или лишь вещью, обладающей признаками жизни, пригодной исключительно для целей эксплуатации.

Противоположный подход к клонированию можно условно назвать перфекционистским. Он отражает, прежде всего, стремление человека (за неимением возможности сконструировать иным путем) законсервировать в клонированном индивиде совокупность черт, качеств, которые представляются идеальными, необходимыми оригиналу или группе людей, преследующих какие-либо связанные с клонированным существом цели.

В этой связи обращу внимание на смоделированный фантастический пример, взятый из работы «От шанса к выбору»⁸⁶.

⁸⁵ См.: Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002.

⁸⁶ Buchanan A, Brock D., Daniels N., Wikler D. From Chance to Choice. Genetics and Justice. Cambridge University Press, Cambridge, 2009.

Члены религиозной секты собираются осуществить «массовое производство» человеческих эмбрионов, клонированных от их лидера. Представитель секты заявляет, что она имеет собственную лабораторию и надеется применить технологии, широко используемые для коммерческого производства животных. Некоторые члены конгресса выражают возмущение и требуют, чтобы правительство предприняло действия против религиозной группы. Представитель союза американских гражданских свобод отмечает, что если мы уважаем репродуктивную свободу и свободу религии, мы должны уважать права религиозных сообществ попытаться транслировать их верования и образ жизни будущим поколениям или с помощью традиционных методов обучения или же посредством применения генетических технологий.

Опираясь на данный кейс, позволю себе краткий этический анализ двух взаимосвязанных проблем: клонирования и усовершенствования («enhancement»). Понятие «усовершенствование» («enhancement») включает явную или неявную оценку, отсылку к ценностям, к социокультурному контексту. Оно нагружено и референтной функцией (описания фактического положения дел – люди несовершенны) и функцией предписывания определенного модуса поведения (долга совершенствования), оно не является ценностно и этически нейтральным. Распространение в повседневной жизни практики клонирования в целях усовершенствования кого-либо всегда будет сталкиваться с проблемой нормы и нормирования.

Мир, наполненный клонированными представителями секты, – хорошо это или плохо? Имеем ли мы право вообще клонировать человека? Кто должен взять на себя ответственность за определение нормы человеческого, некоего универсального стандарта человека? Как привести к об-

щему знаменателю различные представления о нормальности и о норме? Актуальные сегодня эти и подобные вопросы в будущем будут обострены в связи возможностями появления новых технологий усовершенствования, соблазн применить которые для переделки человеческого существа может оказаться настолько велик, что консервативные сдерживающие силы (например, в лице традиционной морали) могут оказаться задавлены призывами к конструированию нового сверхчеловека.

Особым пунктом обеспечения стабильности существования, некоторого комфорта совместной жизни у локальных групп (например, таких как упомянутая выше группа, сформировавшаяся по религиозному признаку) вполне может быть решение о новых технологических (например, с помощью генетических технологий) способах достижения единодушия среди членов сообщества. Предполагается, что клонированные лидеры религиозной секты будут формировать генетически и (как ожидается) духовно гомогенную социальную ткань. Интенция на улучшение качества человеческой природы будет конкурировать с интенцией обеспечения качества жизни. Как сделать жизнь лучше: изменив себя (индивидуальный утопический проект) или мир вокруг себя, включающий в том числе других людей, – в такой постановке вопроса обнаруживаются риски появления возможности построения будущих социальных утопий.

4.5.3. Репродуктивное клонирование и коммодификация

Следующим объектом моего анализа будет широко распространенная практика терапевтического клонирования, под которым подразумевают «использование методов

клонирования для получения эмбриональных (зародышевых) стволовых клеток в целях научных исследований и, потенциально, в терапевтических целях»⁸⁷.

Следует подчеркнуть, что использование характеристики «терапевтический» до сих пор является эвфемизмом, обозначением, смягчающим эмоциональную реакцию от понимания специфики этого вида клонирования, отчасти сглаживающим моральную реакцию индивида, осознающего, что процесс получения стволовых клеток сопряжен с этически амбивалентной, построенной на уничтожении эмбрионов практикой. На этот аспект обратили внимание авторы брошюры, посвященной вопросам клонирования, изданной под эгидой ЮНЕСКО. Авторы предлагают следующий шаг к устранению неточности в обозначении: «Учитывая, что термин “терапевтический” предполагает благоприятное для пациента прикладное применение клонирования, что пока является чисто теоретической возможностью, было бы правильнее изменить такой позитивно звучащий термин на более нейтральный: например, “клонирование в исследовательских целях”»⁸⁸.

Не буду акцентировать внимание на безусловно значимой для этического анализа проблеме морального статуса эмбриона как неотъемлемой черте исследования этических аспектов «терапевтического» клонирования. Остановлюсь на не менее значимой, но более замалчиваемой проблеме терапевтического клонирования, связанной с ее экономической составляющей и прежде всего на раскрытии моральных аспектов коммерческого использования значи-

⁸⁷ Клонирование человека. Вопросы этики. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж: ЮНЕСКО, 2004. С. 12.

⁸⁸ Там же. С. 12.

тельного количества яйцеклеток, необходимых для осуществления клонирования в исследовательских целях. Эта проблема стала объектом внимания авторов упомянутой брошюры по клонированию, изданной под эгидой ЮНЕСКО: «Создание человеческих эмбрионов для исследовательских целей требует, однако, наличия достаточно большого количества яйцеклеток. По этой причине получение яйцеклеток для создания клонированных эмбрионов также может вызвать трудности этического и иного характера. Если для создания одного клонированного человеческого эмбриона, как и при клонировании животных, потребуются сотни неоплодотворенных яйцеклеток, то возникает вопрос: каким образом могут быть получены такие яйцеклетки? Извлечение яйцеклеток из женского организма носит инвазивный характер, поэтому некоторые специалисты выражают озабоченность в связи с тем, что это может привести к эксплуатации женщин и коммерциализации человеческих яйцеклеток»⁸⁹.

Рыночные аспекты «терапевтического» клонирования, как и многих других биотехнологических практик, связаны с потребностью определить жизненно важные блага (к которым, например, относятся органы и субстанции тела, его клетки) в качестве объектов не столько рыночного, сколько реципрокного обмена. Уже упоминавшаяся практика эвфемизации речи служит также и нейтрализации знания о коммерческой составляющей «терапевтического» клонирования, маскируя его под альтруистический акт. Например, продажа яйцеклеток в целях использования их в процедурах ЭКО осуществляется в рамках риторики до-

⁸⁹ Клонирование человека. Вопросы этики. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж: ЮНЕСКО, 2004. С. 13.

норства, использование понятия «материальное вознаграждение» обозначается как материальная компенсация. Как справедливо отмечает Е.С. Бердышева в обзоре, посвященном анализу западных концепций коммодификации, «индивиды могут маскировать рыночные аспекты сделки, обустроивая практики обмена так, чтобы намёк на материальную выгоду был выведен из фокуса взаимодействия. Рыночный обмен жизненно важных благ может фреймироваться его участниками как нерыночный. На практике многие ситуации обмена, формально считающиеся рыночными, находятся где-то на континууме между прямым торгом и реципрокностью»⁹⁰. Коммодификация тела, его частей и субстанций – важнейший тренд последних десятилетий, вызвавший массу как этических, так и правовых коллизий. В 1992 г. набиравшее силу распространение тенденции коммодификации человеческого тела побудило Джима Хогшира провести исследование о коммерческой стоимости телесных «активов», таких как кровь, моча, молоко, яйца, сперма и другие, и написать руководство о том, как продать себя науке. Хогшир, подсчитав возможную прибыль от «продажи» тела, указал, что, выступая в качестве подопытного кролика, субъект может рассчитывать на заработок в \$ 100 в день, а также проживание и питание⁹¹.

Раскрытие данных о коммодификации тела сопровождается попытками анализа нормативной практики, без которой любые процессы, связанные с манипуляцией телом

⁹⁰ Бердышева Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. Т. 13. № 1. С. 77.

⁹¹ *Hogshire, Jim. Sell Yourself to Science: The Complete Guide to Selling Your Organs, Body Fluids, Bodily Functions and Being a Human. Guinea Pig Paperbac, 1992.*

как товаром оказались бы невозможны. Мишель Гудвин в своей работе «Черные рынки: спрос и предложение на части тела» поднимает проблему ложного альтруизма. Он отмечает, что сложившаяся практики коммодификации тела основывается на установке, что только доноры тканей и органов должны действовать на основе альтруизма, в то время как биотехнологические компании могут получать огромную прибыль за биоматериалы.

Так, извлечение яйцеклеток для исследовательских целей является инвазивной процедурой, наносящей вред здоровью женщины, однако информация о вреде для здоровья, как правило, не фигурирует в информированном согласии женщины. Биотехнологические компании, использующие в своей деятельности яйцеклетки, взывают к альтруистическим чувствам женщин, отмечая, что это – акт донорства (то есть в идеале – безвозмездная процедура) и не компенсируют риски для здоровья должным образом (либо денежная компенсация невелика). Также все большее распространение обретает практика репродуктивного туризма, которая включает в том числе и поиск доноров яйцеклеток в странах «третьего мира».

Поиск оснований, на которых можно бы было построить классификацию коммодифицируемых и некоммодифицируемых благ, всегда будет апеллировать к мировоззренческим принципам, отталкиваться от некоторых исходных социокультурных архетипов. Под коммодификацией блага будет подразумеваться нечто, обретающее «статус вещи, которой человек может управлять (и манипулировать) по своей воле»⁹².

⁹² См.: Бердышева Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. Т. 13. № 1. С. 69.

Онтологические основания коммодификации заложены в осуществившейся в Новое время либерализации отношения к своему собственному телу как к инструменту, объекту манипуляций, собственности.

Образ человека Нового времени – это образ экономического субъекта, реализующего себя в деятельности. В рамках новоевропейской либеральной парадигмы достоинство человека предполагает обладание некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности. Первичной и наиболее фундаментальной собственностью является человеческое тело, в социальном плане выражающее себя в «труде» и в результатах этого труда. Современный субъект в рамках очерченной мною темы также идет по этому пути. Но он не просто реализует себя, а воспроизводит, «клонировует» свое тело (свои клетки, свои субстанции) и продает себя. Его труд – в поддержании здоровья и самосохранении, результаты его труда – это то естественное, что принадлежит телу и субъекту каждое мгновение, но в то же время и то, что благодаря особой воле субъекта и его отношению становится артефактом, товаром (речь, конечно же, идет о телесных биоматериалах). Последовательный неограниченный либерализм, отстаивающий тело как индивидуальную ценность, позволяет человеку инструментализировать его разными способами, в том числе дисконтируя его и наживаясь на этом.

Проблема коммерциализации телесности постепенно проникает в массовую культуру. Так, в фантастическом триллере «Восхождение Юпитер» главная героиня, простая уборщица, мечтая купить телескоп, но не имея на это средств, решает сдать за определенную сумму денег свои яйцеклетки. Сама героиня, обладая идеальным ДНК-кодом и являясь генетической реинкарнацией (фактически клоном) основательницы династии, когда-то управляющей

Землей и рядом других планет, обладает правами на королевский титул вселенского масштаба. Коллизия сюжета фильма связана с практикой так называемой «жатвы», когда Землю и ее обитателей (их тела, биологические субстанции) рассматривают как биологический ресурс для производства эликсиров, обеспечивающих резкое омоложение, обновление клеток тела. Здесь прослеживается косвенная аналогия с клонированием в исследовательских целях, поскольку стволовые клетки, получаемые от эмбрионов, также рассматриваются как своего рода аналоги пилюль бессмертия. Этот и многочисленные подобные ему примеры связаны с определенной мировоззренческой составляющей.

Тело фигурирует как первооснова личности, осознается в качестве орудийного аспекта свободы. Выбор между неотчуждаемостью телесности (и следовательно, невозможности ее использования в коммерческих целях) или? наоборот возможностью полноправной манипуляции телом упирается в способ противопоставления субъектов и объектов, мира людей и мира вещей.

Стоит обратить внимание на то, что дистанция между ними, характерная для западного мышления, достаточно легко нарушается не-западными культурами, где вещь может считаться продолжением человека, где тело может обобществляться, приобретать черты государственной вещи. Впрочем, и для западных и для не-западных культур тело, размещенное в топосе внесакрализованного пространства рациональной экономической деятельности, символизирующее собой саму возможность ее разворачивания, теряет статус неотчуждаемого блага. И с этой перспективы рассмотрения окажется неважно, кто будет отчуждать, объективировать и инструментализировать телесность – государство или сама личность/ Тело в лю-

бом случае утратит характеристики неприкасаемой ценности.

Во Франции, одной из немногих стран, запрещена продажа яйцеклеток на основании наличия медицинских рисков и прямой угрозы эксплуатации доноров-женщин. Как отмечает в работе «Глобальный рынок тела» Майкл Гудвин, термин «эксплуатация» используется в дебатах без всякого стеснения, он не является эмотивным. Скорее, таковым, по мнению Гудвина, является слепая и необдуманная риторика, связанная с понятием выбора. Речь идет о пафосной аргументации, связанной с использованием категорий «автономия» и «выбор» в тех случаях, когда их употребление необходимо для прикрытия аморальности той или иной практики, в частности в аргументации, скрывающей коммерческий эффект от сделки. Например, когда речь идет о женщинах, продающих свои яйцеклетки, говорится, что это их выбор (в случае с продажей яйцеклеток для целей ЭКО-репродуктивный выбор), при этом умалчивается, в каких условиях осуществляется этот выбор: преимущественно его осуществляют малообеспеченные малоинформированные женщины, не обладающие полной информацией о рисках для своего здоровья процедур по извлечению яйцеклеток.

Проведенное в Великобритании исследование женщин, участвующих в программе «поделись яйцеклеткой» («яйце-обмена»), продемонстрировало, что участницы отказываются от языка эксплуатации, хотя и говорят о себе как об отчаявшихся⁹³. Программа подразумевает использование яйцеклеток, полученных для процедуры ЭКО от

⁹³ *The Global Body Market. Altruism's Limits.* (edit. by Goodwin, Michele). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 31.

женщин-доноров, также желающих участвовать в этой программе⁹⁴.

И вновь возвращаясь к проблеме клонирования, нельзя пройти мимо прецедента сближения этих двух практик («яйце-обмена» и использования яйцеклеток в исследовательских целях). В Великобритании в 2006 г. была предложена схема двукратного снижения затрат на прохождения цикла ЭКО в случае, если женщина готова поделиться своими яйцеклетками для проведения неоднозначного клонирования в исследовательских целях⁹⁵.

Ученые настаивали на том, что подобный шаг поможет снизить дефицит яйцеклеток, от которого страдает развитие многообещающих научных исследований стволовых клеток. Этические службы выступили резко против. Они оценили подобную практику как продажу яйцеклеток, на которую будут вынуждены пойти социально необеспеченные? уязвимые женщины.

Интересно хитросплетение ценностных позиций, вызванное возможным внедрением продажи яйцеклеток в целях осуществления исследовательского клонирования. Заинтересованные в продвижении подобной практики настаивали на том, что для участия в подобной программе женщины не набираются путем принуждения или чрезмерного финансового стимулирования. С другой стороны, прозвучал аргумент, что внедрение подобной практики – не что иное, как поправление общественного мнения в угоду развития индустрии ЭКО. Также специалистом по репродук-

⁹⁴ Подробнее см.: What is egg-sharing? Режим доступа: http://www.eggsharing.com/what_is_eggsharing.html.

⁹⁵ См.: Women who give eggs for cloning will get cheap IVF. Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-397984/Women-eggs-cloning-cheap-IVF.html>.

тивной этике была озвучена точка зрения об особой уязвимости бесплодных женщин.

На мой взгляд, мозаичная картина моральной аргументации, вызванная прецедентом коммодификации телесности (в этом конкретном случае – продажей яйцеклеток) показала, что интенсивное технологическое развитие предлагает человечеству не просто этические задачи, которые можно решить здесь и сейчас, основываясь на уже полученном опыте ответов на моральные вопросы. Фактически, микрокризис моральной аргументации, который разразился в отношении исследовательского клонирования, является частичным зеркальным отражением этического макрокризиса, который мог бы случиться в случае попытки распространения репродуктивного клонирования человека. Прежде всего он еще раз артикулировал кардинальный вопрос: возможно ли искусственно ускорить процесс создания норм, которые будут являть собой успешный ответ общества на революцию в области биотехнологических инноваций?

А. Макинтайр в знаменитом труде «После добродетели», описывая современное состояние этики, охарактеризовал его как «несоизмеримость концептуальных аргументов». В нравственной рефлексии современного общества он усмотрел ряд проблем, которые в либеральных сообществах не могут быть решены окончательно, находятся за рамками ригористических представлений о добре и зле.

В этой связи, будучи помещенными в ситуацию перманентной открытости проблем (к которым следует отнести и клонирование во всех его видах)? нельзя не вспомнить мысль Л. Шестова, которая парадоксальным образом оказывается востребована в современных технологических

условиях: «Современный законодатель мысли устанавливает незыблемый принцип: уметь кончать. Но попробуйте допросить его: что дает ему право с такой уверенностью провозглашать свой закон, – и вы увидите, что у него, в сущности, ничего, кроме “доказательств по аналогии”, нет за душой»⁹⁶. Современные ученые, медики и юристы имеют дело с конstellацией мысли в нормативных актах, в законах, в действующих инструкциях, где в том числе закреплены различные алгоритмы «правильного» профессионального поведения и очерчена область запретного, недолжного. Однако сложность биоэтических проблем, их противоречивость вызывают мировоззренческий кризис, утрату нравственных опор, демонстрируют своего рода апофеоз моральной «беспочвенности», невозможности опереться при решении проблемы на полученный опыт, догматы мысли, готовые формулы.

И в этом отношении клонирование в исследовательских целях, пример которого был рассмотрен выше, является, с одной стороны, испытательным полигоном для рефлексии над моральными практиками, затрагивающими такие другие этико-антропологические проблемы, как коммодификация тела, автономия личности, репродуктивные права женщины и т.д., в равной степени они позволяют заглянуть за ширму современных моральных преставлений, чтобы понять и прочувствовать риски еще более морально неоднозначных и даже сомнительных практик, таких, например, как клонирование человека.

⁹⁶ *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm>.

4.6. Идея бессмертия как мировоззренческое основание современного перфекционизма

Современные трансгуманистические чаяния, задающие доминанты современного технократического сознания, в первую очередь характеризуются ориентацией на бессмертие. Вектор устремленности к резкому увеличению продолжительности жизни путем переноса сознания на искусственные носители отводит человеку лишь машинную роль в онтологии сущего.

4.6.1. Личность, вечность и преодоление метафизического бессмертия

Общим местом для всех трансгуманистических движений является тезис о том, что бессмертие является не просто одной из человеческих ценностей, рядоположенной другим ценностям, таким, например, как любовь или творчество, но высшей человеческой ценностью, ради которой могут вытесняться, подавляться либо трансформироваться все другие ценности, в результате чего в онтологическом зеркале человек узнает и познает себя не столько как живое воплощенное существо, сколько как нечто аморфное, с легкостью поддающееся технологической обработке, в результате которой оно приобретает любые мыслимые для НБИКС-мира формы, каждая из которых стремится прежде всего к идеалу бессмертия.

Идеолог кибернетического бессмертия, известный трансгуманист В. Турчин, подчеркивая, что на современном этапе общественного развития в связи с распространением научного метода наблюдается обеднение идеи бессмертия, лишение ее религиозного основания, акцентиро-

вал внимание на том, что «представление о бессмертии есть часть проблемы высших человеческих ценностей»⁹⁷. Человеческие ценности упорядочены строго определенным иерархическим способом, достижение высших целей как основа человеческой целеполагающей активности невозможно без достижения более низких целей. Высшие цели даются человеку в акте свободного выбора, они задаются, определяются им. Результатом этого выбора являются этические и религиозные системы, в ценностном основании которых заложено желание бессмертия.

В отличие от человека животные склонны осуществлять только те цели, которые соответствуют естественным предпосылкам их развития, заложены на инстинктивном уровне. Человек же, преодолевая себя как естественное существо, противоречит своим целям, заложенным на уровне инстинктивной природы, и реализует себя как социальный артефакт.

Идея метафизического бессмертия, рассмотренная в историческом развитии, иссякает, заменяется другими векторами поиска бессмертия, испытывающими влияние прогресса технологий. И один из векторов, пожалуй, наиболее аттрактивный для технологически развитых сообществ, задает идея кибернетического бессмертия. Кибернетическое бессмертие основывается на фундаментальном предположении о том, что человек является кибернетической системой, то есть определенной формой «организации материи, которая включает многоуровневую иерархию управления»⁹⁸. Существенно важным является то, что в процессе эволюции эта организация «постоянно пережи-

⁹⁷ Турчин В., Джослин К. Кибернетический манифест. Режим доступа: <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>.

⁹⁸ Там же.

вает частичную смену материала, в котором она выполнена»⁹⁹.

Таким образом, кибернетическая модель бессмертия предполагает, что человек способен «выдержать» различные тела, различную природу своих тел. Процесс бесконечной смены материала, из которого выстроена наша кибернетическая организация, в итоге может привести к таким формам этого материала, которые обеспечат человеку неограниченно долгое существование. Человек должен стать и субъектом, и объектом сознательной направленной эволюции. И если ранее природа выполняла ту же миссию и выполняла хаотически, «экспериментируя на генотипах и отбирая по фенотипам», как бы связывая наличие смертности с эволюционной необходимостью, то в современную эпоху ситуация кардинально меняется, поскольку речь идет о возникновении мощных предпосылок осуществления сознательной эволюции: «В эру разума, когда ведущей ветвью эволюции является эволюция человеческого общества, источником эволюции становится человеческий мозг. Он не объект, а субъект экспериментирования, его потеря при умирании есть эволюционная нелепость»¹⁰⁰. Итак, мы имеем дело с фактом эволюции человеческого общества, которую осуществляет человеческий мозг, и как следствие – гипотезу о том, что мозг (сознание) перестал быть игрушкой в руках природы, и, кроме того, утверждение эволюционной нелепости потери мозга при умирании. Для В. Турчина очевидным является осознание того, что мозг в эволюционном процессе не может желать рационального самоубийства, его основополагающим свойством является продолжение собственного существования. Данный тезис вызывает некоторые возражения, одно из которых, связанное с пресыщением бессмертием, будет

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

освещено ниже. Пока же ограничусь замечанием о том, что заявление В. Турчина – К. Джослина можно спроецировать и на процесс протекания естественной эволюции, поскольку природа не желает собственного уничтожения, она поощряет воспроизводство человеческой телесности, умножение человеческих существ во времени и пространстве. Машина воспроизводства человеческих ресурсов в определенном смысле бессмертна. Вместе с тем и природа, осуществляющая бесконечный процесс выбраковывания несовершенных тел, и мозг, осуществляющий направленную эволюцию, выбраковывая с помощью технологий представителей рода человеческого, и более того, несущего угрозу оборвать жизнь человечества как такового, находятся фактически на одинаковых (а)моральных позициях. В. Турчин и К. Джослин, очевидно, прекрасно понимают это и поэтому утверждают, что «личность должна быть бессмертной, как бессмертны гены», тем самым подразумевая, что направленная эволюция должна нагнать естественную в самом существенном – стремлении к бесконечному увеличению продолжительности жизни.

И все же на каком основании возможно бессмертие? Кибернетическая модель В. Турчина и К. Джослина подразумевает в качестве такого основания технологический прорыв, обеспечивающий возможность построения своего рода глобальной биомашины, составными элементами которой окажутся высокоразвитые живые существа, интегрированные в единую кибернетическую организацию, в единое сверхсущество. Интеграция личностей в сверхсущество будет осуществляться путем испытания на прочность различных форм объединения и усиления друг друга. Новые сверхличности, которые будут, «вероятно, отличаться от нас так, как наши хромосомы отличаются от вирусов»¹⁰¹.

¹⁰¹ Там же.

В. Турчин и К. Джослин отмечают, что «определяющий принцип личности останется, по-видимому, неизменным, как остался неизменным принцип работы генов»¹⁰², однако фактически не раскрывают всего масштаба действия определяющего принципа личности. Какова природа личности? Идет ли речь о ее потребности к коммуникации (объединению), о ее деятельности по самоусложнению или о чем-то еще, например, об отбраковке, подавлении всего чужеродного, низкого, что не имеет отношения к личностному плану бытия, по отношению к чему В. Турчин и К. Джослин применили метафору «планктона», фактически оправдывающую подавление высшими существами низших.

Совершенствование человека путем развития его способности к бессмертию осуществляется прежде всего с целью покорения космоса. Поэтому весь масштаб нового онтологического проекта задан внешней и совсем не обязательной для всего человечества целью развития науки и технологий. Преобразование достигается путем отбрасывания в зону неполноценности тех, кто не удовлетворяет критериям преобразования. Они останутся внизу построенной человечеством пирамиды, являясь материалом для верхних (вверху будут размещаться стремящиеся к развитию науки, способные к кооперации бессмертные сверхсущества). По словам авторов «Кибернетического манифеста», воля к бессмертию, «как и всякая человеческая черта, широко варьируется от человека к человеку. Поскольку интеграция может быть лишь добровольной, надо ожидать, что только часть, вероятно небольшая, человечества образует сверхсущества, большинство же останется в состоянии “человеческого планктона”»¹⁰³. Интеграция – дело добровольное, однако за кажущейся добровольностью сто-

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

ит угроза подавления индивидуального развития глобальными эволюционными механизмами. Выдвигаемая авторами идея кибернетической коллективизации неоднозначна: она описывается и в качестве рывка для перехода на более высокий духовный уровень развития, на котором как бы преодолевается биологическая сущность человека, и в качестве процесса естественного (в связи с тем, что процессы интеграции проявляются уже на клеточном уровне и в принципе характерны для любой биологической системы) объединения в стаю кибернетических животных – машин. На последнем пути возникает суррогат человека – гомоподобное существо, устремленное к высшим техническим достижениям, подражающее и уподобляющееся им, с одной стороны, и творчески мыслящее (а значит, выполняющее свою «биологическую функцию»).

В тексте проекта ярко обозначена аксиологическая проблематика. Главное напряжение интеллектуальных усилий современности, по мнению авторов, должно касаться решения проблемы достижения органического синтеза свободы и интеграции. В. Турчин и К. Джослин, в отличие от многих современных трансгуманистов, ослепленных идеей бессмертия, с обретением которого связывается решение многих глобальных проблем, в том числе кризиса ценностей (возникшего после ухода на задний план метафизических нарративов), полагают, что самоуспокоение человечества и нежелательно, и невозможно. Вопросы, которые встают на повестке дня, а именно: «Ради чего надо жить, после того как наши основные потребности с легкостью удовлетворены современной системой производства? Что есть Добро и что есть Зло? Каковы те конечные критерии, на основании которых мы должны оценивать различные модели общественного устройства?»¹⁰⁴ – заданные авторами мани-

¹⁰⁴ Там же.

фест, являются глобальными и требуют столь же глобальной работы по поиску адекватных ответов.

Если попытаться обрисовать собирательный образ кибернетического человека, взяв за основание его цели, ценности и образ жизни, то выстраивается достаточно примитивная схема взаимодействующих технократических целей (освоение космоса), технократических ценностей (кибернетическое бессмертие и, очевидно, техническое творчество и командный дух для реализации масштабных космических проектов), предназначенных для кибернетического существа, каким предстоит быть человеку. Кибернетический манифест не оставляет места классике: такие понятия, как «любовь», «дружба», «свобода» и др., оказываются выкинуты за борт или отодвинуты в сторону. Равнодушие к технократизму, по-видимому, для авторов манифеста означает не что иное, как приговор быть наименованным планктоном.

Идеи В. Турчина – К. Джослина являются показательными для анализа текстов трансгуманистической направленности. Выдвигаемая в них на первый план перспектива создания машинизированного бессмертного или долгожительства существа заслоняет проблему удовлетворенности этого существа собственным существованием, появления у него вопросов этико-аксиологического порядка, пресыщенности собственной жизнью. Ни авторов проектов бессмертия, ни последователей не интересует банальный, на первый взгляд, вопрос: а не скучно ли им будет в начиненном электроникой теле долгожителя?

4.6.2. Скука и пресыщенность бессмертием

На первый взгляд, в рассуждениях трансгуманистов фигурирует тезис о том, что жизнь является неоспоримым благом. Так ли это? Положительный ответ на этот вопрос был бы возможен лишь в том случае, если бы то, что мы

интуитивно подразумеваем под словом «жизнь», совпало с тем, что подразумевают под ним трансгуманисты. Можем ли мы допустить, что тот объем и содержание благ, которые можно помыслить, имея в виду бессмертного человека, будет востребован всеми пока еще смертными людьми? Для поиска на этот вопрос обращусь к работе Б. Уильямса «Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия».¹⁰⁵ В ней кардинально поставлен вопрос о бремени и пресыщенности бесконечно долгой жизнью. Сам способ проблематизации идеи долгожительства оказывается вполне релевантен для анализа этико-антропологических проблем, вызванных возможностью появления трансгуманистического бессмертия. Сделаю небольшое отступление от темы, своего рода введение в анализ проблемы.

Вопрос о смысле жизни возникает в совершенно разных контекстах и неизменной теневой стороной вопрошания становится проблематизация смысла смерти. Однако в равной степени он не может быть серьезно поставлен и без выражения отношения к вечности или бессмертию. Возможно, интуитивно человек хочет продлить свое собственное существование, даже когда «заигрывается» в любовь к небытию. Можно выдвинуть предположение, что частота совершения суицида зависит от того, насколько в том или ином обществе ценится жизнь. Парадоксально, но те, кто ценит бессмертие, не столько ценят человеческую жизнь как таковую, сколько некоторую форму существования, выдвинутую в бесконечность, ценят бесконечность как таковую, к которой каким-то нелепым образом должна прилепиться человеческая жизнь.

¹⁰⁵ Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // П. С. Гуревич. Проблема человека в западной философии; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс. 1988. Режим доступа: <http://referati.me/problemsi-filosofii-knigi/uilyams-sluchay-makropulos-razmyishleniya-32962.html>

По аналогии с тем, как государство и общество, выдвигая те или иные лозунги-обращения к конкретному индивиду и манипулируя его чувствами, канализируют их в общественно значимые дела, осуществляется своего рода трансгуманистический «шантаж» идеей бессмертия. Возможно, мы и не станем свидетелями необычайного увеличения продолжительности жизни. Может быть, нам не придется раздумывать, что же делать с этим свалившимся на нас бременем бессмертия, однако вглядываясь с большой долей реализма в происходящее, все более осознаешь, что побочные и вполне даже положительные результаты благоговения перед идеей бессмертия должны быть. Человек интуитивно хочет приблизиться к долгой и счастливой жизни, и сам процесс этого приближения будет сопровождаться положительными для общества эффектами: изобретением технологий сопротивлению старению, выводом на рынок новых лекарственных препаратов, в конце концов, новой постановкой проблемы ценностей.

Возвращаясь к работе Уильямса, обозначу ее основную идею, связанную с тем предположением, что наличие категорических желаний у человека является как бы залогом того, что человек будет предпочитать жизнь смерти. И их отсутствие или отсутствие удовольствия от их исполнения будет означать наличие кризиса апологетического восприятия жизни.

Вглядимся в данное утверждение более пристально. Становится очевидным, что отсутствие категорических желаний, например, вызванное жизненными обстоятельствами, несчастьем, болезнью и т.д., задает существенно иной контекст рассмотрению феномена смерти: смерть игнорируется как смерть, то есть лишение всех возможностей, категорических желаний в том числе, и рассматривается как источник избавления от страданий. Смерти как бы дается индульгенция, возможность мимикрировать под

единственное категорическое желание, например, что касается желаний страдающего от невыносимой боли человека.

Апология смерти является характерным признаком рассуждений о смысле жизни. Смысл жизни вычленяется исключительно в контексте представления, что жизнь обладает завершенностью, имеет конец. Осмысленность жизни и даже, как это ни парадоксально звучит, полнота, невозможны без понимания того, что дар жизни не вечен. Осознавая этот факт, человек вырабатывает намерение осуществить в отмеренных рамках существования некий проект, реализоваться, стать иным, стать самим собой и т.д.

Описываемый Уильямсом случай Э.М. – женщины, которая устала от своего долгожительства и которой не дано умереть, является, на мой взгляд, удачным мысленным экспериментом, позволяющим представить качество жизни, с которым мы могли бы иметь дело в результате создания искусственного потенциально бессмертного тела, а также в связи с набирающим силу трансгуманистическим стилем мышления, подразумевающим необходимость пересадок сознания на различные материальные носители (искусственные тела).

Каким характером мог бы обладать постчеловек? И обладал ли бы он вообще каким-либо характером, принимая во внимание тот факт, что у него бы не было индивидуального смертного тела, а также, возможно, индивидуальных ощущений и, скорее всего, чувств (если бы он, следуя заветам Турчина-Джослина, объединялся на кибернетической основе с другими существами в сверхсущество)? Предполагаемый ответ на этот вопрос можно также постараться найти, воспользовавшись аналогией – анализом характера главной героини работы Уильямса сверхдолгожительствующей Э.М. Речь идет о женщине, замершей в среднем возрасте на несколько столетий, испытывающей

своего рода синдром эмоционального выгорания. Ее характер представляет собой холодное, устойчивое, застывшее образование, мысли и чувства здесь доведены до автоматизма. Обладание таким характером, равнодушно смотрящим на происходящее, уподобляет его обладателя скорее вещам мира, чем живым человеческим существам. Данный характер неподвластен возникновению категорических желаний, эмоций и глубоких психических реакций. Он похож на автоматизированное устройство, выполняющее заложенные функции и не выходящее за пределы такого рода функционирования, воспроизводящее одну и ту же гамму чувств, одну и ту же заезженную музыку. Некое подобие скуки, равнодушия, усталой тоски – его привычное состояние. Э.М. проживает вялотекущую, наполненную однообразными событиями жизнь. Перспектива жить дальше в том же ритме не является для Э.М. оптимальным вариантом. Существование, не выходящее за пределы предвиденного, предсказанного, предчувствованного, становится мучительным бременем.

Случай Э.М. показателен для оценки негативных перспектив бессмертной жизни. Проникшись описанием опустыленного Э.М. существования, скорее всего, мы вслед за Уильямсом сделаем вывод о том, что у нас нет оснований жить вечной жизнью. Такой способ оценки можно обозначить аргументом от скуки. В основании его лежит интуиция, что какие бы желанные или значительные свойства жизни мы ни взяли, не обнаружится «ни одного такого ее свойства, которое возрасло бы или присутствовало бы в более чистой форме в перспективе вечной жизни»¹⁰⁶. По этой причине вечная жизнь не может считаться благой жизнью. Воспользуюсь аналогией с рассуждениями Аристотеля, на которые ссылается Уильямс: благо «не будет

¹⁰⁶ Там же.

благом в большей степени... оттого, что оно вечное, раз уж долговечный белый предмет не блее недолговечного», однако при этом уточняет, что от более долгой жизни следует ожидать большего количества благ.

Вместе с тем, на мой взгляд, необходимо обратить внимание на то, что жизнь более долгая может рассматриваться как более благая жизнь, поскольку дает возможность не просто достигнуть большего количества благ, но предоставить возможность для реализации, актуализации таких благ, которые не могла бы полностью обеспечить жизнь короткая (например, если мы говорим о творчестве, финансовых возможностях). Более того, долговечная жизнь позволяет благам существовать актуальным образом. И если белый долговечный предмет не блее недолговечного, то, по крайней мере, он может быть ценнее. В этом отношении, а также ввиду своей постоянной актуализации он оказывается действительно более благим предметом.

Кроме того, необходимо помнить и о том, что для большинства человечества привлекательной является не столько жизнь, наполненная различными категорическими желаниями, но категорические желания и определяют сущность жизнь: жизнь является тем самым категорическим желанием, которое делает возможным все другие его разнообразные формы. И именно в этой связи в выраженном человеческом желании – жить в свернутом виде заложены все возможные варианты инобытия главного желания. Именно данный тезис в той или иной форме присутствует в трансгуманистических идеях.

Анализ содержания трансгуманистических проектов, направленных на достижение бессмертия, применительно к постановке задачи, осуществленной Б. Уильямсом, показывает, что они фактически постулируют наличие у кибернетических долгожителей единственного категорического

желания – самой жизни. Иные категорические желания игнорируются, становятся ненужным балластом. Если жизнь и ее продление являются единственным категорическим желанием, то состояние скуки и неудовлетворенности оказывается абсолютно невозможным (если действительно придерживаться той линии, что наличие категорических желаний является истинным проявлением сущности человека). Человек, вполне возможно, будет стремиться жить любой ценой, даже резко уменьшая свои витальные проявления, свою человеческую многогранность.

Что же такое скука? Ее можно описать как некоторое ощущение давления времени, невозможности изменить его ход, ускорить его. Скука возникает на фоне пресыщения временем, ощущения его некоторой избыточности. Киберчеловек не будет скучать в привычном для нас значении этого слова, если он изначально будет сконструирован таким образом, чтобы испытывать комфорт от ощущения длящегося или застывшего времени. Кроме того, авторы кибернетического манифеста прогнозируют наличие у кибернетического человека, если можно так выразиться, постоянного категорического желания – освоения космоса, без него человека ожидает своего рода эмоциональная тепловая смерть – впадение в состояние «планктона», который также поддерживает какую-то форму существования, но назвать ее человеческой, даже с большой натяжкой, сложно.

Все же достаточно тяжело судить о том, будет ли сопровождать жизнь долгожителей скука. Скорее всего, возникнут какие-то варианты сублимации скуки, например погашение ее фантастическими космическими полетами (как в случае с проектом В. Турчина). Или же на фоне тех трансформаций, которые произойдут с человеческим существом, скука также трансформируется в некую рудиментарную форму, которая будет весьма далека от есте-

ственной для нас скуки и близких ей состояний – тоски, меланхолии, ностальгии и т.д. Постчеловеческая жизнь не может удовлетворять существенно важному условию – реализовать желание появления и исполнения будущих желаний. Только в том случае, если у человека будут возникать какие-то желания (если только он не святой человек), требующие удовлетворения, он и может считаться человеком.

Б. Уильямс отмечает, что «в случае с Э.М. ее скука и отдаление от жизни одновременно убивают желание и свидетельствуют о его смерти; тот, кто изначально пребывает в таком состоянии и, тем не менее, живет, быть может, является человеком, которого ничто не побуждает жить»¹⁰⁷. Э.М. представляет пример жизни человека, в процессе которой гасится любое категорическое желание. Насколько эти характеристики жизни, эта перспектива холодного существования окажутся уместными для большинства человечества? Б. Уильямс полагает, что «эта перспектива не явится утешением для тех (мы надеемся, большей части человечества), кто хочет жить дольше потому, что хочет больше жить»¹⁰⁸, то есть будет неуместной для живых чувствующих существ, живущих не ради prolongation своего существования, а с целью реализации полноты своего бытия как чувствующего, желающего существа. Кроме того, уместно упомянуть еще одно интересное замечание Б. Уильямса. Он пишет о том, что в «случаях, подобных случаю Э.М., то есть когда “Я” осознается как “Я”, этого “Я”, в конце концов, накопилось бы слишком много»¹⁰⁹. Как не устать от избытка самого себя – вот какую проблему предстоит решить сегодня апологетам

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

бессмертия? Роль технического прогресса в достижении бессмертия, безусловно, велика, и Уильямс прав в том, что в свете усиления технологизации жизни и смерти человек все еще имеет счастливую возможность – умереть. Этот тезис тем более значим, что возможность умереть, особенно в свете развития реанимационных технологий, приобретает все более технологический оттенок (достаточно, например, вспомнить про пациентов, долгие годы пребывающих в вегетативном состоянии на ИВЛ).

Необходимо отметить, что формируемый в настоящем образ будущего, все чаще предполагает резкое увеличение продолжительности жизни. И в этой связи обсуждение проблемы бессмертия возникает не только в философском контексте, но привлекает внимание представителей самых разных дисциплин, требует создания и применения новой методологии обсуждения. Дж. Харрис удачно назвал программу обсуждения будущего сканированием горизонта. Под ним он подразумевает не только созерцание будущего, но и выбор будущего, включающий сознательную подготовку к нему даже при осознании невозможности его предотвращения.

Что может продемонстрировать человеку сканирование горизонта в эпоху беспрецедентного развития технологий? Не только изнывающего от скуки долгожителя, переставшего стремиться к чему-либо (поскольку с утратой возможности умереть может утратиться и смысл любой деятельности и самой жизни¹¹⁰), но и возможность появления

¹¹⁰ Этот аспект прекрасно раскрыт у Борхеса в рассказе «Бессмертный». Смерть (или память о смерти) наполняет людей возвышенными чувствами и делает жизнь ценной. Ощущая себя существами недолговечными, люди и ведут себя соответственно; каждое совершаемое деяние может оказаться последним; нет лица, чьи черты не сотрутся, подобно лицам, являющимся во сне. Все у смертных

острых социальных проблем, например, таких, как неравенство в доступе к технологиям увеличения продолжительности жизни или вопрос о «чистке» поколений, чтобы предоставить место новым бессмертным, обеспечивая их комфортной здоровой жизнью и т.д.

имеет ценность – невозвратимую и роковую. У Бессмертных же, напротив, всякий поступок (и всякая мысль) – лишь отголосок других, которые уже случались в затеряншемся далеке прошлого, или точное предвестие тех, что в будущем станут повторяться и повторяться до умопомрачения. Нет ничего, что бы не казалось отражением, блуждающим меж никогда не устающих зеркал. Ничто не случается однажды, ничто не ценно своей невозвратностью. Печаль, грусть, освященная обычаями скорбь не властны над Бессмертными. И еще, в дополнение, прекрасный пассаж: «Этот взгляд на мир как на систему, где все обязательно компенсируется, повлиял на Бессмертных всемерно. Прежде всего, они потеряли способность к состраданию. Я упоминал заброшенные каменоломни по ту сторону реки; один из Бессмертных свалился в самую глубокую; он не мог разбиться и не мог умереть, но жажда терзала его; однако прошло семьдесят лет, прежде чем ему бросили веревку. Не интересовала их и собственная судьба. Тело уподобилось покорному домашнему животному и обходилось раз в месяц подачкою из нескольких часов сна, глотка воды и жалкого куска мяса». (*Борхес Х.Л.* Бессмертный. http://modernlib.ru/books/borhes_horhe_luis/bessmertny/read).

ГЛАВА 5

МОРАЛЬНЫЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА¹

Существенной чертой развития современных биотехнологий являются их фокусированность на человеке и своего рода телоориентированность. Они могут размещаться в человеческом теле, делать его объектом анализа и получения данных (например, медицинских), управлять им (например, с помощью нейрочипов), подражать ему своими внешними характеристиками (быть гуманоподобными), подстраиваться под физические параметры человеческого тела и т.д. Данные характеристики задают процесс «интимизации» технологической реальности, под которой подразумевается активное сближение технологий с человеческой телесностью, преодоление существующей дистанции между ними, вплоть до полного слияния². Этот процесс направлен на такое овладение человеческой телесностью, которое придает ей характер инструмента для манипуляции, коммуникации и контроля.

Возникает феномен взаимной инструментализации: технологии рассматриваются как инструменты, позволяющие достичь выдвигаемых человеком целей, и в то же время

¹ При написании главы использованы результаты исследований, полученных при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-03-00818.

² *Est R., van. Intimate technology: The battle for our body and behavior / With assistance of Rerimassie V., Keulen I., van, Dorren G. The Hague: Rathenau Instituut, 2014. 86 p.*

сам человек, его тело становятся заложником эти целей, контролируемым и манипулируемым техническими системами объектом. Современные биотехнологии в этом отношении выполняют задачи, которые ранее возникали в связи с социализацией, социокультурным конструированием человеческого существования.

В процессе технологического развития обозначился континуум преемственности социокультурных и биотехнологических практик. Произошло вытеснение более действенными и эффективными практиками (техниками, технологиями) менее эффективных и сложных в своей реализации, требующих приложения значительных усилий и огромных затрат времени. И социокультурные технологии, и современные биотехнологии в процессе своего развития направлены на идеал усиления, усовершенствования человека с одновременной ориентацией на упрощение методов достижения этой цели и придания им эгалитарных черт (обеспечение равного доступа к биотехнологиям, попытка преодолеть элитарные, «аристократические» стратегии достижения идеала совершенного человека, например через образование, интенсивные физические нагрузки, следование определенному стилю жизни).

Современные технологии способствуют порождению прецедента ускоренной социализации. Развитие технологий улучшения человека направлено на достижение социально эффективных навыков и умений кратчайшим путем, минуя социальную адаптацию и игнорируя возможные кризисы самопреодоления и идентичности.

Социокультурные технологии также могут быть направлены на достижение социальных целей кратчайшим путем, но это, скорее, является периферийным, зачастую маргинальным явлением. Вспомним, например, о таких явлениях, как дедовщина или нанесение побоев в обра-

зовательных целях. Сторонники этих практик указывают на наличие острой необходимости «воспитать» солдата или ученика в жестких пространственно-временных рамках.

Мир биотехнологий породил множество непривычных проблем. Например, как реагировать на генетический допинг в спорте? Вспомним, что оценка спортивных заслуг связана с манифестацией того факта, что высокий результат спортсмена – это плод его естественных усилий (даже несмотря на особый режим питания, особую высокотехнологичную форму и другие неотъемлемые атрибуты спортивной жизни) превзойти себя и при этом остаться самим собой³. Генетический допинг, в отличие от классических фармакологических видов допинга, вводимых различными способами в организм спортсмена, «перестает быть внешней субстанцией, искусственно введенной в тело. Этот ген будет функционировать в организме спортсмена, являясь, таким образом, его неотъемлемой составляющей»⁴, не попадая под определение допинга и соответственно под действие морально-юридических санкций.

Специфика технологий проявляется в том, что они «являются строго определенными последовательностями операций, каждая из которых приводит – всегда и везде – к запланированному результату, и, чтобы этот запланированный результат достигался при любых условиях и в любом контексте, сами операции доводят до максимального уровня упрощения. Это упрощение есть основное требование технологичности»⁵.

³ См.: Nowotny H., Testa G. *Naked genes: Reinventing the human in the molecular age*. MIT Press, 2010.

⁴ Там же. Р. 22.

⁵ Мелик-Гайказян И.В. Символизм технологий «конструирования человека» // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и техно-

Замена социокультурного конструирования живого конструированием биотехнологическим вызвала целый ряд социально-этических и онтологических парадоксов, которые проблематизировали соотношение между природным и искусственным, человеческим и недочеловеческим, товаром и ценностью и т.д.

5.1. Парадокс 1.

Аргумент здравого смысла «prima facie»

Аргументы за использование технологий улучшения человека связаны с апологией здравого смысла, который требует устранения страданий, болезней, смерти, рассматривая эти феномены как источники онтологической несправедливости. Это аргументы «Prima facie», которые выглядят как естественная человеческая реакция на неудовлетворительное по отношению к человеку положение вещей. Улучшение человека в этом контексте рассуждений обретает свою моральную легитимность. Человеческое воображение подсказывает идеал человеческого существа, чьи способности будут значительно превосходить способности отдельно взятого индивида.

Так, «мы можем представить себе эстетические и созерцательные удовольствия, блаженство от которых значительно превышает то, что до сих пор испытывало любое человеческое существо. Мы можем представить себе существ, достигших гораздо более высокого уровня личностного развития и зрелости, чем нынешние человеческие существа. (...) Мы можем представить себе существ, которые намного умнее нас, которые могут читать книги в счи-

тантные секунды, являются гораздо более блестящими философами, чем мы, могут создавать произведения искусства, которые, даже если бы мы могли понять их только на самом поверхностном уровне, поразили нас как замечательные шедевры. Мы можем представить себе любовь, которая сильнее, чище и более безопасна, чем таил в себе любой человек. Наши повседневные интуиции о ценностях ограничены узостью нашего опыта и ограниченностью наших способностей воображения»⁶.

Современное массовое увлечение трансгуманистическими идеями есть во многом результат апелляции к чувству толпы, к экзистенциальным проблемам (страданиям, болезням, умиранию и смерти), возникающим перед любым человеком. Обычный человек задумывается не столько об этическом способе решения этих проблем, сколько об использовании любых средств для их преодоления, возможности быть причастным к совершающемуся здесь и сейчас технологическому «чуду» (преодоление смерти, всеобщее оздоровление и т.д.), возможно, испытывая некий суррогат религиозного эсхатологического чувства.

Например, если рассматривать содержание российского трансгуманистического проекта «Россия-2045», направленного на создание космической сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивного развития NBIC (нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-роботикс) технологий (неочеловечества), то его авторы апеллируют к значимым для большинства людей ценностям: здоровью, увеличению продолжительности жизни, духовному росту, преодолению страданий и смерти. Более того, авторы проекта активно используют привлекательную для многих людей

⁶ *Bostrom, Nick* (2003a): Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective // *Journal of Value Inquiry* 37 (4). P. 494.

идею приоритета духовного над материальным. Так, одна из задач проекта связана с осознанием того факта, что люди «телом не являются, что они нечто другое»⁷. С целью духовного развития предлагается увеличение продолжительности жизни, поскольку за короткий срок жизни человек не успевает прийти к ценностям.

Телеологическая компонента проекта также обращена к широко распространенным лозунгам об обеспечении прорыва в сфере технологий, обозначении нового вектора развития всего человечества и т.д.

Аргументы «*prima facie*» вскрывают парадоксальное сочетание нерелексивного реагирования масс на избитые сюжеты, рекламирующие утопическое светлое будущее, и чрезвычайно сложных или абсолютно невозможных технологических траекторий для его достижения.

В то же время реклама технологических инноваций, даже в случае появления их лишь в отдаленном будущем или вообще невозможности их создания, оказывается чрезвычайно важна для формирования социального интереса к развитию технологий в целом. Наличие социального интереса стимулирует формирование «социального заказа» на внедрение тех или иных технологий и поддержку инновационного развития населением. Несоответствие проекта ожиданиям различных социальных групп приводит к низкой эффективности проекта.

Новый облик современной науки в обществе с избыточным, неконтролируемым потоком информации особенно остро ставит проблему доверия и искренности: ученым приходится приобретать знания о социальных технологиях «правильного» информирования населения, создания соб-

⁷ За металл: интервью с Дмитрием Ицковым, создателем движения «Россия-2045» // Наследник. 2011. № 4 (39). С. 41.

ственного положительного и привлекательного имиджа (для проведения новых исследований и разработки новых научных продуктов) и имиджа предлагаемой технологической продукции. «Информация стала рассматриваться как ключ к современной экономической деятельности – базовый ресурс, имеющий сегодня такое же значение, какое в прошлом имели капитал, земля и рабочая сила»⁸. Эффективное использование информационных технологий становится преимуществом в продвижении инновации.

5.2. Парадокс 2. Между ценой и ценностью, между даром и товаром

Следующий парадокс развития биотехнологий обусловлен распространением процессов коммодификации человеческого тела, развитием особых отношений, своего рода лингвистических и этических игр с понятиями цены и ценности, дара и товара. Эта проблема уже отчасти освещалась мною выше. Однако хотелось бы обратить внимание на пока еще не затронутый аспект коммодификации, связанный с проблемой патентования генов.

Проблема патентования генов является ярким примером процесса размещения интеллектуальной собственности (гена) в человеческом теле, что вызывает особенный интерес демонстрации того, как получивший легитимность мировоззренческий аспект, касающийся проведения границ между искусственным и естественным, продолжи-

⁸ *Blumental W.M.* The world Economy and Technological Change // *Foreign affairs*. Vol. 66, No. 3. P. 534 // *Кокурин Д.И.* Инновационная деятельность. М.: Экзамен, 2001.

тельное время оказывал влияние на судьбы пациентов всего мира.

Речь пойдет о деятельности известной американской компании Myriad Genetics, знаменитой своими исследованиями в области генетических технологий. Данная компания также оказалась не менее знаменита своими патентами на два гена: BRCA1 и BRCA2. Женщины, у которых в результате тестирования, выявлялись определенные мутации в этих генах, обладали значительно повышенным риском развития рака молочной железы и рака яичника. Myriad Genetics имело полную монополию на BRCA-тестирование в Соединенных Штатах, получая за проведение теста значительные суммы. Как свидетельствовали истцы, подавшие в суд на Myriad Genetics, данная компания отказалась обновлять свой тест и не включала в него дополнительные мутации, которые были определены командой исследователей во Франции⁹, что приводило к появлению ошибочных ответов у 12% женщин (то есть считалось, что у них нет риска развития рака груди и яичников, в то время как из-за наличия неучтенных мутаций, этот риск присутствовал).

Американский союз по защите гражданских свобод взял на себя миссию по обеспечению абсолютного запрета на патентование генов, решив создать прецедент нарушения гражданских прав в результате применения подобной практики.

Причины, по которым была начата эта борьба, были следующие:

⁹ См.: *Simoncelli, Tania*. Should you be able to patent a human gene? Режим доступа: http://www.ted.com/talks/tania_simoncelli_should_you_be_able_to_patent_a_human_gene/transcript

1. Патентование генов тормозило развитие научных исследований, поскольку, патентуя определенный ген, компания, как правило, запрещала проводить исследования с использованием данного гена. Патентование генов сопровождалось сокрытием результатов исследований. В частности, в этом обвинял Myriad Genetics Американский союз по защите гражданских свобод.

2. Патентование генов приводило к нарушению права на сохранение здоровья и вызывало личные трагедии.

Одним из примеров нелепой трагедии, вызванных патентованием генов, на который обратила внимание организация, стал случай 10-летнего Абигайля с синдромом удлиненного QT, серьезным заболеванием, которое при отсутствии лечения, способно вызвать внезапную смерть. Компания, получившая патент на два гена, связанных с этим состоянием, разработала тест для диагностики синдрома. Но затем они обанкротились и с тех пор не предлагали его на биотехнологическом рынке. Другая лаборатория попыталась предложить свой тест, но компания, которая владела патентом, пригрозила подать в суд на лабораторию за нарушение патента. В результате Абигайль умер от недиагностированного синдрома удлиненного QT¹⁰.

Аргументация Американского союза по защите гражданских свобод, направленная против Myriad Genetics, не рождалась спонтанно, долгий этап подготовки к сложным многоуровневым судебным процессам требовал оттачивания тезисов, прояснения таких основных понятий молекулярной биологии, как «что такое ген», «ДНК», «в чем суть различий между искусственным и естественным», «что такое изобретение и чем оно отличается от продукта природы».

¹⁰ Там же.

Противники патентного права настаивали на том, что ген является обычным продуктом природы, как, например, вода или воздух, он не может находиться в монопольном распоряжении и не должен быть объектом патентного права, и не важно, где находится данный ген. Как подчеркивала представитель Американского союза по защите гражданских свобод Tania Simoncelli, «нам казалось, что ДНК, самая фундаментальная структура жизни, которая кодирует производство всех наших белков, является и продуктом природы, и естественным правом, независимо от того, находится ли она в наших телах или в основании пробирки»¹¹.

Сторонники патентования генов подчеркивали, что они не притязали на гены в человеческом теле, но лишь на гены, изолированные, выделенные из тела с помощью особых технологий, на гены в пробирке. Доводы противников патентования выстраивались на основе привлечения аналогий, взятых из мира природы, путем указания на естественное происхождение генов. Например, был озвучен следующий аргумент: выделение ДНК – это как извлечение золота из горы или вынимание его из русла реки. Сторонникам патентования указывали на то, что они могли бы запатентовать способ добычи золота, то есть извлечение золота, но не само извлеченное золото.

Наряду с подобными аналогиями против патентования действовали и другие аргументы «от естественного», например, о том, что патентовать гены – это все равно, что рассматривать жизнь как товар. Однако за всеми ними, безусловно, подразумевался один – самый важный аргумент о том, что разрешение патентов на гены несет угрозу человеческому достоинству, гражданским свободам лич-

¹¹ Там же.

ности. Именно он оказал решающее воздействие на судебный процесс.

В июне 2013 г. Верховный Суд США принял решение, поставившее точку в длительном судебном процессе (начиная с 2009 г.¹²), суть которого сводилась к тому, что фрагмент ДНК естественного происхождения является продуктом природы и поэтому не может быть запатентован.

Проблема патентования генов обозначила важный модус взаимоотношений между наукой и индивидом, который условно можно назвать модусом защиты гражданских прав. В рамках этого модуса инициативные группы стремятся добиться справедливости, апеллируя к фактам, свидетельствующим о нарушении гражданских прав отдельных лиц. В случае с *Muglad Genetics* характерной чертой этого модуса взаимоотношений стал акцент на потенциальном вреде для человеческой популяции недостаточной точности научных данных, используемых в коммерческих целях.

5.3. Парадокс 3. Создание технологических «недочеловеков»

Дж. Агамбен¹³ в духе М. Фуко отмечает, что с началом Нового времени политические стратегии направлены на

¹² Подробнее о судебных процессах между компанией *Muglad Genetics* и Американским союзом по защите гражданских свобод см. в статье: *Тищенко П.Д.* Коммерциализация фундаментальной науки – инновационные социальные технологии // *Человек*. 2014. № 6. С. 111–126.

¹³ *Агамбен Дж.* *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь.* М.: Изд-во «Европа», 2011.

человеческое тело. Причем это тело представлено в политических играх не только как субъект политики, но и как естественный объект, локус голой жизни, которой не дано права голоса. Развитие биотехнологий способствовало появлению новых локусов голой жизни. Одним из примеров «голой» жизни являются так называемые полуживые объекты. Например, тканевый инжиниринг «сделал возможнымращение и длительное поддержание жизни функциональной ткани вне тела и привел к появлению формы жизни, никогда не существовавшей в природе, – имеются в виду части сложных организмов, созданные и выращенные независимо от их материнского тела»¹⁴. Развитие реанимационных технологий способствовало порождению новых форм жизни, жизни на грани со смертью, жизни, которую легко спутать со смертью (пациенты в вегетативном статусе, пациенты со смертью мозга).

В пространстве современных больниц политическая воля создает возможность конструирования и отбора живых существ под конкретные прагматические задачи (они могут быть объектами неявных евгенических трендов, как, например, в случае проведения массового пренатального генетического скрининга, являться компенсаторными инструментами, как в случае использования органов после констатации смерти мозга для восстановления здоровья пациентов, репрезентировать практики коммодификации человеческого тела и биоматериалов, например в случае продажи эмбрионов, клеток и тканей для исследовательских целей и т.д.).

¹⁴ Каммс, О. Фрагменты конструирования жизни – влажная палитра тканевой инженерии // BIOMEDIALE. Современное общество и геномная культура. Калининград, 2004. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4277422/page:17/>.

Все эти новые формы существования на грани естественного/искусственного, природного/сконструированного провоцируют появление сложных этических проблем. В перспективе развития социального мира речь идет об интеграции сконструированных форм жизни, биотехнологических артефактов и имеющихся социальных норм, существующего этико-правового нормативного порядка¹⁵. В этой связи уместен вопрос Орона Катса, который может быть в тех или иных вариациях применим ко многим проблемам, порожденным отсутствием четкого понимания границ между естественным и искусственным, жизнью и смертью, нормой и патологией. «В каком количестве и какого рода живой материал необходим для того, чтобы сделать объект живым и/или разумным? Уступает ли в разумности растительная ткань ткани более сложных организмов? Есть ли разница между эпидермисом или мышечной тканью, способной сокращаться *in vitro* в реальном времени, и нервными клетками, которые, как принято считать, формируют “Я” человека? ⟨...⟩ И сколько нейронов мы должны культивировать, чтобы получилось мыслящее и сознающее “полуживое” существо?»¹⁶

Технологическая среда актуализирует знаменитый, так любимый софистами парадокс кучи. С какого момента множество песчинок формируют кучу, с какого момента куча является целостным образованием, а не всего лишь множеством? Или на новый лад: как на основании множества нейронов обрести сознание, какое множество нейро-

¹⁵ См.: *Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age.* MIT Press, 2010.

¹⁶ *Каммс О.* Фрагменты конструирования жизни – влажная палитра тканевой инженерии // *BIOMEDIALE.* Современное общество и геномная культура. Калининград, 2004. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4277422/page:17/>.

нов способно сформировать (и способно ли?) мышление? К этим вопросам добавляются и другие, обретающие особое биополитическое значение в современном технологическом контексте: До какого предела должна развиваться «голая» жизнь, чтобы обрести свой голос? И до какого предела должен быть усовершенствован (или развит?) человек, чтобы этот голос услышать?

Другой, не менее важный вопрос этой темы звучит следующим образом: до какой степени модификация человеческого (или потенциально человеческого) существа выводит его из принадлежности к человеческому виду, лишает морального и юридического статуса, защищающего его права как индивида? Отдельные аспекты этой темы обсуждались выше. Они были связаны с нечеловеческими военными практиками лишения человека основ человеческого существования, его политической воли и голоса, несмотря на сохраняющуюся принадлежность к человеческому виду. Другой срез этой проблемы напрямую связан с развитием современных биотехнологий. Речь идет о создании такого потенциального человеческого существа (эмбриона), которое, несмотря на принадлежность к человеческому виду, перестает рассматриваться как субъект морали, требующий защиты.

Использование эмбрионов в исследовательских и терапевтических целях всегда вызывало резонанс как среди носителей традиционных ценностей, представителей различных религиозных конфессий, так и у многих обычных людей, не имеющих четко выраженной аксиологической позиции.

Бесконечные споры о моральном статусе эмбриона зачастую сводились с аргументу «от потенции», то есть к пониманию эмбриона в качестве человеческого существа (со всеми вытекающими отсюда правами), поскольку он

(эмбрион) потенциально может развиваться в человека (согласно мысли Тертуллиана, уже является человеком тот, кто им станет).

Развитие биотехнологий оказалось сопряжено с поиском возможностей создания биотехнологических методов по модификации эмбриона, которая способствовала бы созданию альтернативной этики, не вызывающих нареканий у оппонентов проведения исследований на эмбрионах.

В случае с развитием аргументации, оправдывающей исследование на эмбрионах, предполагался не только поиск концептуальных этических аргументов, позволяющих оправдать осуществление действий, нелегитимных в рамках традиционных систем ценностей, но и биотехнологическая трансформация самого эмбриона, которая бы позволила не считать его человеком. Речь шла об аннигиляции аргумента «от потенции», то есть о создании такой искусственной ситуации и модификации эмбриона, в контексте которой его уничтожение или проводимые над ним манипуляции не рассматривались бы как акты уничтожения или жестокого обращения.

Собственно, такое аксиологическое основание и вызвало появление в 2004 г. методики «переноса измененного ядра» (altered nuclear transfer, ANT). Методика предполагала деактивацию гена, отвечающего за формирование плаценты, в ядре соматической клетки перед передачей его в лишённую ядра яйцеклетку (соматическая клетка заражалась вирусом, который блокировал действие гена и делал невозможным имплантацию эмбриона в матку).

Таким образом, ликвидировалась сама возможность дальнейшего развития эмбриона. Развития, которое способствовало его превращению в человеческое существо, то есть наделяло эмбрион человеческими чертами. Деактива-

ция гена приводила к деформации эмбриона, который больше не мог развиваться в человека и был похож, скорее, на клеточную культуру, а не на потенциальное человеческое существо.

Попытаюсь кратко воспроизвести аргументацию защитников эмбрионов, ответом на которую и послужило создание методики АНТ. В современной немецкой философско-биоэтической литературе в дискуссиях, посвященных защите эмбриона используется очень емкий зонтичный термин SKIP. SKIP – это аббревиатура, состоящая из начальных букв аргументов для обоснования ценности жизни эмбриона. К ним относятся видовой аргумент (*Das Speziesargument*), аргумент континуума (*das Kontinuumsargument*), аргумент идентичности (*das Identitätsargument*), аргумент потенциальности (*das Potentialitätsargument*)¹⁷. Рассмотрю их более подробно.

1. *Видовой аргумент*. В соответствии с видовым аргументом все члены человеческого рода (вида) обладают достоинством. Так как эмбрионы принадлежат к человеческому виду, их жизнь также должна быть защищена.

2. *Аргумент континуума* (непрерывности). Согласно аргументу континуума (непрерывности) в развитии эмбриона нет моральных разрывов. Таким образом, эмбрион обладает достоинством как в самом начале своего развития, так и на более поздних стадиях развития. Достоинство – неотъемлемая часть естественного природного развития эмбриона и его модификации в более сложные формы идентичности человеческого существа – плода, ребенка, взрослого.

3. *Аргумент идентичности*. Согласно аргументу идентичности возникают нравственные отношения идентично-

¹⁷ *Kreß, H. Medizinische Ethik, Stuttgart: Kohlhammer. 2009.*

сти между эмбрионом и человеком, который может развиться из нее. Так как мы приписываем человеку наличие достоинства, мы должны также признать его у эмбриона в связи с особым отношением идентичности. Аргумент идентичности является не только математическим понятием идентичности, но и концепцией личностной идентичности.

4. *Аргумент потенциальности.* С аргументом идентичности тесно связан аргумент потенциальности, подразумевающий, что эмбрионы обладают достоинством, поскольку у них есть потенциал развития в существо, которое несет в себе черты, придающие достоинство¹⁸.

Можно ли полагать, что методика АНТ позволяет преодолеть появление аргументации относительно защиты жизни, подобной SKIP-аргументации?

Очевидно, что проведение исследований на таких модифицированных эмбрионах и последующее их уничтожение не должны были вызывать моральных возражений лишь на том основании, что эти эмбрионы были лишены возможности стать членами человеческого вида¹⁹.

На мой взгляд, здесь идет речь об искусной манипуляции с моральной аргументацией, в основании которой лежит конструктивный замысел, позволяющий создать существо, возможно, и удовлетворяющее ряду характеристик, предъявляемых скрупулезными моралистами, но не удовлетворяющее главному признаку исходной недетерминированности природных оснований, на котором так настаивает Ю. Хабермас.

¹⁸ Müller-Terpitz, R. Der Schutz des pränatalen Lebens, 2007. Tübingen: Mohr Siebeck. S. 49-65.

¹⁹ Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press. P. 95.

Немецкий философ М. Бек отмечает, что в процессе использования метода ANT исследователь манипулирует с ядром клетки перед трансплантацией таким образом, чтобы полученный эмбрион не мог развиваться во взрослого человека. Ему недостает потенциала превращения во взрослого человека в результате человеческого вмешательства. Это техне в аристотелевском смысле²⁰.

Это умение исследователя, согласно М. Беку, является знанием о том, что благодаря его (исследователя) мастерству получился клонированный нежизнеспособный эмбрион. М. Бек подчеркивает, что в случае с методом ANT уместна аналогия и с другими примерами манипуляций, например такой манипуляции со сперматозоидами или яйцеклетками, которая позволяет появиться эмбриону с более короткой продолжительностью жизни.

Очень точно описали парадоксальную ситуацию моральных игр в усложняющемся биотехнологическом мире, примером которых может послужить методика «переноса измененного ядра», Н. Nowotny и G. Testa: «Открытия и изобретения, сделанные в лабораториях, таким образом, все сильнее оказываются в позиции, когда они несут двойной сертификат происхождения – научный и моральный... Заведенные в тупик моральные или религиозные взгляды на ценность человеческой жизни и на определение ее начала продиктовало создание биотехнологического артефакта – "человеческого творения в человеческих целях"... Биотехнологическое существо возникло в соответствии с заказом, чтобы осуществлять медиацию между религиозными убеждениями и давлением на научные и технологи-

²⁰См.: Beck M. Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten, Ferdinand Schoening Paderborn, 2009. S. 274.

ческие инновации. Когда приходишь к проблеме, какой ген должен быть деактивирован, чтобы сделать этот биологический артефакт непроблематичным для всех сторон, примат политики над наукой не может подвергаться сомнениям»²¹.

Методика «переноса измененного ядра» вызвала скепсис у многих представителей научного сообщества и потребовала нового биологического вмешательства с целью преодоления сомнений в ее действенности. В частности, речь шла о том, чтобы доказать, что подавление экспрессии гена происходит должным образом. Для этого маленькую молекулу РНК, которая контролирует процесс разрушения клеточного белка, то есть к деактивации гена, отвечающего за формирование плаценты, помечали светящимся флуоресцентным белком (GFP). Чем ярче была зеленая клетка, тем больше молекул РНК с ингибирующим эффектом она производила²².

Как написали Н. Nowotny, G. Testa, «за двадцатилетнюю карьеру зеленого флуоресцентного белка GFP, который используется во всех лабораториях по всему миру для изучения функции генов и белков, это первый раз, когда мощность его свечения указывает, косвенно, но все более интенсивно, – на нравственную ценность. Стандартное измерение в лаборатории – свечение зеленого сигнала – поднято на уровень нравственной ценности, и наоборот»²³.

Выше я уже упоминала концепт «голой» жизни, введенный Дж. Агамбенom, удачно описывающий создание полуживых объектов. Данный концепт подразумевает ис-

²¹ Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press. P. 96.

²² Ibid. P. 98.

²³ Ibid. P. 98.

кусственный, сконструированный процесс их создания, обеспечение их заданными характеристиками. Эти объекты созданы с целью использования их строго по назначению. Они, например, могут быть сконструированы в целях успешного функционирования науки или других областей знания или решения сложных проблем. Лишение эмбриона, используемого в исследовательских целях, морального статуса, который приписывался ему на основании аргумента «от потенции», также является примером применения концепта «голой» жизни. Эмбрионы с деактивированным геном – не что иное, как объекты, сконструированные волей создателей с исключительно прагматическими целями. Аналогичными примерами конструирования таких же «голых» существ в истории развития биомедицины являлись испытуемые – недобровольные участники научных исследований, так называемые «неоморты» (пациенты со смертью мозга), упомянутые выше полуживые объекты, животные с человеческими генами и т.д.

Процесс исключения Других, условно говоря, не соответствующих норме, «ненормальных» людей в научном мире характеризуется общим консенсусом научного сообщества относительно того, кто достоин быть человеком, а кто должен быть исключен из сообщества людей, вообще из сообщества любых живых существ, которые способны вызывать этическое отношение.

Прецеденты формирования различных онтологий людей-артефактов, которым присваиваются те или иные имена, например такие, как «бревна» и «мусульмане» (во время Второй мировой войны), «неоморты» (в пространстве современных реанимационных больниц), или рассмотренные выше безымянные эмбрионы с деактивированными генами стали неотъемлемой частью истории современной биоэтики, интенции которой направлены на формирование

такого подхода к человеку, который бы основывался на уважении его «телесных прав», его целостности и неприкосновенности его тела.

Н. Nowotny и G. Testa обозначили позицию нейробиолога М. Гэзэнига, который отметил в связи с методикой «переноса измененного ядра», что мы обычно выдумываем слово, чтобы описать биологическое явление, но что здесь мы, казалось, переделали биологическое явление, чтобы заставить его соответствовать значению слова²⁴. Действительно, сконструированный эмбрион с деактивированными генами – это артефакт, созданный с целью соответствия эмбриона имени «нечеловек», то есть артефакт с заданными свойствами. Эти имена позволяют осуществлять успешные манипуляции над эмбрионами, использовать их в научных целях.

Даже если онтология такого человека описывается лишь в рамках семантики, связанной с физическим измерением бытия, но и оно – человеческое измерение физического – должно обосновывать этику, заставляющую уважать права телесности другого существа.

5.4. Парадокс 4.

Жизнь как стандартизация и арт-проект

Создание шедевров технологических миниатюр, невидимое конструирование, посягающее на изменение всех форматов и норм человеческой жизни, невозможно без особого видения, особой установки по отношению к миру.

Новый конструирующий взгляд на мир прекрасно охарактеризован Хельгой Новотны: «Жизнь разделена на её организационные единицы. Наше молекулярное исследо-

²⁴ Там же. Р. 96.

вание делает эту фрагментацию возможной. И этот шаг представляется логическим продолжением диссекции тел в эпоху Ренессанса, когда геномные браузеры заменили анатомические театры, как бы показывая, что изменились проникающая способность и разрешение нашего взгляда»²⁵. Х. Новотны заявляет об отсутствии объективного «незаинтересованного» взгляда наблюдателя, «чистого зеркала», на котором отражались научные истины. Взгляд современного ученого – это взгляд, направленный не только на понимание сути вещей, но и на их преобразование, конструирование, использование с прагматической целью.

Ниже я хотела бы обратить внимание на процессы конструирования в живых системах, ставшие предметом заботы современных генных инженеров и синтетических биологов.

Развитие синтетической биологии подразумевает использование биологических компонентов для разработки живых систем. Биологические компоненты должны быть хорошо исследованы и предсказуемы в проявлении своих качеств. В основе синтетической биологии лежит процесс стандартизации. Х. Новотны и Дж. Теста пишут: «Поведение компонентов новой системы не будет достоверно предсказуемо в любой степени, пока они не были произведены на основе известных качеств и общезначимых норм – как части, которые были определены с помощью стандартных измерений в стандартных экспериментах и которые поэтому сами стали стандартами, вокруг которых может быть организован дизайн новой жизни»²⁶. Именно наличие стандартизированных деталей ДНК (десятков, тысяч букв

²⁵ *Nowotny H., Testa G. Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press, 2010.*

²⁶ Там же. Р. 92.

ДНК) позволяет конструировать и перепрограммировать живые организмы с новыми функциями, не встречающиеся в природе.

Синтетическая биология, как и многие другие направления научного знания, столкнулась с проблемой общественного приятия созданных в лабораториях биотехнологических артефактов и в целом приемлемости любых практик биотехнологического конструирования, несущих непредсказуемые антропологические риски.

Опираясь на рассуждения П.Д. Тищенко, хочу обратить внимание на смысл конструктивного потенциала, содержащегося в идее развития синтетической биологии. Как полагает П.Д. Тищенко, «условием конструктивного подхода является *представление человека* в качестве системы, состоящей из частей или процессов, контролируя которые можно достичь желаемого эффекта»²⁷. Современная синтетическая биология направлена на редизайн «существующих биологических систем и конструирование новых строительных блоков жизни, инструментов и конкретных систем для конкретных полезных целей»²⁸. Как было показано выше, это предполагает разновекторную стандартизацию: не только биологических деталей, доступных для всех и легко воспроизводимых запчастей, но и профессиональных, нормативных стандартов, со временем регулирующих деятельность в области синтетической биологии.

²⁷ *Тищенко П.Д.* Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. статей / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015.

²⁸ *Nowotny H., Testa G.* Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. MIT Press. P. 86.

Обращу внимание на высказывание П.Д. Тищенко, характеризующее процесс создания технического продукта: «...если мастер создает уникальное произведение, то изобретатель техники как продукта – шаблон для производства необходимого числа копий. Сохранение тождественности копий обеспечивается стандартизацией... Способ действия и его продукт как шаблон – патентуются. В самой сути современной техники как способа производства и модели (шаблона) присутствует атрибут собственности (распределяемого ресурса или товара). И это будет четвертым существенным свойством современной техники»²⁹. Эта оценка может быть применима к развитию современной синтетической биологии. В ней в концентрированном виде содержится конструктивная интенция, с характерной для нее воспроизводимостью, которая противостоит интенции создания уникального единичного продукта, произведения в высоком смысле этого слова: «Амбиции синтетической биологии заключаются в стремлении преодолеть современный [полуремесленный] исследовательский подход к жизни, строящийся на напряженном *ad hoc* экспериментировании, и перейти на новый уровень сборки биологических систем из стандартизированных частей, взятых “с полки” [своеобразного склада или, что еще удобней, заказанных к нужному сроку по каталогу у поставщиков биотехнологических полуфабрикатов]»³⁰. Синтетическая

²⁹ *Тищенко П.Д.* Конструирование человека: идеалы и технологии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015.

³⁰ *Nowotny H., Testa G.* Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2010. P. 86–87. Цит. по: *Тищенко П.Д.* Конструирование человека: идеалы и техно-

биология как имагинативная социальная конструкция имеет дело с конструированием будущих возможных миров, населенных гибридными формами существования, людьми-«кентаврами», химерами. Ее провокативная роль заключается в онтологическом, этическом семантическом переделе мира, где будет место новым сущностям, новым формам существования, активно осмысляется в различных творческих проектах art-science.

На платформе развития таких инновационных форм развития научного знания ученый уподобляется художнику, реализуя интенцию на конструирование истины, придавая новый дизайн уже существующим вещам, новому потенциалу раскрытия живого (наделения его новыми функциями, новым обликом, новыми способами использования).

Тенденция реализации новых форм проявляется в том, что в современных условиях развития науки зачастую бывает достаточно сложно отличить научно-техническое исследование от художественного проекта.

Если отойти немного в сторону от синтетической биологии и задаться вопросом о характерных чертах современной науки и критериях демаркации результатов, производимых ученым и художником, выявляется парадоксальная сложность, обусловленная изменением ролей ученого и художника в современном мире, перепутыванием их социальных ролей и изменением профессиональной идентичности. Объясню это на конкретном примере, который приводит С. Уилсон.

логии // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. статей / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2015. С. 41.

«Исследователь Дж.Т. нашел способ вживлять в бактерии закодированные сообщения при помощи методов генной инженерии.

Исследователь С. создал механизм, позволяющий всем желающим на расстоянии управлять его телом посредством электростимуляции.

Исследователь Х.С. создал “бюстгальтер плодовитости” со встроенными феромоновыми рецепторами, которые включали определенные индикаторы, если женщина, носящая бюстгальтер, находилась в стадии месячного цикла, позволяющей ей забеременеть.

Группа исследователей сделала экран для трансляции видеоконференции, на котором изображения участников конференции, не принимавших активного участия в дискуссии, бледнели и расплывались в соответствии с уровнем их активности»³¹.

В приведенных примерах первые два случая относятся к художникам.

Художник, исследователь art-science Д. Булатов отмечает, что «авторы рассматривают “модификацию организма, внешнего вида животного, или растения, или даже молекулы ДНК” не иначе как “художественное действие”, не укладывающееся в рамки оппозиционных категорий «полезно/бесполезно», “правильно/неправильно” или “опасно/безопасно”»³².

Художники не так обременены этическими стандартами и этосом своего сообщества, как ученые, поддаваясь регуляции лишь духа творчества, а, следовательно, способны получать инновационные продукты, которые не все-

³¹ Уилсон, С. Искусство и наука как культурные действия // Логос. 2006. № 4 (55).

³² Булатов Д. Новое состояние живого: к вопросу о технобиологическом искусстве // Гуманитарная информатика. 2011. Вып. 6.

гда удается получить ученым, которые способны вызвать неоднозначную в этическом отношении реакцию.

С.В. Ерохин и А.С. Мигунов отмечают: «Биологическое искусство извлекает пользу из самого сокровенного – из всего многообразия живого. Этика и эстетика выступают здесь как регуляторы в сфере пока еще совершенно новых технологий, где слились воедино творческая интуиция и воображение художника с расчетом и выдумкой биоинженера. Этика, на наш взгляд, преимущественно нацелена на сохранение человека как особого антропологического вида, в то время как эстетика, наоборот, поощряет самые смелые и отчаянные эксперименты, часто дающие, как это видно из приведенных нами примеров, совершенно поразительные результаты»³³.

В этом утверждении принципиально важно зафиксировать то обстоятельство, что современная эстетика (в обсуждаемой нами форме) открыта духу инновационного антропологического конструирования, в том числе, в то время как этика в большей степени озабочена биобезопасностью.

Основатель биоарта Е. Кац, отмечая, что сущность биологического искусства связана с манипуляцией процессами жизни, полагал, что «биоискусство создает не столько новый объект [object]... сколько новый субъект [subject]», «...оно открывает себя целому ряду живых процессов и сущностей – от молекул ДНК и мельчайших вирусов до самых больших млекопитающих и их эволюции»³⁴. Ху-

³³ Ерохин С. В., Мигунов А. С. Биологическое искусство // Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 69–78. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2014_12-1_16.pdf.

³⁴ Кас Е. Art That Looks You in the Eye: Hybrids, Clones, Mutants, Synthetics, and Transgenics: introduction // Signs of Life: Bio Art and Beyond / ed. by E. Kac. Cambridge. L.: The MIT Press, 2009. P. 1–27.

дожники становятся активными участниками «гаражного подхода» в науке, фактически следуя призыву института «Do-It-Yourself Biologist»³⁵.

Осмысление манипуляций с живым-полуживым, человеческим и получеловеческим актуально в этическом отношении не только в связи с очевидным усилением кризиса традиционной этики, столкнувшейся с вызовом от применения новых технологий, но и в связи с полностью противоположной ситуацией – имитацией создания псевдоэтических норм, которые рассматриваются как релевантное этическое обеспечение той или иной научной практики.

³⁵ См.: Do-It-Yourself Biologist // <https://diybio.org/>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема человека в эпоху технической воспроизводимости предстает проблемой поиска «золотого сечения» между природой и артефактом. В эпоху технической воспроизводимости человека заменяют и расширяют искусственными носителями. Новый виток его пути в движении к себе – в его техническом расширении и технологической экспансии. Воспроизводя себя как артефакт, человек отчуждает себя от своей смертной сущности. Подлинность человека была исконно связана с его неустойчивым положением в мире, вызванным прежде всего его смертностью. Современный человек, очевидно, испытывая экзистенциальный ужас перед лицом своей подлинности, выдвигает новый проект самого себя в технологических координатах калькуляции и власти. Неустойчивая подлинность рассматривается как фактор, препятствующий калькуляции мира и просчету (контролю) жизненных стратегий. Неустойчивая подлинность предоставляет основания для возмущения по поводу собственных онтологических (естественных) оснований. Понимание себя и своего собственного тела как продукта производства, с одной стороны, выражают страх понять себя глубже и значительнее, с другой – дают надежду не потерять себя окончательно.

Человек в эпоху технической воспроизводимости, рассматриваемый в его искусственном аспекте, оказывается онтологически скрыт для самого себя, как ранее скрывали от профанов предметы религиозного культа, открывая к ним доступ лишь хранителям истины. *В современную эпоху хранителем человеческой, но столь же «машинной» исти-*

ны становится ученый. Он конституирует знание о человеке таким образом, что его сущность оказывается неизменно «задрапированной» техническим контекстом эпохи.

Наука как фабрика по производству человеческой идентичности хранит исторический облик эпохи. «Биотехнологическая история» представляет собой одну из стратегий общей технологической истории, реализовавшейся в современных условиях. Она прежде всего является строго определенным способом истолкования собственного существования. Л. Мамфорд пишет: «У современного человека интересным образом сложился искаженный взгляд на самого себя благодаря тому, что он толковал собственную древнейшую историю, отталкиваясь от своих нынешних интересов производства машин и покорения природы»^{1, 36}. Альтернативным подходом к самопониманию является гуманитарный. Он определяет человека прежде всего в категориях воображаемого и символического. Эти две системы – технологическая и гуманитарная – противоположны друг другу по духу.

Усиление степени контроля над различными сферами жизни современного общества выражается в стирании различий между технологическим и естественным, активном взаимопроникновении и взаимопоглощении технологического и гуманитарного модусов человеческого существования. Таким образом, исторический процесс как диалектический процесс соперничества гуманитарного (символического) и технологического измерений в жестких условиях технологического развития обращается к постистории, актором которой становится постчеловек, телесная биография которого проделывает путь от косми-

¹ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115/3117>

ческой пыли до артефакта, перешагивая живое в животном и человеке.

Современный моралист актом своего протеста против внедрения нового напоминает возрождение в более тонких, культурно изощренных формах поведения луддитов, воспроизводя в современности архетип поведения «разрушителей машин» и их предшественников, разъяренно протестовавших против новых станков как выражения угрозы их способу существованию. (Био)этик ощущает особую онтологическую угрозу в связи с появлением нового. В широком социокультурном плане он требует прежде всего глубокого исследования сущности любой инновации. В этой связи введение инновации не должно рассматриваться в качестве средства достижения морального прогресса и перехода к жизни, насыщенной новыми ценностями. Скорее, речь идет об онтологической потребности человека в переводе в новый формат самих ценностей, эксперименте над ценностями. Технология предоставляет для этого все возможности, когда затихает голос этика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

На иностранных языках

1. *Baker L.R.* The Metaphysics of Everyday Life: An Essay in Practical Realism. Cambridge University Press, 2009. 272 p.

2. *Beck M.* Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten, Ferdinand Schoeningh Paderborn, 2009.

3. *Blumental W.M.* The world Economy and Technological Change // Foreign affairs. Vol. 66, No. 3. P. 534. Цит. по: *Кокурин Д.И.* Инновационная деятельность. М.: Экзамен, 2001.

4. *Bostrom N.* Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective // Journal of Value Inquiry. 37 (4). 2003. P. 493–504.

5. *Bryson B.* I'm a Stranger Here Myself. 1999, New York: Broadway Books.

6. *Buchanan A, Brock D., Daniels N., Wikler D.* From Chance to Choice. Genetics and Justice. Cambridge University Press, Cambridge, 2009.

7. *Chalmers D.* The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory, New York and Oxford: Oxford University Press, 1996.

8. Controversies in the Determination of Death. The President's Council on Bioethics. Washington, 2008.

9. *Derrida, Jacques.* For What Tomorrow...: A Dialogue. With Elisabeth Roudinesco. Translated by Jeff Fort. Stanford: Stanford University Press, 2004.

10. *Flusser V.* Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung / Schriften von Vilém Flusser. Hrsg. von Stefan Bollmann; Bd. 3. Mannheim: Bollmann, 1998. S. 9–27; ХОРА. 2009. № 3/4 (9/10).

11. *Gerald N. Callahan*. Between XX and XXI: intersexuality and the myth of two sexes. Chicago Review Press, 2009.

12. *Haraway D.A.* Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York; Routledge, 1991. P. 149–181.

13. *Harris, J.* Enhancing Evolution: The Ethical Case for Making Better People. Princeton: Princeton University Press, 2007.

14. *Hayles N.K.* How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago; L., 1999.

15. *Hogshire J.* Sell Yourself to Science: The Complete Guide to Selling Your Organs, Body Fluids, Bodily Functions and Being a Human. Guinea Pig Paperbac, 1992.

16. *Kac E.* Art That Looks You in the Eye: Hybrids, Clones, Mutants, Synthetics, and Transgenics: introduction // *Signs of Life: Bio Art and Beyond* / ed. by E. Kac. Cambridge. L.: The MIT Press, 2009. P. 1–27.

17. *Kurzweil R.* The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. Penguin Books Ltd, 2000.

18. *Lizza J.P.* Potentiality, Irreversibility, and Death // *J. Med. and Philos.* 2005. Vol. 30, № 1. P. 45–64.

19. *McDonagh, M. S., et al.* Drug Class Review on Pharmacologic Treatments for ADHD: Final Report. Portland, OR: Oregon Health and Science University, 2007.

20. *Metzinger T.* Being no one: the self-model theory of subjectivity. Massachusetts Institute of Technology, 2003.

21. *Nowotny H., Testa G.* Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2010. P. 86.

22. *Sahakian B.J. and LaBuzetta J.N.* Bad Moves. How decision-making goes wrong and the ethics of smart drugs. Oxford University Press, 2013.

23. *Savulescu J.* Bostrom, Nick, eds. *Human Enhancement*. Oxford University Press, 2011.

24. *Shewmon D.* The Brain and Somatic Integration: Insights Into the Standard Biological Rationale for Equating «Brain Death» With Death // *Journal of Medicine and Philosophy* 0360-5310/01/2605-457\$16.00. 2001. Vol. 26, No. 5. P. 457–478.

25. *Shewmon D.A.* Chronic «brain death»: Meta-analysis and conceptual consequences // *Neurology*. 1998. 51; 1538–1545.

26. *Shusterman R.* Somaesthetics: A Disciplinary Proposal // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1999. Vol. 57, № 2.

27. *Shusterman R.* Postmodernist Aestheticism: A New Moral Philosophy? // *Theory, Culture & Society*. 1988. Vol. 5, № 2–3. P. 346–347.

28. *Sofsky W.* *Lordine del terrore. Ill campo di concentramento*. Roma-Bari, 1995.

29. *The Global Body Market. Altruisms Limits.* (edit. by Goodwin, Michele). Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

30. *Wiegerling K.* *Privatheit als submedialer Bereich vom totalitären Anspruch der Medien / Realität maßgeschneidert schöne, neue Welt für die Jugend?* Berlin, 2002.

На русском языке

31. *Агамбен, Дж.* *Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь* / Дж. Агамбен. М.: Европа. 2011. 256 с.

32. *Агамбен, Дж.* *Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель* / Дж. Агамбен. М.: Изд-во «Европа», 2012. 192 с.

33. *Аршинов, В.И.* Социальное измерение NBIC-междисциплинарности / В.И. Аршинов, В.Г. Горохов // *Филос. науки*. 2010. № 6. С. 22–35.

34. *Аршинов, В.И.* Нанозтика: конвергенция этических проблем современных технологий или пролегомены к постчеловеческому будущему? // В.И. Аршинов, В.Г. Горохов,

В.В. Чеклецов // Эпистемология и философия науки. 2009. № 2. С. 96–111.

35. *Аршинов, В.И.* Парадигма сложности и социо-гуманитарные проекции конвергентных технологий / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–71.

36. *Аршинов, В.И.* Трансгуманизм в перспективе эволюции сложности / В.И. Аршинов // Философские науки. 2013. № 8. С. 11–24.

37. *Ашмарин, И.И.* Основы гуманитарной экспертизы / И.И. Ашмарин, Б.Г. Юдин // Человек. 1997. № 3. С. 76–86.

38. *Бейкер, Л.* Онтологическая значимость артефактов / Л. Бейкер // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. 143 О.Е. Столяровой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 18–33.

39. *Белкин, А.* Третий пол. Судьбы пасынков Природы / А. Белкин. М.: Олимп, 2000. 432 с.

40. *Белялетдинов, Р.Р.* Кибер-человек: взгляд в будущее / Р.Р. Белялетдинов // Человек. 2006. № 6. С. 128–131.

41. *Белялетдинов, Р.Р.* Социогуманитарное обеспечение проектов персонализированной медицины: философский аспект / Р.Р. Белялетдинов, Е.Г. Гребенщикова, Л.П. Киященко, О.В. Попова, П.Д. Тищенко, Б.Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 12–26.

42. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

43. *Бердышева, Е.С.* От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии / Е.С. Бердышева // Экономическая социология. Январь 2012. Т. 13, № 1. С. 67–86.

44. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

45. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. 319 с.

46. Булатов, Д. Новое состояние живого: к вопросу о технобиологическом искусстве / Д. Булатов // Гуманитарная информатика. 2012. Вып. 6. С. 55–64.

47. Воронин, А.А. Миф техники / А.А. Воронин. М.: Наука, 2006. 200 с.

48. Воронин, А.А. От коммуникации к конструированию / А.А. Воронин // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. статей / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 86–103.

49. Вульф, К. Номо рiсtог или возникновение человека из воображения / К. Вульф // Антология медиафилософии / ред.-сост. В.В. Савчук. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 270–284.

50. Гелен, А. О систематике антропологии / пер. А.Ф. Филиппова / А. Гелен // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 152–201.

51. Горохов, В.Г. Социальные технологии прикладных междисциплинарных исследований в сфере социальной оценки техники / В.Г. Горохов. М. Декер // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1. С. 135–150.

52. Гребенщиков, Е.Г. Социогуманитарное обеспечение технонауки / Е.Г. Гребенщикова // Философия, методология и история науки. 2016. Т. 2, № 1. С. 15–21.

53. Гребенщикова, Е.Г. Трансдисциплинарные основания биоэтики и «второй тип» производства знания / Е.Г. Гребенщикова // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 222–227.

54. Гуревич, П.С. Философия культуры / П.С. Гуревич. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2001. 352 с.

55. Жижек, С. Власть и цинизм / С. Жижек // Кабинет картины мира 1. СПб: Инапресс, 1998. С. 162–174.

56. За металл: интервью с Дмитрием Ицковым, создателем движения «Россия-2045» // Наследник. 2011. № 4 (39). С. 41.

57. *Иванюшкин, А.Я.* Проблема смерти мозга в дискурсе биоэтики: монография / А.Я. Иванюшкин, О.В. Попова. Москва: «Nota Bene» Медиа Трейд / Институт философии РАН, 2013. 286 с.

58. Инновационный менеджмент: учеб. для вузов / А.Е. Абрамешин [и др.]. М.: Вита-пресс, 2001. 272 с.

59. *Иригарей, Л.* Этика полового различия / Л. Иригарей. М.: Художественный журнал, 2005. 184 с.

60. *Кампер, Д.* Тело. Насилие. Боль / Д. Кампер // Сборник статей / пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступит. статья В. Савчука. СПб.: Изд-во РХГА, 2010. 174 с.

61. *Касавин, И.Т.* STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 5–17.

62. *Касавин, И.Т.* Социальная онтология, конструирование знания и междисциплинарные исследования / И.Т. Касавин // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О.Е. Столяровой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 162–175.

63. *Киященко, Л.П.* Когнитивная инновация в фокусе философии трансдисциплинарности / Л.П. Киященко // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 34–49.

64. *Киященко Л.П.* Этнос постнеклассической науки: к постановке проблемы / Л.П. Киященко // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 29–53.

65. *Киященко, Л.П.* Молекулярный век «окраина вечности»? / Л.П. Киященко, Е.Г. Гребенщикова // Человек. 2014. № 3. С. 127–137.

66. Клонирование человека. Вопросы этики. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж: Юнеско, 2004. 20 с.

67. *Кожевникова, М.* Гибриды и химеры человека и животного в истории культуры и науки / М. Кожевникова // Личность. Культура. Общество. Т. XIV, вып. 1. 2012. № 69–70. С. 252–258.

68. *Кожевникова, М.* Клонирование людей и проблема статуса клона / М. Кожевникова // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 95–101.

69. *Коллинз, Г.* Социальное картезианство и онтологическая асимметрия / Г. Коллинз // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О.Е. Столяровой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 332–351.

70. *Кон, И.* Обнаженное мужское тело в русском изобразительном искусстве / И. Кон // Тело в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 194–222.

71. *Курцмен, Дж.* Да сгинет смерть! Победа над старением и продление человеческой жизни / Дж. Курцмен, Ф. Гордон. М.: Мир, 1987. 225 с.

72. *Кэмпбелл, А.* Медицинская этика / А. Кэмпбелл, Г. Джиллетт, Г. Джонс. М.: Гэотар-Медиа, 2005. 400 с.

73. *Левин, Г.Д.* Вещь / Г.Д. Левин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / В.С. Степин [и др.]. М., 2010. Т. 1: А–Д. С. 393.

74. *Лекторский, В.А.* Конструктивизм vs. Реализм / В.А. Лекторский // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 5–9.

75. *Лекторский, В.А.* Рациональность, социальные технологии и судьба человека / В.А. Лекторский // Эпистемология и философия науки. 2011. № 3. С. 35–48.

76. *Луков, В.А.* От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе / В.А. Луков // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 114–118.

77. *Майленова, Ф.Г.* Конструирование желаемого будущего с помощью техник НЛП / Ф.Г. Майленова // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии / под ред. П.Д. Тищенко. М., 2015. С. 165–193.

78. *Майленова, Ф.Г.* Между этикой и психологией. Творчество или буква кодекса? / Ф.Г. Майленова // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий / отв. ред. Г.Л. Белкина. М., 2015. С. 210–218.

79. *Мелик-Гайказян, И.В.* Бумеранг конструирования: траектории полета в коммуникативном пространстве / И.В. Мелик-Гайказян // Конструирование человека: сб. науч. статей. Сер.: Системы и модели: границы интерпретаций. Томск: Изд-во Томский гос. педагог. ун-та, 2008. С. 114–158.

80. *Мелик-Гайказян, И.В.* Символизм технологий «конструирования человека» / И.В. Мелик-Гайказян // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. статей / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 15–35.

81. *Михель, Д.В.* Тело в западной культуре / Д.В. Михель. Саратов: Научная книга, 2000. 172 с.

82. *Михель, Д.В.* Воплощенный человек: Западная культура, медицинский контроль и тело / Д.В. Михель. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 204 с.

83. *Михель, Д.В.* Власть, знание и мертвое тело: историко-антропологический анализ анатомических практик на Западе в эпоху Ранней современности / Д.В. Михель // Логос. М., 2003. № 4–5 (39). С. 163–173.

84. *Михель, Д.В.* Медикализация общества: теория, история, микрополитика / Д.В. Михель // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 3. С. 293–294.

85. *Михель, Д.В.* Социальная антропология здоровья и репродукции: медицинская антропология: учеб. пособие для студ. / Д.В. Михель. Саратов: Новый проект, 2010. 100 с.

86. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии». 1989. № 3, 4.

87. *Попова, О.В.* Биотехнологическое конструирование искусственного-естественного: социальный контекст / О.В. Попова // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.

88. *Попова, О.В.* «Быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект» / О.В. Попова // Философия и культура. 2015. № 3. С. 438–445.

89. *Попова, О.В.* Тематизация феноменов смерти, донорства и трансплантации органов в произведениях современной фантастической литературы: этико-антропологический взгляд / О.В. Попова // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии / под ред. П.Д. Тищенко. М., 2015. С. 65–85.

90. *Попова, О.В.* Биотехнологическое конструирование детства: от патологии к усовершенствованию / О.В. Попова // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека / под ред. П.Д. Тищенко. М., 2015. С. 114–132.

91. *Попова, О.В.* Биотехнологическое конструирование искусственного естественного: социальный контекст / О.В. Попова // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.

92. *Попова, О.В.* Клонирование человека в парадоксах культуры: терапия или усовершенствование? / О.В. Попова // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии / под ред. П.Д. Тищенко. М., 2015. С. 121–142.

93. *Попова, О.В.* Опыт на пределе, или Еще раз об истоках биоэтики / О.В. Попова // Гуманитарные ориентиры научного

познания: сб. статей / К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина; отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Издательский дом Навигатор, 2014. 352 с.

94. *Попова, О.В.* Взгляд как моральный парадокс / О.В. Попова // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 8 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФРАН, 2014. С. 102–126.

95. *Попова, О.В.* Человек как текст и этика читателя: био-политический контекст / О.В. Попова // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / под ред. Ф.Г. Майленовой. М.: ИФ РАН, 2013. С. 123–146.

96. *Попова, О.В.* Ребенок как объект социокультурного проектирования: в поисках модели человека будущего / О.В. Попова // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6. М., 2012. С. 130–151.

97. *Попова, О.В.* Современная технологическая утопия: российский контекст / О.В. Попова // Человек. 2012. № 5. С. 54–62.

98. *Попова, О.В.* Фактор доверия в контексте развития нанотехнологии / О.В. Попова // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 14: Трансдисциплинарность, нанотехнологии и инноватики. М., 2012. С. 64–72.

99. *Попова, О.В.* Человек как машина: к попытке осмысления существующих «гибридных» дискурсов о человеке / О.В. Попова // Рабочие тетради по биоэтике. М., 2012. Вып. 13. С. 83–99.

100. *Попова, О.В.* Быть телом или иметь тело: этические аспекты осмысления феномена телесности / О.В. Попова // Человек. 2007. № 6. С. 18–30.

101. *Попова, О.В.* Этика, эстетика, анестетика в контексте развития пластической хирургии / О.В. Попова // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 96–105.

102. *Попова, О.В.* Интимные технологии и кризис социальности / О.В. Попова // Человек. 2017. № 1. 138–152.

103. *Прокофьев, А.В.* Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов / А.В. Прокофьев. Великий Новгород, 2006. 283 с.

104. *Прокофьев, А.В.* Справедливость или преодоление человеческой природы?: метанормативный контекст понятия «справедливость» / А.В. Прокофьев // Этическая мысль. Вып. 4. М., 2003. С. 23–49.

105. Пронин, М.А. Введение в виртуалистику: учеб. пособие / М.А. Пронин, Г.П. Юрьев / под ред. М.А. Пронина (отв. ред.), А.В. Захряпина, Е.В. Мочалова / Мордовский гуманитарный институт. Саранск: Типография «Рузаевский печатник», 2008. 130 с.

106. *Раддер, Х.* О внутренне присущей технологиям нормативности: общие положения / Х. Раддер // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О.Е. Столяровой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 249–269.

107. *Рорти, Р.* Философия и зеркало природы / Р. Рорти. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. 320 с.

108. *Рыклин, М.* Нетки в зеркалах / М. Рыклин // Маркиз де Сад и XX в. М.: РИК «Культура», 1992. 256 с.

109. *Сартр, Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм / Ж.-П. Сартр // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. 552 с.

110. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр; пер. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

111. *Склут, Р.* Бессмертная жизнь Генриетты Лакс / Р. Склут. М.: Карьера Пресс, 2012. 384 с.

112. *Сотскова, М.* Гомункул человек на стекле / М. Сотскова, В. Кавкарадзе // Популярная механика. 2015. № 1. С. 34–38.

113. *Старобинский, Ж.* Поэзия и знание: история литературы и культуры / Ж. Старобинский. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

114. *Стенгерс, И.* Сердце Бога и вещество жизни / И. Стенгерс // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О.Е. Столяровой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 42–79.

115. *Степин, В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция / В.С. Степин // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 125–133.

116. *Степин, В.С.* Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности / В.С. Степин // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVI. № 2. С. 78–91.

117. *Сэйтл, С.* Вынос мозга. Чарующее обаяние безумной нейронауки / С. Сэйтл, С.О. Лилиенфельд. М.: Изд-во «Э», 2016. 368 с.

118. *Тищенко, П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий / П.Д. Тищенко. М. 2001. 177 с.

119. *Тищенко, П.Д.* Биовласть: эвристическое пространство концепта в антропологии / П.Д. Тищенко // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 102–108.

120. *Тищенко, П.Д.* Биоэтика: множественность и мысль / П.Д. Тищенко // Философия и этика: сб. науч. тр.: к 70-летию академика А.А. Гусейнова. М.: Альфа-М., 2009. С. 709–722.

121. *Тищенко, П.Д.* Биотехнологические предпосылки сексуальной революции XXI в. / П.Д. Тищенко // Человек. 2009. № 6. С. 21–30.

122. *Тищенко, П.Д.* Вместо заключения. ГУЛАГ: модернизация и мегамшины по Льюису Мамфорду / П.Д. Тищенко // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 13: Человек NBIC машина: исследование метафизических оснований инновационных

антропотехнических проектов: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С. 116–119.

123. *Тищенко, П.Д.* Коммерциализация фундаментальной науки инновационные социальные технологии / П.Д. Тищенко // Человек. 2014. № 6. С. 111–126.

124. *Тищенко, П.Д.* Конструирование человека: идеалы и технологии / П.Д. Тищенко // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 36–64.

125. *Тищенко, П.Д.* На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики / П.Д. Тищенко. СПб.: Изд-во Мирь, 2011. 328 с.

126. *Уилсон, С.* Искусство и наука как культурные действия / С. Уилсон // Логос. 2006. № 4 (55).

127. *Филатов, В.П.* Обсуждаем статьи о конструктивизме / В.П. Филатов, И.Т. Касавин, А.Ю. Антоновский, Г.И. Рузавин // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20, № 2. С. 142–156.

128. Философия биомедицинских исследований: этос науки начала третьего тысячелетия. М., 2004. 128 с.

129. *Флюссер, В.* О проецировании / В. Флюссер; пер. М. Степанова // ХОРА. 2009. № 3/4 (9/10). С. 65–76.

130. *Фролов И.Т.* Этика науки: проблемы и дискуссии / И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин М.: Политиздат, 1986. 401 с.

131. *Фролов, И.Т.* Этика науки: проблемы и дискуссии / И.Т.Фролов, Б.Г. Юдин М.: Изд-во: Либроком, 2009. 256 с.

132. *Фуллер, С.* Природа как артефакт и что значит быть человеческим существом / С. Фуллер // Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов 155 жизненного мира / под ред. О.Е. Столяровой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 80–89.

133. *Хабермас, Ю.* Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас. М.: Изд-во «Весь Мир», 2002. 144 с.

134. Харре, Р. Союз дискурс-анализа с нейронаукой / Р. Харре // Эпистемология и философия науки. Т. VI, № 4. С. 38–63.

135. Шевченко, С.Ю. Заместительная гормонотерапия: границы технологий улучшения и поиски индивидуального / С.Ю. Шевченко // Рабочие тетради по биоэтике. М., 2015. Вып. 20. С. 143–153.

136. Шевченко, С.Ю. Технологии улучшения как «технологии себя»: обучение и ноотропные препараты / С.Ю. Шевченко // Высшее образование для XXI в.: XII Междунар. Науч. конф. Москва, 3–5 декабря 2015 г.: Доклады и материалы. Симпозиум «Высшее образование и развитие человека» / отв. ред. Вал. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 75–79.

137. Энафф, М. Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена / М. Энафф. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 447 с.

138. Эпштейн, М.Н. Философия тела / М.Н. Эпштейн // Эпштейн М.Н. Философия тела; Тульчинский Г.Л. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. С. 9–194.

139. Юдин, Б.Г., Луков Вал. А. Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта / Б.Г. Юдин, В.А. Луков. М., 2006. 38 с.

140. Юдин, Б.Г. Медицина и конструирование человека / Б.Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 13.

141. Юдин, Б.Г. Научное познание человека и ценности / Б.Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 35–49.

142. Юдин, Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление / Б.Г. Юдин // Эпистемология и философия науки. 2012. Вып. XXXI, № 1. С. 55–64.

143. Юдин, Б.Г. Человек и машина: «интимные связи»? / Б.Г. Юдин // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18: Человек NBIC-машина: филос.-антропол. и биоэт. исследования / под.

ред. П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 103–118.

144. Юдин, Б.Г. Человек как объект технологических воздействий / Б.Г. Юдин // Человек. 2011. № 3. С. 5–20.

Электронные ресурсы на иностранных языках

1. Bastien-Charlebois, Anik. My coming out: The lingering intersex taboo [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://montrealgazette.com/>

2. Body Parts On a Chip [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ted.com/talks/geraldine_hamilton_body_parts_on_a_chip/transcript?language=ru#t-26573

3. Do-It-Yourself Biologist [Электронный ресурс]. URL: <https://diybio.org/>

4. ELSI Research Program [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.genome.gov/10001618/the-elsi-research-program/>

5. Simoncelli, Tania. Should you be able to patent a human gene? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ted.com/talks/tania_simoncelli_should_you_be_able_to_patent_a_human_gene/transcript

6. Thacker, Eugene. Database/Body [Электронный ресурс] // Bioinformatics, Biopolitics, and Totally Connected Media Systems. Switch 5:3. Режим доступа: <http://switch.sjsu.edu/web/v5n3/E-1.html>

7. Venter L., Olivier MS and Britz JJ. Interactive to Proactive: Computer Ethics in the past and the future [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mo.co.za/open/proactive.pdf>.

8. Wang, Allen. Ethics of organs on chips [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pitt.edu/~axw5/Writing%20Assignment%203.pdf>

9. What is egg-sharing? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eggsharing.com/what_is_eggsharing.html

10. Women who give eggs for cloning will get cheap IVF [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-397984/Women-eggs-cloning-cheap-IVF.html>

Электронные ресурсы на русском языке

11. *Борхес, Х.Л.* Бессмертный [Электронный ресурс] / Х.Л. Борхес. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/borhes_horhe_luis/bessmertniy/read

12. *Виттиг, М.* Женщиной не рождаются [Электронный ресурс] / М. Виттиг. Режим доступа: <http://lib.proza.com.ua/book/1814>

13. *Гамильтон, Дж.* Части тела на чипе [Электронный ресурс] / Дж. Гамильтон. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CpkXmtJON84>

14. *Гройс, Б.* Инновация как вторичная обработка. [Электронный ресурс] / Б. Гройс. Режим доступа: <http://kosilova.txtdriven.com/narod/studia/groyce.htm>

15. *Грузков, И.В.* Воспроизводство человеческого капитала: философско-экономический анализ [Электронный ресурс] / И.В. Грузков, В.Н. Грузков. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/805405>

16. *Деннет, Д.* Виды психики. На пути к пониманию сознания. [Электронный ресурс] / Д. Деннет. М.: Идея-Пресс, 2004. Режим доступа: <http://www.psyoffice.ru/2298-9-dennd01-index.html>

17. *Ерохин, С.В.* Биологическое искусство [Электронный ресурс] / С.В. Ерохин, А.С. Мигунов // Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 69–78. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2014_12-1_16.pdf

18. *Исигуро, К.* Не отпускай меня [Электронный ресурс] / К. Исигуро. Режим доступа: http://www.100bestbooks.ru/files/Isiguro_Ne_otpuskai_menya.doc

19. *Камтс, О.* Фрагменты конструирования жизни – влажная палитра тканевой инженерии [Электронный ресурс] /

О. Каттс // «BIOMEDIALE. Современное общество и геномная культура». Калининград, 2004. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4277422/page:17/>

20. Кузнецов, В.Ю. Философия фантастики. К постановке проблемы [Электронный ресурс] / В.Ю. Кузнецов. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-fantastiki-k-postanovke-problemy>

21. Кук, Р. Кома. [Электронный ресурс] / Р. Кук. Режим доступа: http://www.libok.net/writer/1125/kniga/10325/kuk_robin_koma/read

22. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества [Электронный ресурс] / Л. Мамфорд. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115/3117>

23. Обращение участников I Всероссийского родительского Форума «Спасём семью – спасём Россию» к Президенту Российской Федерации Д.А.Медведеву. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ruskline.ru/analitika/2010/12/25/nadeemnya_chnash_golos_budet_uslyshan

24. Ответы доктора Уве Маркса на вопросы читательской аудитории КТТИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://celltranspl.ru/novosti/interviu/otvety-doktora-uve-marksa-na-voprosy-chitatelskoi-auditorii-ktti>

25. Подорога, В. Феноменология тела [Электронный ресурс] / В. Подорога. Режим доступа: http://telesnost.ru/omega/filosofiya/fenomenologiya_tela_ch_3.htm

26. Полански, С. Отчет Брэдбери [Электронный ресурс] / С. Полански. Режим доступа: <http://coollib.com/b/248863/read>

27. Попова, О.В. Феномен «голой жизни» в контексте конструирования смерти человека [Электронный ресурс] / О.В. Попова // Психология и Психотехника. 2014. № 8. С. 813–820. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21946035>

28. *Попова, О.В.* «Быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект» [Электронный ресурс] / О.В. Попова // NB: Культуры и искусства. 2014. № 1. С. 58–76. Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_10961.html

29. *Стрельникова, Л.* Человек на чипе [Электронный ресурс] / Л. Стрельникова // Химия и жизнь. 2012, № 12. Режим доступа: <http://www.hij.ru/read/issues/2012/december/1810/>

30. *Тищенко, П.Д.* Геномика: новый тип науки в новой культурной ситуации [Электронный ресурс] / П.Д. Тищенко // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 2008. № 7. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/7/Tishchenko/index.php?sphrase_id=4917

31. *Турчин, В.* Кибернетический манифест [Электронный ресурс] / В. Турчин, К. Джослин. Режим доступа: <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>

32. *Уильямс Б.* Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в западной философии; Сост. и посл. П.С. Гуревича. Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс. 1988 [Электронный ресурс] / Б. Уильямс. Режим доступа: <http://referati.me/problemyi-filosofii-knigi/uilyams-slu-chay-makropulos-razmyishleniya-32962.html>

33. *Уэндер П., Шейдер Р.* Синдром нарушения внимания с гиперактивностью [Электронный ресурс] / П. Уэндер, Р. Шейдер // Психиатрия. Режим доступа: <http://www.practica.ru/BK5/18.htm>.

34. *Фуко, М.* Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году [Электронный ресурс] / М. Фуко. СПб.: Наука, 2004. 432 с. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/foucault=les_anormaux=ann.htm

35. *Фукуяма, Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции [Электронный ресурс] / Ф. Фукуяма // Пер. с англ. МБ. Левина. М.: ООО «Из-

дательство АСТ”: ОАО “ЛЮКС”, 2004. 349 с. Режим доступа: <http://alt-future.narod.ru/Future/Fnpb/fukunpb.htm>.

36. *Шестов, Л.* Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) [Электронный ресурс] / Л. Шестов. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm>

37. *Юдин, Б.Г.* Антропологические основания биомедицинских исследований [Электронный ресурс] / Б.Г. Юдин. Режим доступа: <http://www.volgmed.ru/uploads/journals/articles/1394694611-bioethics-2009-1-1282.pdf>

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	
БАЗОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДУСЫ: БЫТЬ, ОБЛАДАТЬ, КОНСТРУИРОВАТЬ	7
1.1. Биоэтический и медико-антропологический тезаурус проблемы конструирования человека	7
1.2. Основные представления об артефакте как продукте конструирования в современной западной философии ...	13
1.3. Онтологические особенности биотехнологических ар- тефактов. Человек как артефакт	18
1.4. Биотехнологическое конструирование как современ- ный культурный проект	25
1.5. Тело как объект преобразования: диалектика бытия, обладания и конструирования («быть телом» или «иметь тело», «быть проектом» или «иметь проект»)	45
1.5.1. «Бытие телом» и инструментализация телесности как основополагающие модусы постижения человече- ского тела	48
1.5.2. Специфика биотехнологического преобразования телесности человека в контексте диалектики бытия, обладания и конструирования, или как стали возможны «тела без лица»	52
ГЛАВА 2	
ПРОЕКТ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ БИОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ: ФЕНОМЕН «ГОЛОЙ» ЖИЗНИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЕРТИ	70
2.1. Лагерь в пространстве биополитики	70
2.2. Артефакты «голой» жизни: феномен «Muselmann» ...	72
2.3. Растение-в-человеке: марута-производство человече- ского/нечеловеческого	75
2.4. Биополитическое производство людей-машин	84
2.5. Современные «Muselmann» и «бревна» («марута») в пространстве реанимационных технологий и философско- го осмысления проблемы сознания	89
2.5.1. Персональная и «машинная» грамматики, или О способах описания «голой» жизни»	89

2.5.2. Машинерия смерти и рождение человека-биомашинны (на примере «гибридного» дискурса о смерти мозга) . . .	96
2.6. «Голая» жизнь и «клеточная идентичность»: биологические «следы» человека как личности. Казус клеток HeLa	118
2.6.1. О клетках HeLa	124
2.6.2. Казус Джона Мура	130
2.6.3. «Человек-на-чипе»: идеальная модель человека как испытуемого	136
2.7. Некоторые этико-философские аспекты «клеточной» идентичности. Мертвое тело в эпоху биотехнологий	144
2.8. Этика «чистого листа» и процесс именования	149
ГЛАВА 3	
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ	
ТЕЛЕСНОСТИ	155
3.1. Пластическая, косметическая и эстетическая хирургия: семантические нюансы	160
3.2. Этические проблемы развития пластической хирургии	162
3.3. Эстетика тела и анестетика	168
3.4. Перспективы развития пластической хирургии: к поиску альтернатив	172
3.5. От культуры соблазна к кибер-освобождению	175
ГЛАВА 4	
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМ	
(ENHANCEMENT)	183
4.1. Моральное улучшение и проблема биотехнологического усовершенствования человека: постановка проблемы	183
4.1.1. Определение понятия биотехнологического усовершенствования человека («enhancement») и классификация технологий усовершенствования человека	183
4.1.2. Базовые модальности оценки технологий улучшения человека: этические аспекты	195
4.2. Усовершенствование и «моральная» фантастика	200
4.3. Фармакологическое усовершенствование и сфера труда	206
4.3.1. Этические аспекты применения «умных» лекарств в области трудовых отношений	206
4.3.2. «Умные лекарства» в одном российском трансгуманистическом сюжете	213

Оглавление

4.4. Биотехнологическое конструирование детства	217
4.4.1. Биотехнологическое конструирование и норма- лизация человеческого тела	217
4.4.2. Образы детства в социокультурной динамике . . .	222
4.4.3. Нейрофармакология и пути оптимизации разви- тия индивида: этико-философские аспекты использо- вания «умных лекарств» в детском периоде онтогенеза	225
4.4.4. Между терапией и улучшением телесности: ис- тория Леноры	237
4.4.5. Генеология «ненормального» индивида	244
4.4.6. Казус «трех родителей»	248
4.5. Клонирование человека: между совершенством и ком- модификацией	250
4.5.1. Клонирование как культурный проект	250
4.5.2. Клонирование человека и усовершенствование . . .	253
4.5.3. Репродуктивное клонирование и коммодификация	256
4.6. Идея бессмертия как мировоззренческое основание современного перфекционизма	267
4.6.1. Личность, вечность и преодоление метафизиче- ского бессмертия	267
4.6.2. Скука и пресыщенность бессмертием	273
ГЛАВА 5	
МОРАЛЬНЫЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ	
БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ	
ЧЕЛОВЕКА	283
5.1. Парадокс 1. Аргумент здравого смысла «prima facie»	286
5.2. Парадокс 2. Между ценой и ценностью, между даром и товаром	289
5.3. Парадокс 3. Создание технологических «недочело- веков»	293
5.4. Парадокс 4. Жизнь как стандартизация и арт-проект	303
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	311
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	314

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте
<http://www.kanonplus.ru>
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru

Научное издание

ПОПОВА
Ольга Владимировна

ЧЕЛОВЕК
КАК АРТЕФАКТ
БИОТЕХНОЛОГИЙ

Директор издательства *Божко Ю.В.*
Ответственный за выпуск *Божко Ю.В.*
Художник *Клюйко М.Б.*
Корректор *Жарская С.В.*
Компьютерная верстка *Соколова П.Л.*

Подписано в печать 04.10.2017. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 1000 экз. Заказ .

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс 8 (495) 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: <http://www.kanonplus.ru>

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59